МОЕ ЗНАКОМСТВО
СЪ ВОЕЙКОВЫМЪ
ВЪ 1830 ГОДУ
И ЕГО ПЯТНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ СОБРАНІЯ

I.

Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ былъ человѣкъ не столько замѣчательный собственною литературною дѣятельностью, сколько обстоятельствами сопровождавшими и отчасти поражданими эту дѣятельность, въ основаніи которой лежали желчь, гибкость мнѣній, назойливость, нѣкоторая доза начитанности и очень много ѣдкаго, мефистофельскаго сарказма и остроумія, при отсутствіи чувства деликатности и журнальной правды. Замѣчателенъ Воейковъ былъ еще и по той обстановкѣ въ какой нѣкогда онъ находился и по тѣмъ звѣздамъ первой величины около которыхъ онъ постоянно вращался. Но весь этотъ блескъ былъ только до извѣстной эпохи, до переселенія его изъ Москвы въ Петербургъ, хотя и въ Петербургѣ, почти до конца двадцатыхъ годовъ, послѣ кончины (1826) исторіографа Н. М. Карамзина, большаго его покровителя и защитника, Воейковъ имѣлъ свое значеніе, благодаря какъ ласковымъ къ нему отношеніямъ В. А. Жуковскаго, И. А. Крылова, князя П. А. Вяземскаго и В. А. Перовскаго, такъ, а можетъ-быть и въ особенности благодаря его рукописному памфлету въ ѣдкихъ и ловкихъ стихахъ на все и на всѣхъ въ нашей тогдашней литературѣ, памфлету извѣстному подъ названіемъ *Домъ сума-*

шедшихъ, отрывки изъ котораго были еще недавно въ памяти и на устахъ почти всей грамотной Россіи.

Я началъ знать Александра Ѳедоровича съ 1830 года, уже хромаго (по случаю его паденія изъ экипажа въ 1824 году), въ огромномъ черномъ парикѣ, въ громадныхъ очкахъ и вообще весьма непривлекательнаго, по внѣшности по крайней мѣрѣ. Онъ въ то время и до смерти жилъ въ небольшомъ деревянномъ и тогда уже ветхомъ домѣ, стоявшемъ въ Шестилавочной улицѣ, что нынче Надеждинская, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ теперь высятся красивыя палаты главнаго управленія государственнаго коннозаводства. Здѣсь у него по пятницамъ, вечеромъ, около шести часовъ, такъ какъ позже четырехъ часовъ тогда никто въ Петербургѣ не обѣдалъ, собиралось всегда человѣкъ двадцать, преимущественно изъ пишущей братьи, которые тутъ читали свои произведенія, передавали разныя сплетни, собираемыя въ редакціяхъ и особенно въ книжныхъ лавкахъ; а подчасъ выказывали мысли довольно свѣтлыя или передавали изъ своихъ личныхъ воспоминаній біографическія подробности о личностяхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, даже знаменитыхъ, какъ на поприщѣ государственномъ, такъ и литературномъ. Въ то время о которомъ я говорю, то-есть съ 1830 по 1838 годъ, за годъ до смерти Воейкова, въ теченіи восьмилѣтняго моего съ нимъ знакомства, онъ мало говорилъ, по крайней мѣрѣ я мало отъ него слышалъ, о своихъ прежнихъ знаменитыхъ друзьяхъ, а только постоянно восклицалъ съ какимъ-то напускнымъ восторгомъ объ отношеніяхъ своихъ къ глубокоуважаемому имъ другу и благодѣтелю Леонтію Васильевичу Дубельту, бывшему столько лѣтъ начальникомъ штаба корпуса жандармовъ, портреты котораго были у него во всѣхъ комнатахъ. Воейковъ любилъ въ разговорѣ употреблять много прилагательныхъ и вообще говорилъ съ какимъ-то глухимъ лаѳосомъ, соединеннымъ съ какъ бы волчьимъ завываньемъ, причемъ онъ непремѣнно кусалъ свои пальцы, доводимые этимъ кусаньемъ до того что онъ обвертывалъ ихъ черною тафтой или надѣвалъ на нихъ черную тафтяную перчатку, и тогда уже упражнялся въ кусаніи точеной деревянной рукоятки своей, неразлучной съ нимъ, трости. Говоря съ вами, онъ имѣлъ привычку устойчиво смотрѣть вамъ въ глаза черезъ стекла своихъ очковъ или, напротивъ, приподнявъ эти очки на лобъ и уставляя на васъ черные, бѣгающіе, налитые кровью и косоватые глаза.

Разкажу какъ и при какихъ обстоятельствахъ я познакомился съ Воейковымъ. Въ эту пору, — когда я уже работалъ для *Сѣверной Пчелы*, — въ Петербургѣ выходило нѣсколько маленькихъ еженедѣльныхъ или дважды въ недѣлю, или даже и черезъ день являвшихся листковъ исключительно литературнаго характера. Одинъ изъ этихъ листковъ, издававшійся подъ названіемъ *Сѣвернаго Меркурія*, отличался чрезмѣрною рѣзкостью мнѣній, неправильнымъ выходомъ своихъ нумеровъ и часто пребойкими, злыми и остроумными статейками въ стихахъ и прозѣ, гдѣ преимущественно доставалось Гречу, Булгарину, Полевому и Воейкову. Всѣ эти господа журналисты вслухъ и открыто отзывались объ этомъ листкѣ съ презрѣніемъ, уподобляя его моськѣ Крылова; но со всѣмъ тѣмъ ѣдкія эпиграммы этого листка частенько очень сердили аристократовъ нашей журналистики, и они охотно изыскали бы вѣрное средство выбить перо изъ руки издателя-редактора, отставнаго армейскаго поручика Михаила Алексѣевича Бестужева-Рюмина, который почти постоянно былъ пьянъ, почему за маломальски исправнымъ выходомъ этого остроумнаго листка наблюдали другія лица, преимущественно добрѣйшій и честнѣйшій, но презабавный тогдашній аматёръ-литераторъ Александръ Николаевичъ Глѣбовъ, и еще весьма состоятельный, даже богатый, нѣкто Николай Александровичъ Татищевъ, косноязычный, изнеможенный, сильно гнусившій, но страстно любившій журналистику, находившій (о вкусахъ и цвѣтахъ не спорятъ) что лучше и остроумнѣе *Сѣвернаго Меркурія* ничего найти нельзя. Публика видимо отчасти раздѣляла это мнѣніе г. Татищева, потому что таки довольно охотно подписывалась на этотъ листокъ, въ каждомъ нумерѣ котораго такъ или иначе являлись въ злой карикатурѣ корифеи тогдашней нашей журналистики. Это, повидимому, нравилось петербургской публикѣ, незнакомой еще тогда съ Брамбеусомъ и не имѣвшей понятія о сатирическихъ журналахъ въ родѣ *Весельчака* и *Искръ*, явившихся лѣтъ 25 спустя. Воейковъ въ своихъ *Литературныхъ Прибавленіяхъ* сильно ратовалъ противъ Бестужева-Рюмина, упрекая его въ пьянствѣ. Въ отвѣтъ на это слѣдовали колкіе, но циничные отвѣты въ *Сѣверномъ Меркуріи*. Гречъ не бралъ въ свою *Сѣверную Пчелу* статеекъ съ юмористическимъ характеромъ на литературныхъ и не литературныхъ двигателей того времени и вообще на извѣстныя въ городѣ личности, отличавшіяся какими-нибудь эксцентричностями. Не бралъ же

онъ этихъ статей потому что товарищъ его, знаменитый Ѳаддей Булгаринъ, считался великимъ мастеромъ писать юмористическія статьи, какими наводнялъ *Пчелу* преисправно, взимая за нихъ довольно крупный гонорарій. Какъ бы то ни было, но между соиздателями было тайное условіе—отстранять отъ *Пчелы* всѣ юмористическія статьи и даже, по возможности, стараться уничтожать ихъ. Узнавъ объ этомъ на опытѣ, по уничтоженіи въ каминѣ Греча нѣкоторыхъ моихъ статеекъ, я отправился къ Бестужеву-Рюмину со свертокомъ новыхъ статеекъ, осмѣивавшихъ въ самомъ карикатурномъ видѣ между прочимъ знаменитую тогду въ Петербургѣ личность нѣкоего Элькана, всюдусущаго и всѣмъ надоѣвшаго, а также и нѣсколько другихъ рельефныхъ личностей, игравшихъ въ то время разныя роли въ столицѣ. Въ тѣ патріархальныя времена редакціи не имѣли ничего общаго съ нынѣшними, и дѣло велось совершенно иначе, бо́льшею частью однимъ лицомъ, безъ штата субъ-редакторовъ, секретарей и постоянныхъ сотрудниковъ. Было много охотниковъ печатать свои статейки бо́льшею частію даромъ, считая еще великою честью что статейка удостоилась печати. Конечно, не всѣ такія статьи и статейки непремѣнно печатались: многія возвращались авторамъ, многія пропадали у редакторовъ. Однако сколько-нибудь сносныя статьи принимались съ любезностью, выражавшеюся посылкой къ автору двухъ-трехъ, иногда десяти билетовъ на журналъ или газету. Это было для молодыхъ писакъ, къ числу какихъ и я принадлежалъ, верхомъ благополучія, давая имъ возможность распространять листокъ или жиденькую книжечку, печатавшіе ихъ статьи, въ кругу своихъ знакомыхъ; а эти знакомые, въ свою очередь, были довольны что знаются съ юнымъ писателемъ, доставляющимъ имъ экземпляръ періодическаго изданія печатающаго его прозу или стишки. Гречъ въ числѣ сотрудниковъ имѣлъ двухъ-трехъ постоянныхъ и въ томъ числѣ и меня, какъ я уже о томъ упоминалъ въ моей статьѣ: *Четверги у Н. И. Греча* (№ 4 журнала *Заря* 1871). Съ постоянными, такъ-сказать, *крѣпостными* своими сотрудниками Гречъ былъ крайне нецеремоненъ и трактовалъ ихъ очень легко; къ сотрудникамъ же *дилетантамъ*, какъ онъ ихъ называлъ, Николай Ивановичъ относился особенно любезно, ежели замѣчалъ въ нихъ хоть малѣйшій талантъ, и обыкновенно, принимая отъ нихъ даровую статью, восклицалъ: „А намъ статеечку, дай Богъ здо-

ровья вамъ!“ повторяя часть куплета изъ славившагося когда-то водевиля: *Фениксъ или утро журналиста*, гдѣ талантливый тогдашній актеръ Рамазановъ вывелъ на сцену самого Греча, усвоивъ себѣ весьма ловко всю его внѣшность, манеры и привычки. Случаю угодно было чтобъ я засталъ дома, въ первый мой визитъ, Михаила Алексѣевича Бестужева-Рюмина, жившаго тогда въ дрянномъ деревянномъ домишкѣ гдѣ-то въ Саперномъ переулкѣ, въ довольно забавномъ и эксцентричномъ положеніи. Этотъ г. Бестужевъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, средняго роста, темноволосый, не столько плотный, сколько широко-костный, широко-грудый, сутуловатый и съ огромною головой, въ видѣ ливнаго котла, да и лицо-то у него было цвѣта какого-то мѣдно-краснаго, съ глазами сѣро-карими, изъ которыхъ одинъ препорядочно косилъ. Говорилъ онъ пришепетывая, словно имѣлъ кашу во рту, и съ довольно замѣтнымъ заиканьемъ. Усовъ и бороды въ тѣ времена никто почти не носилъ, а у него даже и бакенбарды не росли. Свѣтскими манерами этотъ господинъ не отличался: рѣчь его, пересыпанная площадными, извощичьими выраженіями, дѣлалась неестественно по-гостинодворски учтива, съ прибавкой ce почти къ каждому слову, когда онъ хотѣлъ съ кѣмъ-нибудь быть вѣжливъ по своему, голосъ же его отличался постоянною, непріятною хрипотой, свойственною голосу людей находящихся въ томъ положеніи которое называется съ перепоя. Одѣвался Бестужевъ безвкусно и имѣлъ видъ domestique endimanché, то-есть лакея въ праздничномъ туалетѣ, въ которомъ изобиловали яркіе цвѣта, какъ напримѣръ, свѣтло-синій фракъ, красновато-розовый жилетъ и бронзоваго цвѣта шаравары, съ глубокими карманами. Вообще онъ не отличался ни изяществомъ, ни знаніемъ свѣтскихъ приличій, причемъ, хотя и былъ журналистъ, изъ всѣхъ наукъ зналъ порядочно одну лишь русскую грамматику и писалъ совершенно правильно, но во всемъ другомъ отличался поразительнымъ невѣжествомъ, которымъ Богъ знаетъ для чего даже любилъ хвастать: не говоря уже о томъ что онъ не зналъ ни одного изъ обыкновеннѣйшихъ въ общежитіи иностранныхъ языковъ, не имѣлъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній, почему безъ строгаго наблюденія за его редакторствомъ гг. Татищева и Глѣбова, надѣлалъ бы въ печати самыхъ жалкихъ ошибокъ, которыя доставили бы торжество его врагамъ; а враговъ у него было не початый конецъ. Въ числѣ ихъ главный

Воейковъ, лично ненавидѣвшій бѣднаго Бестужева и хлопотавшій за кулисами серіозно о высылкѣ его изъ столицы.

Итакъ, я, отправясь къ Бестужеву, со сверткомъ юмористическихъ моихъ очерковъ (самаго, какъ помнится, дѣтскаго качества), вошелъ въ сѣни его деревяннаго домика и, не звоня, проникъ чрезъ полуотворенную дверь въ прихожую, узкую, тѣсную, въ которой висѣли шубы, валялись сапоги, сапожныя щетки и полуразбитая тарелка съ ваксой и важно прогуливался зашедшій со двора лѣтухъ, тщетно искавшій тутъ себѣ пищи. Тутъ же у окна была большая клѣтка съ жаворонкомъ. За дверью, въ сосѣдней комнатѣ, слышно было чье-то плесканье въ водѣ и какое-то хрюканье съ глухимъ воемъ, заглушаемое отъ времени до времени чьими-то словами: „Эхъ! налопался! Сегодня видно и не отольешь тебя, чортъ косоглазый!“ Я началъ кашлять, чтобы дать о себѣ знать, и тогда тотъ же голосъ крикнулъ: „Ежели кто по *Ментурію*, входите, нечего церемониться!“ Такъ какъ я былъ именно по *Ментурію*, то вошелъ въ комнату въ моей енотовой шубѣ и со шляпой на головѣ. Зрѣлище представлявшееся мнѣ поразило меня: довольно большое зальце, въ четыре окна, гдѣ всѣ ломберные открытые столы и стулья покрыты были грудами экземпляровъ газеты *Съверный Меркурій* и различными другими газетами, журналами, книгами. Вообще въ комнатѣ царствовалъ хаосъ, соединявшій съ книгами и газетами остатки утренняго завтрака или вчерашняго ужина, бутылки и штофы полупустые, табакъ, сигары, трубки и табачную золу. Около одного изъ оконъ, полуобнаженный, безъ халата, валявшагося на полу, сидѣлъ издатель-редакторъ *Съвернаго Меркурія*, наклонивъ голову надъ громаднымъ ушатомъ, а вѣрный его слуга, могшій служить натурщикомъ для портрета Чичиковскаго Петрушки, поливалъ голову своего барина ледяною водой, стекавшею въ чанъ, и тѣмъ отрезвлялъ его. Однако прототипъ Петрушки, ожидавшій видѣть наборщика изъ типографіи, увидя меня, сконфузился, вспомнивъ что выраженія его могли быть услышаны, и просилъ меня снять тутъ же шубу, положить ее на диванъ, а самому войти въ слѣдующую маленькую комнату, величаемую имъ кабинетомъ. При этомъ добрый холопъ благодушно и деликатно сказалъ: „*Мигренъ* у Михаила Алексѣевича мигомъ пройдетъ. Вотъ я ему льдомъ потру голову, и онъ скоро къ вамъ явится.“

И точно черезъ четверть часа явился Бестужевъ, съ кото-

рымъ я познакомился и имѣлъ въ послѣдствіи ни одинъ случай убѣдиться что онъ былъ необыкновенно добрый и весьма честный малый, къ своему несчастью, однако, удрученный отвратительною слабостію къ горячимъ напиткамъ. Бестужевъ печаталъ безъ критики и разбора всѣ пустяки какіе я ему доставлялъ безпрерывно, и часто говаривалъ что при такомъ пароходномъ сотрудничествѣ можно безостановочно выпускать въ четвергъ и въ воскресенье нумера газеты. Это дѣйствительно и исполнялось довольно аккуратно. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности о статьяхъ *Сѣвернаго Меркурія*; но я предоставлю себѣ удовольствіе когда-нибудь передать читателямъ примѣры всей тогдашней журналистики, разумѣется, куріозу ради, а не для чего другаго. Для приведенія этого предположенія въ исполненіе, надо будетъ мнѣ хорошенько порыться въ моемъ рукописномъ домашнемъ архивѣ и посѣтить нѣсколько разъ Публичную Библіотеку.

II.

Нельзя не сказать что въ тогдашней журнальной болтовнѣ являлись по временамъ вещи далеко не ничтожныя, а напротивъ, полныя остроумія и юмора. Къ числу такихъ не принадлежала однако площадная брань какая обращена была Бестужевымъ, ни съ того, ни съ сего, въ *Сѣверномъ Меркуріи* на появившійся въ то время литературно-салонный французскій, выходившій по воскресеньямъ, листокъ *Le Furet*, издаваемый молодымъ Французикомъ, малорослымъ, съ черною гривой, одареннымъ голосомъ удавленнаго пѣтуха, Шарлемъ де Сенъ-Жюльеномъ, лекторомъ французскаго языка при Петербургскомъ университетѣ, гдѣ въ то время былъ ректоромъ Дюгуровъ (Dugour), Французъ-эмигрантъ, не знавшій слова по-русски, однако передѣлавшій свою францускую фамилію на русскій ладъ. Всего пошлѣе въ критикѣ Бестужева на *Furet*, что по-русски значитъ „хорекъ“,—было то что Бестужевъ назвалъ *помоечкой* и эту салонную газетку и ея редактора-издателя, превосходно принятаго во всѣхъ салонахъ петербургскихъ „сливокъ“. Такъ, молоденькій Французикъ съ косматою шевелюрой былъ очень и очень goûté dans les salons de M-me la comtesse de Laval *, то-есть

* Въ тѣ времена ходила по рукамъ карикатура на которой представлена была графиня Лаваль держащая ложку предъ ртомъ, а

старой толстухи „Лавальши“. Въ салонахъ сильно возоплiяли за честь Monsieur Charles de St.-Julien, оскорбленнаго публично какимъ-то misérable journaliste russe. Гречъ кое-гдѣ подстрекалъ чтобы Бестужева выслали изъ Петербурга за обруганіе имъ газетки имѣющей счастье быть читаемою постоянно государыней императрицей; Воейковъ, съ своей стороны, инсинуировалъ противъ Бестужева за эту дерзость у „благодѣтеля“ своего Леонтія Васильевича Дубельта. Все это не прошло бы даромъ Бестужеву, и разъ добрѣйшій Николай Александровичъ Татищевъ, пріѣхавъ отъ своей кузины comtesse Agripine (Закревской), сообщилъ чрезъ Глѣбова, поздно вечеромъ Бестужеву что онъ, Татищевъ, упросилъ за него графиню Агрилину чтобъ она походатайствовала о немъ у графа Бенкендорфа. Добрѣйшей графинѣ Бенкендорфъ, всегда смѣявшейся надъ графиней Лаваль, Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ разказалъ всю эту исторію или бурю въ стаканѣ воды, и графиня взялась быть защитницей русскаго журналиста. „Охота же мнѣ была написать эту статью объ этой дрянной французской газетиткѣ!“ заикаясь поговаривалъ Бестужевъ, когда до него дошли слухи что его выходкамъ противъ М-г Сенъ-Жюльена даютъ совершенно превратный толкъ. Среди всего этого шума и этой перестрѣлки, я доставилъ Бестужеву статью опровергавшую первую напечатанную имъ, ни съ того, ни сего, въ *Меркуріи* противъ *Furet* и напротивъ восхвалявшую французскій листокъ выше лѣса стоячаго. Когда эта моя статья была напечатана, я отправился съ нею въ гостиную милой, любезной и необыкновенно образованной г-жи Ламе, жены инженеръ-полковника Ламе, который вмѣстѣ съ другомъ своимъ полковникомъ Клапейрономъ оказалъ большія услуги ученой технической части по нашему вѣдомству путей сообщенія, какъ при Бетанкурѣ, такъ и при бывшемъ тогда главноуправляющемъ герцогѣ Александрѣ Виртембергскомъ. Г-жа Ламе, кузина и подруга дѣтства М-г Сенъ-Жюльена, тотчасъ сообщила ему переводъ моей статьи, мною же у нея въ кабинетѣ сдѣланный. И вотъ, на другой же день, при вѣжливомъ письмѣ редактора-издателя *Furet*, я получилъ всю коллекцію еженедѣльнаго листка, правду сказать, очень миленькаго и

на ложкѣ маленькій человѣчекъ, въ которомъ я не могъ не узнать любезнѣйшаго М-г St.-Julien. Подъ карикатурой подпись: Madame L'avale.

разнообразнаго, въ количествѣ пяти экземпляровъ, то-есть одного для меня и четырехъ для моихъ знакомыхъ. Не прошло сутокъ послѣ этой присылки, какъ явился ко мнѣ самъ М-г Charles de St.-Julien, приглашавшій меня быть его сотрудникомъ по части отчетовъ о русской текущей литературѣ и журналистикѣ, разумѣется, за честь и удовольствіе быть сотрудникомъ de cette charmante feuille de salons de la capitale, и иногда, разокъ въ недѣлю, за возможность пользоваться редакторскимъ кресломъ въ тогдашнемъ Маломъ Театрѣ, гдѣ въ то время играли исключительно Французы, труппа которыхъ была составлена превосходно. Недавно какъ-то въ Публичной Библіотекѣ вздумалось мнѣ взглянуть на мои старинные грѣхи въ этомъ *Furet*, выходившемъ здѣсь въ Петербургѣ за 40 лѣтъ предъ симъ. Мои comptes rendus о тогдашней русской литературѣ были не что иное какъ торопливое издѣліе семнадцатилѣтняго юноши, писавшаго о многомъ по слухамъ, а о другомъ по своимъ отношеніямъ. Такъ напримѣръ я расхвалилъ тогда романъ Греча *Черная женщина* и вообще отзывался съ особеннымъ уваженіемъ о всемъ томъ что творилось въ *Пчелѣ*. Все это впрочемъ было совершенно чистосердечно, потому что я въ тѣ времена былъ твердо убѣжденъ въ высокихъ достоинствахъ произведеній перьевъ Греча и Булгарина и въ великомъ значеніи ихъ газеты, хотя, правду сказать, чтеніе романовъ Николая Ивановича Греча наводило на меня зѣвоту и нагоняло тоску непреодолимую. Но какъ бы ни было, а въ тѣ времена статейки мои въ *Furet* о littérature contemporaine russe, имѣли свое положительное значеніе, и я сдѣлался, самъ не подозрѣвая, мишенью различныхъ любезностей многихъ тогдашнихъ нашихъ беллетристовъ. Такъ, напримѣръ, я помню что въ ту пору И. И. Калашниковъ прислалъ мнѣ богато переплетенный экземпляръ своего романа *Камчадалка*, а Н. А. Полевой доставилъ мнѣ изъ Москвы полный экземпляръ своего истинно прекраснаго *Телеграфа*. Затѣмъ ужь я, бывало, превозносилъ же Богъ знаетъ какъ *le Télégraphe de Moscou*, что было пріятно почтенному Николаю Алексѣевичу, особенно по тому обстоятельству что серіозный *Journal des Débats* заимствовалъ неоднократно на свои столбцы отчеты маленькаго *Furet* о тогдашней русской текущей литературѣ. Еще помнится мнѣ что покойный князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій, передалъ однажды графинѣ Лаваль одну изъ своихъ тогдашнихъ книгъ,

помнится, *Пестрыя Сказки* или что-то въ этомъ родѣ, съ тѣмъ чтобъ о ней было упомянуто въ *Furet*, и редакторъ этой газетки прислалъ мнѣ эту книгу чтобъ о ней faire une aimable mention, то-есть сдѣлать любезный отзывъ. „Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“ что за 40 лѣтъ предъ симъ семнадцатилѣтній мальчикъ, знавшій порядочно французскій языкъ, могъ такъ куралесить въ русской литературѣ посредствомъ сотрудничества въ маленькомъ салонномъ французскомъ листкѣ.

Вообще газетка *Furet*, feuille hebdomadaire свѣтскихъ и литературныхъ новостей, занимала довольно почетное мѣсто съ кипсеками и журналами модъ во всѣхъ блестящихъ петербургскихъ салонахъ, какихъ тогда въ столицѣ было многое множество. Извѣстность русскихъ литературныхъ отчетовъ моихъ въ *Furet* дошла, къ бѣдѣ моей, и до столь извѣстнаго, даже знаменитаго тогдашняго плодовитѣйшаго стихокропателя, маститаго графа Дмитрія Ивановича Хвостова, имя котораго въ исторіи нашей литературы сдѣлалось предметомъ всеобщаго глумленія по причинѣ страсти этого старика-самодура не только писать и печатать свои вирши, но и читать ихъ всѣмъ и каждому или заставлять этихъ всѣхъ и каждаго читать ему вслухъ его стихи, которыми онъ восхищался, и которыми были всегда биткомъ набиты какъ карманы его сѣраго съ Анненскою звѣздой фрака, испачканнаго сзади пудрой, а спереди табакомъ, такъ карманы двухъ ливрейныхъ гайдуковъ, сопровождавшихъ сіятельнаго ліпиту на прогулкахъ въ Лѣтнемъ Саду. Изъ этихъ-то резервуаровъ, маленькій, сгорбленный, сухощавый старичокъ, сморщенный какъ печеное яблоко, потрясавшій головой, густо напудренною, постоянно извлекалъ массы своихъ стихотворныхъ брошюръ и листковъ, издававшихся имъ на всевозможные случаи. Графъ обыкновенно въ Лѣтнемъ Саду подсаживался къ знакомымъ и незнакомымъ, и всѣхъ мучалъ чтеніемъ этихъ стиховъ до того что постоянные посѣтители сада всѣми силами старались улизнуть отъ его сіятельства. Въ это же время въ Лѣтнемъ Дворцѣ Петра I живалъ лѣтомъ тогдашній министръ финансовъ графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ, который нашелъ нужнымъ, съ своимъ откровеннымъ простодушіемъ, не лишеннымъ, однако, насмѣшливости, разъ навсегда отдѣлаться отъ поэтическихъ нападеній графа Дмитрія Ивановича, сказавъ ему въ Лѣтнемъ

Саду, своимъ зычнымъ голосомъ, во всеуслышаніе: „Ваши стихи, ваше сіятельство, графъ Дмитрій Ивановичъ, такъ превосходны што заставляютъ меня самого пропофать писать такіе же стихи, и это беретъ отъ меня время государственной службы, шресъ што я совершаю государственное преступленіе, уклоняясь отъ моихъ обязанностей престолу и отечеству. А потому я финуждень буду котатайствофать высочайшее повелѣніе запретить вамъ, графъ, шитать мнѣ ваши плѣнительные стихи". Графъ Дмитрій Ивановичъ былъ далеко не глупъ; но страсть къ своимъ виршамъ въ немъ была до того сильна, что онъ не понялъ насмѣшливой шутки Канкрина и всѣмъ ее разказывалъ, давъ, однако, себѣ слово не отвлекать государственнаго мужа отъ его занятій, которыми онъ обязанъ по присягѣ престолу и отечеству. Узнавъ объ этомъ, извѣстный остякъ и шутникъ, князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, любившій потрунить и пошутить, пресеріозно увѣрилъ графа Дмитрія Ивановича что ежели Канкринъ пожалуется на него, за чтеніе ему стиховъ, государю, то императоръ назначитъ графу Дмитрію Ивановичу для жительства одно изъ его имѣній и освободитъ его отъ сенаторства. Такимъ образомъ, графъ Канкринъ былъ застрахованъ отъ чтенія стиховъ Хвостова или „хвостовщины", какъ прозвалъ стихи эти Гречъ. Достовѣрно извѣстно что графъ Хвостовъ нанималъ, за довольно порядочное жалованье въ годъ, на полномъ своемъ содержаніи и иждивеніи, отставнаго чиновника, всѣ обязанности котораго ограничивались слушаніемъ и чтеніемъ вслухъ стиховъ графа. Говорятъ что, не взирая на хорошее содержаніе, чиновники эти болѣе года не выдерживали этой пытки и постоянно перемѣнялись, увѣряя что они на этой службѣ заболѣваютъ какою-то особенною болѣзнью, которую шутники называли „стихофобіей". Въ Лѣтнемъ Саду графъ старался ловить пріѣзжихъ провинціаловъ, восхищавшихся честью бесѣдовать съ сенаторомъ-звѣздоносцемъ, почему эти добрые люди выслушивали и сами вслухъ читали его стихи. За это графъ приглашалъ многихъ изъ нихъ къ себѣ въ домъ на обѣдъ, что было вершиной почета для наивныхъ провинціаловъ, какихъ тогда въ Россіи еще было не мало, но какіе нынче, съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ и при сближеніи самыхъ даже захолустьевъ со столицами, значительно убавляются. Всѣхъ анекдотовъ и толковъ о графѣ Дмитріи Ивановичѣ не перечесть долго; почему, давъ

понятіе о немъ читателю, перехожу къ тому что лично до меня въ знакомствѣ моемъ съ графомъ Хвостовымъ относится.

Какъ я въ Лѣтнемъ Саду ни лавировалъ, но попался графу Хвостову словно куръ во щи, и онъ замучалъ меня своими стихами, отзываясь при этомъ съ восторгомъ (разумѣется подъ-дѣльнымъ) о моихъ статьяхъ во французскомъ листкѣ, въ *Furet*, и приглашая къ себѣ въ гости. Онъ жилъ тогда въ Сергіевской улицѣ, въ своемъ длинномъ, желтомъ, неуклюжемъ двухъ-этажномъ домѣ, который давнымъ давно не существуетъ и замѣненъ какими-то изящными чертогами, какъ извѣстно, наполняющими эту аристократическую улицу. Я у графа не былъ и, признаюсь, имѣлъ школьничество дать ему свой фальшивый адресъ, гдѣ-то у Бертова моста, въ малой Коломнѣ, тогда какъ я проживалъ тогда въ Басковомъ переулкѣ, въ мезонинѣ деревяннаго дома противъ артиллерійскихъ казармъ, который тогда принадлежалъ киверному фабриканту отставному унтеръ-офицеру Глотову, а нынче стоитъ все въ томъ же видѣ, только не вѣдаю уже кому принадлежитъ онъ теперь. Однако этотъ фальшивый адресъ не спасъ меня: въ одно утро, въ воскресенье послѣ обѣдни, предъ Глотовскимъ зеленовато-табачнаго цвѣта домикомъ съ мезониномъ остановилась голубая карета четверкой съ форейторомъ. Два ливрейныхъ лакея въ синихъ сюртукахъ, съ малиновыми воротниками и серебряными галунами на треугольныхъ шляпахъ и на капишонахъ, соскочили съ запятокъ. Одинъ сталъ у дверецъ, другой вошелъ на дворъ и направился по лѣстницѣ въ мой мезонинъ. Онъ подалъ мнѣ визитную карточку графа со словами написанными красными чернилами: „Не откажите, молодой писатель, потѣшьте старика, поѣзжайте съ нимъ къ нему на домъ теперь же. Графъ Дм. Хвостовъ“.

Отнѣкиваться было уже совершенно неприлично; я надѣлъ фракъ, взялъ шляпу, набросилъ на плеча шинель, и поѣхалъ въ графской каретѣ вмѣстѣ съ его сіятельствомъ. Онъ дорогой ни полслова не говорилъ мнѣ о мистификаціи съ адресомъ и только стращалъ тѣмъ что заарестуетъ на обѣдъ. Однако я отъ этой чести отклонился, доказавъ ему невозможность принять его лестное приглашеніе, такъ какъ я „обязанъ“ по воскресеньямъ бывать у Дмитрія Гавриловича Бибикова, моего тогдашняго начальника по департаменту внѣшней торговли. Дома графъ угостилъ меня отмѣнно хорошимъ шоколатомъ съ бисквитами, послѣ чего не могъ утерпѣть чтобы не прочесть

мнѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ стиховъ, только-что тогда имъ произведенныхъ. Предъ тѣмъ какъ намъ распрощаться, добрый старичокъ взялъ съ меня слово что я буду у него скоро и, при этомъ, онъ снабдилъ меня печатною тетрадью въ большую четвертку съ новыми своими стихотвореніями. На заглавномъ листѣ этого in quarto, очень красиво и даже роскошно напечатаннаго, старикъ-стихокропатель написалъ при мнѣ же нѣсколько стиховъ съ посвященіемъ мнѣ „юному критику газеты французской *Furet* отъ удивляющагося его талану и вѣрности сужденія старика поэта, до гроба поклонника музъ и грацій". Таково было содержаніе этихъ шести стиховъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ именами Аполлона и почти всѣхъ жителей Парнаса красовались имена и фамиліи, какъ его сіятельства, такъ вашего покорнѣйшаго слуги. При выходѣ на улицу, со стихотвореніемъ завернутымъ въ трубку, я вспомнилъ что въ этотъ вечеръ предстоялъ мнѣ, послѣ обѣда у моего директора департамента, маленькій балликъ на Васильевскомъ острову, у моихъ добрыхъ и многоуважаемыхъ тогдашнихъ знакомыхъ Башуцкихъ. * Вслѣдствіе этого воспоминанія о баликѣ, я распорядился пріобрѣсти себѣ палевыя перчатки самыя свѣжія. Фурнировался я всѣми туалетными вещами въ отмѣнно хорошемъ тогдашнемъ магазинчикѣ Дюливье, въ домѣ Рогова на Невскомъ проспектѣ, хозяинъ и хозяйка котораго отличались замѣчательною образованностію, обширною начитанностію и коммерческою любезностію самаго лучшаго тона. Естественно что маленькій магазинъ г. и г-жи Дюливье былъ всегда биткомъ набитъ. Взявъ на чистыя деньги перчатки, я оставилъ въ магазинѣ свертокъ съ печатными стихами и рукописнымъ посвященіемъ, сказавъ что ежели завтра я не зайду мимоходомъ за этою тетрадью, то хозяева въ правѣ дѣлать съ нею все что̀ и мъ заблагоразсудится. Едва прошло пять дней послѣ этого, какъ я получилъ отъ графа Дмитрія Ивановича цидулочку съ приглашеніемъ меня завтра вечеромъ на чашку чая. Забывъ о существованіи тетради со стихотвореніями и посвященіемъ, я отправился въ Сергіевскую, гдѣ былъ принятъ съ распростер-

* Глава этого семейства былъ тогда старецъ Даніилъ Яковлевичъ Башуцкій, братъ извѣстнаго петербургскаго коменданта Павла Яковлевича Башуцкаго и отецъ Александра Даніиловича, нынѣшняго сенатора, а также дядя весьма извѣстнаго въ нашей литературѣ Александра Павловича Башуцкаго, издателя *Панорамы Петербурга*.

тыми объятіями и угощенъ нѣсколькими стаканами хорошаго чая со сливками и съ отличными, повидимому, домашними, печеньями. Сидѣли въ гостиной голубой съ серебряными звѣздочками и освѣщенной многими канделябрами съ восковыми свѣчами, такъ какъ тогда о каллетовскихъ стеариновыхъ свѣчахъ только-что еще начинали слегка поговаривать и употребляли ихъ въ видѣ опыта. Графъ, какъ водится, читалъ свои стихи и заставлялъ читать ихъ своего чиновника-наемника. Графиня Хвостова, урожденная княжна Горчакова, тетка нынѣшняго нашего государственнаго канцлера, въ напудренныхъ букляхъ старушка, окруженная тремя или четырьмя старообразными и весьма невзрачными компаніонками, одѣтыми однако очень модно и вычурно, да еще пятью или шестью болонками и мопсами, съ ошейниками и побрякушками, присутствовала тутъ же, дѣлая видъ что слушаетъ стихи своего мужа, лаская сабакъ, или играя въ дурачки съ которою-нибудь изъ своихъ дамъ. Графиня Хвостова во всемъ Петербургѣ славилась своимъ французскимъ языкомъ, который она такъ умѣла удивительно уродовать. Разказывали что когда ея братъ князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго, за какой-то военный совершенный имъ подвигъ, она сказала: „Mon frère a reçu la *cavalerie à travers l'épaule* (кавалерскую ленту чрезъ плечо) pour avoir eté blessé au *caviar* gauche“ (лѣвую икру). А когда ее спрашивали о гувернёрѣ ея сына, кто это? она отвѣчала: „C'est le monsieur, qui marche derrière mon fils (ходитъ за моимъ сыномъ) et lui montre la langue française“ (преподаетъ ему правила французскаго языка). Опасаясь расхохотаться когда ея сіятельство пустится говорить по-французски, я прикинулся не умѣющимъ говорить по-французски и просилъ чтобы со мною говорено было по-русски. Графиня однако, зная что я пишу статейки во французской газетѣ, выразила по этому случаю свое удивленіе и сказала по поводу этого обстоятельства одной изъ своихъ невзрачныхъ компаніонокъ что-то на своемъ французскомъ діалектѣ невыразимо абсурдное, заставившее меня прикусить языкъ, чтобы не фыркнуть. Графъ сталъ говорить мнѣ очень любезно о тѣхъ стихахъ какіе онъ мнѣ подарилъ со своимъ посвященіемъ. Платя дань учтивости и вѣжливости, я отвѣчалъ что тетрадь эта занимаетъ первое мѣсто въ моей библіотечкѣ, а посвященіе начертанное его

рукой приводитъ въ восхищеніе мою мать, показывающую всѣмъ и каждому этотъ лестный документъ. Но однако я жестоко былъ наказанъ за мою безстыдную ложь, потому что старикъ графъ Дмитрій Ивановичъ, хотя былъ конечно самодуръ съ своимъ несчастнымъ стихолетствомъ, но все-таки былъ притомъ свѣтскій и порядочный человѣкъ чистаго Екатерининскаго типа, почему съ любезною усмѣшкой сказалъ мнѣ: „Видно чудеса Каліостро возобновляются. Вы говорите что тетрадь эта у васъ на квартирѣ, а между тѣмъ она вотъ у меня здѣсь“. И онъ подалъ мнѣ эту злополучную тетрадь, вынувъ ее изъ ящика преддиваннаго стола. Я покраснѣлъ какъ маковъ цвѣтъ. Дѣло объяснилось тѣмъ что графиня купила какую то матерію въ магазинѣ Дюливье, и товаръ этотъ завернули въ расшитую хозяевами магазина, оставленную мною на ихъ распоряженіе тетрадь, состоявшую изъ одного печатнаго листа въ 8 страницъ, то-есть въ четвертку. Графъ велѣлъ разгладить этотъ листъ при содѣйствіи переплетчика; но не отдалъ мнѣ его обратно, говоря что онъ отдастъ мнѣ этотъ экземпляръ тогда когда я въ наказаніе подарю его не однимъ, а многими моими посѣщеніями.

III.

Въ первое же воскресенье, за обѣдомъ у Дмитрія Гавриловича Бибикова, моя исторія со стихотвореніями и посвященіями графа Хвостова была разказана мною очень комично и сдѣлала у Бибиковыхъ такой фуроръ, что на другой же день пересказана была графу и графинѣ Канкринымъ, равно какъ графу и графинѣ Бенкендорфъ. Хохоту было много. Я же расписалъ эту исторію, comme un fait du jour, моему редактору издателю Charles de St.-Julien, который изъ этого матеріала состряпалъ въ довольно бойкихъ стихахъ комичную балладу-легенду, гдѣ подъ именемъ comte De-la-Queue (то-есть графъ Хвостовъ) изобразилъ чудака стихолета со всѣми его странностями и смѣшными замашками и увлеченіями, фабулой же драмы было вышеозначенное происшествіе съ тетрадью in-quarto и съ собственноручнымъ посвященіемъ; а мѣсто дѣйствія перенесено было въ какое-то захолустье Франціи.

Стихотвореніе М-г Сенъ-Жюльена, прочитанное во всѣхъ салонахъ, очень разогорчило добраго и не глупаго, но страстно влюбленнаго въ свои стихотворенія графа Дмитрія Ивановича

Хвостова. Онъ непремѣнно хотѣлъ какъ-нибудь наказать юношу за шутку надъ нимъ, шутку столь публичную и такъ ядовито его задѣвшую, хотя, правду сказать, въ стихотвореніи М-г Сенъ-Жульена я былъ вовсе не повиненъ. Графиня, при всей добротѣ своей, гнѣвалась на основателя этой шутки, то-есть на меня; потому что monsieur St-Julien считался, по ея мнѣнію, только моимъ оружіемъ, и говорила что надобно придумать мальчишкѣ строгое и памятное наказаніе. Въ это время какъ нарочно пріѣхалъ къ графу Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ, который частенько въ ту пору посѣщалъ графа, такъ какъ это было осенью предъ подпиской на періодическія изданія, а графъ бралъ ежегодно на свой счетъ по сотнѣ экземпляровъ Воейковскихъ изданій, съ тѣмъ однако условіемъ чтобы въ слѣдующемъ году было непремѣнно напечатано въ журналахъ Воейкова хоть одно стихотвореніе графа Дмитрія Ивановича. Графъ, а больше всего графиня, разказали Воейкову всю исторію моего проступка и предъявили ему злосчастное стихотвореніе объ malheureux cracheur de méchants vers comte De-la-Queue. Воейковъ прежде всего хотѣлъ написать противъ меня ругательную статью или помѣстить мою персону въ свой *Домъ сумашедшихъ*. Однако первое онъ нашелъ не вполнѣ достигающимъ цѣли, а второе призналъ черезчуръ почетнымъ для меня, по крайней молодости моихъ лѣтъ.

Затѣмъ рѣшено было въ общемъ комитетѣ пригласить меня въ имѣющее быть у графа на дняхъ вечернее литературное собраніе, гдѣ будутъ читать свои прелестныя (для нихъ) произведенія, подъ предсѣдательствомъ самого хозяина-амфитріона, такіе „знаменитые“ піиты и прозаики, какъ Владиміръ Ивановичъ Панаевъ, авторъ сладко-снотворныхъ элегій; Лобановъ, переводчикъ Росиновой трагедіи *Федра*; онъ, Воейковъ, переводчикъ Виргилія и Делиля; Огинскій, переводчикъ какой-то древней исторіи Гольдсмидта; Борисъ Михайловичъ Ф (Ѳ) едоровъ, авторъ романа *Князь Курбскій* и несчисленнаго множества дѣтскихъ и не дѣтскихъ стихотвореній; Вильгельмъ Ивановичъ Карлгофъ, авторъ военныхъ воспоминаній того чего не видалъ, сидя въ штабѣ, и тоже стихотворъ; Александръ Николаевичъ Глѣбовъ, творецъ сладенькихъ стишковъ; баронъ Егоръ Ѳедоровичъ Розенъ, стихотворъ и прозаикъ; Андрей Ивановичъ Подолинскій, богатый малороссійскій помѣщикъ и авторъ многихъ стишковъ въ альманахахъ и пр. и пр. И посреди-то этого сонма „знаменитыхъ“ писателей

рѣшено было посадить меня на скамью подсудимыхъ; а Воейкову предоставить быть моимъ и обвинителемъ-прокуроромъ, и судьей, и наконецъ экзекуторомъ-палачомъ. Воейковъ самъ назначилъ себѣ всѣ эти роли и радовался что онъ среди этого блистательнаго общества жестоко отмститъ мнѣ своимъ, какъ онъ выражался, „оборваньемъ“ за всѣ мои анонимныя замѣтки въ *Сѣверномъ Меркуріи* о всѣхъ тѣхъ географическихъ и историческихъ промахахъ какими были постоянно наполнены его изданія *Русскій Инвалидъ*, *Славянинъ* и *Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду*. *

Само собою разумѣется что я ничего не зналъ и не вѣдалъ о готовившемся противъ меня комплотѣ и, ничего не подозрѣвая, явился на литературный вечеръ, который, какъ я надѣялся, долженъ былъ доставить собою новую пищу моей сатирической наблюдательности и дать мнѣ возможность поразсказать объ этомъ литературно-карикатурномъ собраніи за обѣдомъ у Дмитрія Гавриловича Бибикова, въ первое же воскресенье. Когда я вошелъ въ ярко-освѣщенную залу графа Хвостова, устроенную на этотъ разъ для литературныхъ чтеній, съ длиннымъ столомъ, покрытымъ малиновымъ сукномъ съ золотыми галунами и кистями и обставленнымъ креслами, обитыми малиновымъ же бархатомъ съ золоченными гвоздиками, въ залѣ было уже нѣсколько лицъ, которымъ графъ представилъ меня въ качествѣ юноши пишущаго во французскомъ журналѣ отчеты о современной русской литературѣ, а въ *Сѣверной Пчелѣ* статьи о замѣчательныхъ и талантливыхъ русскихъ самородкахъ въ дѣлѣ промышленности.—„Жаль только, что стиховъ не пишетъ и стиховъ не любитъ“, восклицалъ графъ Дмитрій Ивановичъ. Въ числѣ почетныхъ гостей былъ и князь Ширинскій-Шихматовъ, который имѣлъ, какъ извѣстно, главное участіе въ редакціи и составленіи цензурнаго устава 1826 года, прозваннаго *Гасильникомъ Просвѣщенія*, а также *Драконовымъ Кодексомъ*. Въ 1830 году этотъ князь Ширинскій-Шихматовъ былъ кажется директоромъ департамента народнаго просвѣщенія. Онъ былъ, какъ помню, въ форменномъ синемъ фракѣ со звѣздой и сидѣлъ на диванѣ, имѣя около себя пѣтовъ Лобанова и Владиміра Ивановича Панаева. На

* Ошибки эти бывали такъ рѣзки что молоденькій 17ти-лѣтній мальчикъ могъ ихъ замѣтить, особенно въ то время когда онъ еще свѣжо помнилъ уроки географіи и исторіи.

сдѣланную обо мнѣ рекомендацію, князь Ширинскій сказалъ на всю залу: „Трудно повѣрить въ литературныя качества того молодаго человѣка который не стихотворствуетъ. Безъ любви къ стихамъ нѣтъ эстетики, безъ эстетики нѣтъ поэзіи, безъ поэзіи нѣтъ чувства, остается одна чувственность; нѣтъ жизни, остается одно прозябаніе.“ Въ это самое время вошелъ юный, почти такой же юный какъ я, только очень и очень богатый помѣщикъ и тогдашній поэтъ Андрей Ивановичъ Подолинскій, миловидный, скромный, кроткій и застѣнчивый, одѣтый модно и щеголевато, но съ различными байроновскими замашками въ самомъ туалетѣ своемъ, замѣтными въ небрежно-тщательно повязанномъ галстухѣ, открывавшемъ бѣлоснѣжную шею, и въ прическѣ, состоявшей изъ массы каштановыхъ локоновъ, закинутыхъ назадъ и падавшихъ на плечи. Даже камей на груди, рѣдкій по древности и добытый изъ Геркуланума, даже слишкомъ широкополая шляпа Боливаръ, въ лѣвой рукѣ, все, при нѣкоторой наблюдательности, просилось на эффектъ и отличалось аффектаціей. Подолинскій былъ принятъ хозяиномъ и хозяйкой, равно какъ ихъ гостями, съ восторгомъ заставившимъ смутиться этого робкаго юношу, который, казалось, очень былъ радъ что увидѣлъ среди этого синклита меня и дружески пожалъ мнѣ руку.—„А вы развѣ знакомы?“ спросилъ графъ Хвостовъ.—„По дому Марьи Алексѣевны Крыжановской, урожденной Перовской, ваше сіятельство“, сказалъ провинціалъ Подолинскій.—„И по четвергамъ Николая Ивановича Греча“, прибавилъ я.

— Вотъ истинно поэтическая душа! воскликнулъ князь Ширинскій-Шихматовъ, съ улыбкой, потрясая и прижимая къ груди руку Подолинскаго, покрытую бриллiантовыми, аметистовыми, рубиновыми и изумрудными перстнями. Вслѣдъ за этимъ князь сказалъ какіе-то два-три стиха изъ псалмовъ Давидовыхъ о святости поэзіи и непосредственно за этими стихами весьма прозаически спросилъ Подолинскаго:

— А когда же, Андрей Ивановичъ, вы подадите прошеніе министру о причисленіи васъ къ министерству народнаго просвѣщенія?

Изъ всего того что̀ я тутъ слышалъ, замѣтно было что поэзія поэзіей, а малороссійскія имѣнія въ 2.000 душъ этого юнаго поклонника музъ имѣли въ глазахъ всѣхъ этихъ сладкихъ восторженниковъ къ его личности не послѣднее значеніе.

Раздалось постукиваніе шпоръ и бряцанье сабли, всегдашніе въ ту пору предвѣстники появленія армейскаго кавалериста, говорю „армейскаго“ потому что истые гвардейцы, въ тѣ времена комъ-ильфотные въ высшей степени, умѣли какъ-то носить и саблю и шпоры такъ что ни тѣ, ни другія не издавали звуковъ. Явился малорослый, свѣтловолосый баронъ Егоръ Ѳедоровичъ Розенъ, съ желтоватыми усиками, въ своей адъютантской формѣ, съ разстегнутымъ вопреки формы воротникомъ; онъ шелъ довольно скоро, маша по полу длиннымъ бѣлымъ султаномъ своей треугольной шляпы, а правою рукой поправлялъ на груди перелутавшіеся серебряные аксельбанты. И его приняли любезно; но все-таки далеко не такъ любезно какъ Подолинскаго. Раскланившись со всѣми довольно угловато, онъ дружески обнялъ меня и началъ своимъ крикливо-пискливымъ дискантикомъ разказывать, обращаясь ко всѣмъ, о томъ что онъ сегодня въ книжномъ магазинѣ Сленина встрѣтилъ Соболевскаго, друга Александра Сергѣевича Пушкина, который ему сказалъ что Пушкинъ начинаетъ по высочайшему повелѣнію приступать къ собранію свѣдѣній о Петрѣ Великомъ, и что въ городѣ уже заболтались о томъ что будто онъ получитъ званіе исторіографа. Это всѣхъ заинтересовало. Но достойно было особеннаго вниманія то что поэты, какъ Шихматовъ, Панаевъ и Лобановъ, говорившіе съ натяжнымъ восторгомъ о стихотворствѣ, въ сущности же все-таки чиновники въ душѣ, стали тотчасъ при этомъ слухѣ поговаривать о томъ что, вѣроятно, это дѣло устроено по ходатайству и рекомендаціи Василія Андреевича Жуковскаго, знающаго хорошо финансовыя бѣдствія Пушкина, которому будетъ положенъ конечно знатный окладъ. Изъ всѣхъ этихъ господъ одинъ только оказался чистосердечнымъ другомъ поэзіи, именно старичокъ-стихоплетъ графъ Хвостовъ, который сказалъ:

— Ежели Пушкинъ поведется по чиновничьей стезѣ и будетъ работать по заказу, хотя бы даже по Высочайшему, скажи тогда, нашъ Александръ Сергѣевичъ, прости поэзіи.

Ширинскій и Панаевъ возстали противъ этого мнѣнія графа Хвостова и говорили графу что они также служатъ и царю, и музамъ; да и самъ онъ, графъ Дмитрій Ивановичъ, вѣдь сенаторствуетъ, а кто же больше его сіятельства приноситъ даровъ и жертвъ поэзіи? Графъ улыбался и приговаривалъ: „Да то мы, а то вѣдь Пушкинъ“!...

Благородный, кроткій и незлобивый старецъ такъ радушно отзывался о Пушкинѣ, хотя конечно зналъ ту ѣдкую и грязную эпиграмму какую Пушкинъ, какъ-то разъ послѣ завтрака устрицами съ шампанскимъ у Елисеева съ Вѣльгорскимъ и Соболевскимъ, карандашомъ написалъ на какомъ-то попавшемся ему конвертѣ.

IV.

Постукиваніе трости о паркетъ въ сосѣдней залѣ возвѣстило появленіе Воейкова, прежде котораго за нѣсколько секундъ показался на порогѣ ливрейный лакей, провозгласившій:—Статскій совѣтникъ г. Воейковъ. И статскій совѣтникъ г. Воейковъ въ форменномъ съ серебряными луговицами синемъ фракѣ Академіи Наукъ, съ Владимірскимъ крестомъ на шеѣ, показался, съ своимъ чернымъ, густымъ какъ шапка парикомъ и съ своими огромными очками, оправленными въ черепаху. Онъ вошелъ и началъ тотчасъ здороваться на право и на лѣво, цѣлуясь съ одними, пожимая руки другимъ. За нимъ слѣдомъ шелъ и угловато также всѣмъ кланялся, съ какою-то подпрыжкой, молодой поэтъ, Александръ Николаевичъ Глѣбовъ, весь въ черномъ, въ очкахъ, самъ ярко-розовый, рыжеватенькій, съ узенькими бакенбардочками, словно двѣ ленточки свѣтло-коричневаго цвѣта. Этотъ добрѣйшій г. Глѣбовъ былъ страстный стихотворъ, который однако не читалъ насильно всѣмъ своихъ стишковъ, писалъ и прозой не дурно. Онъ помѣщалъ свои стишки во всѣхъ журналахъ и во всѣхъ альманахахъ и имѣлъ такой уживчивый нравъ что одновременно былъ помощникомъ Бестужева-Рюмина по изданію *Сѣвернаго Меркурія* и вмѣстѣ съ тѣмъ работалъ усердно для *Литературныхъ Прибавленій* Воейкова, которыя Гречъ прозвалъ „Литературными Придавленіями“ редактора *Русскаго Инвалида*. Этотъ тогдашній литераторъ Глѣбовъ былъ какъ дѣвушка застѣнчивъ и постоянно какъ-то конфузился, подергивался какъ-то конвульсически когда говорилъ, причемъ имѣлъ привычку хватать всѣхъ сколько-нибудь коротко знакомыхъ за пуговицы. Вообще онъ былъ довольно смѣшонъ и даже карикатуренъ, хотя впрочемъ все это въ немъ было вполнѣ натуральное, нисколько не напускное, какъ бываетъ у нѣкоторыхъ другихъ, старающихся брать аффектаціей. Раскланявшись со всѣми, Глѣбовъ, не ожидая видѣть меня здѣсь, удивленно обратился ко мнѣ и тотчасъ ухватилъ меня за луговицу; но я отклонилъ эту его обычную любезность; говоря ему шутя

что онъ постоянно даетъ сильную работу моему старику Тимоѳею, зашивающему пуговицы моихъ фраковъ послѣ каждой встрѣчи съ нимъ, добрѣйшимъ Александромъ Николаевичемъ. Между тѣмъ предъ началомъ литературнаго вечера, до принятія поэтическихъ брашенъ, явились лакеи съ подносами душистаго чая, которымъ предсѣдавшіе занялись довольно внимательно. Воейковъ, уписавъ какой-то сдобный крендель и запивъ его быстрыми глотками чая изъ громадной чашки, повидимому ему спеціально назначенной, поправилъ очки и обратился со всегдашнимъ своимъ гробовымъ завываньемъ къ князю Ширинскому-Шихматову, только что кончившему прихлебываніе чая, перемежаемое чтеніемъ почти шопотомъ какой-то новой идилліи Панаева, назначенной для чтенія на этомъ вечерѣ.

— Помилуйте, ваше сіятельство, на что это похоже? Вы допускаете въ нашей Россійской Академіи Богъ знаетъ какія неправильности!

— Какія, какія, Александръ Ѳедоровичъ, какія неправильности? вопрошалъ князь.

— Да хоть бы тѣ, продолжалъ Воейковъ, покусывая искусанный уже набалдашникъ своей трости,—да хоть бы тѣ, князь Платонъ Александровичъ, хоть бы тѣ напримѣръ-съ, ваше сіятельство, что нашему непремѣнному секретарю, знаменитому осударю Петру Ивановичу, еще отвалили окладъ. Скоро кажется доходы всего Русскаго царства пойдутъ на этого одного господина.

— Это вовсе не наше дѣло, Александръ Ѳедоровичъ, это по желанію президента академіи. Вы знаете, Александръ Ѳедоровичъ, сила солому ломитъ! замѣтилъ князь со смѣсью досады, сожалѣнія и чиновничьей значительности.

— Пусть соломенные человѣчки и ломятся, восклицалъ Воейковъ, постукивая очень не церемонно своею клюкой,—а я человѣкъ желѣзный, гранатный, такимъ силамъ не поддаюсь. На то у меня въ рукахъ обоюдоострое перо, которое какъ разъ усадитъ всякаго несправедливца въ тотъ отдѣлъ моего *Дома сумашедшихъ* который особо отъ литературнаго отдѣла мною строится. Въ этотъ-то отдѣлъ пусть сядетъ господинъ Академіи Россійской непремѣнный секретарь, осударь Петръ Иванычъ Соколовъ.

Не лишнее замѣтить что разговоръ о *Домѣ сумашедшихъ*, съ которымъ Воейковъ иногда любилъ носиться, не могъ быть

пріятенъ и князю Ширинскому-Шихматову, который, за участіе свое въ составленіи жестокаго цензурнаго устава, самъ былъ посаженъ Воейковымъ въ *гражданское* отдѣленіе его *Дома сумашедшихъ* и ѣдко, злобно очерченъ и обруганъ.

Однако произнесенное Воейковымъ, съ особымъ удареніемъ, слово „осударь“ заставило всѣхъ разсмѣяться, и Лобановъ, переводчикъ Расина, весьма докторально пояснилъ что г. Соколовъ доказываетъ упорно будто слѣдуетъ писать и говорить не „государь,“ а „осударь“ на точномъ основаніи славянскаго словопостроенія.

Завязался по поводу этого слова полу-филологическій, полузавиральный споръ, давшій однако поводъ графу Хвостову сказать какіе-то собственные свои стихи, въ которыхъ слово „осударь“ и „государь“ повторялось самымъ страннымъ образомъ, причемъ доказывалось что будто и то и другое возможно въ письменномъ и разговорномъ употребленіи.

— И овцы цѣлы, и волки сыты! захохоталъ съ какимъ-то дикимъ воплемъ Воейковъ.—А все-таки, г. Соколова я упряталъ въ мой *Домъ сумашедшихъ*.

— Это не новость, Александръ Ѳедоровичъ, замѣтилъ баронъ Розенъ своимъ спеціальнымъ, ему одному свойственнымъ акцентомъ и ему одному присущею пѣвучею интонаціей, какой до знакомства моего съ Розеномъ и послѣ его смерти я никогда ни отъ кого не слыхивалъ.—Вы написали эту эпиграмму кажется въ 1815 году, то-есть за 15 лѣтъ предъ симъ.

— Да, достопочтеный баронъ, за 15 лѣтъ это правда, говорилъ уже тихо Воейковъ,— да, точно давно я заклеймилъ его, однако я теперь, сегодня же, вновь редактировалъ эту эпиграмму, и ежели угодно, то прочту ее почтенному обществу.

— Прочтите, прочтите, Александръ Ѳедоровичъ, прочтите, говорилъ князь Ширинскій - Шихматовъ, улыбаясь,—вашею эпиграммой начнемъ наше засѣданіе. Вы согласны, графъ?

— Вполнѣ, вполнѣ согласенъ, шамкалъ графъ Хвостовъ.— Но вѣдь кажется Петръ Ивановичъ написалъ какое-то стихотвореніе?

— Никогда ничего не писалъ, ни въ стихахъ, ни въ прозѣ, сей секретарь русской словесности,* со злобой сказалъ Воейковъ

* Говоря это, Воейковъ лгалъ, потому что Соколовъ на своемъ вѣку перевелъ нѣсколько дѣльныхъ книгъ съ латинскаго языка и еще издалъ составленную имъ христоматію, что все видно изъ его біографіи въ *Справочномъ Словарѣ* Старчевскаго.

и, кашлянувъ, да грызя немножко свою трость, началъ съ завываньемъ:

„Вотъ онъ, съ харей фарисейской,
Петръ Иванычъ осударь,
Академіи россійской
Непремѣнный секретарь.
Ничего не сочиняетъ,
Ничего не издаетъ;
Три оклада получаетъ
И столовыя беретъ.

***

На дворѣ академіи
Грядъ капусты накопалъ;
Не пріютъ лѣвцамъ Россіи,
А лабазъ—для дегтя склалъ."

Никто не хотѣлъ замѣтить что это старая редакція, и новаго ничего въ ней нѣтъ кромѣ перемѣны цифры 2 на 3, при упоминаніи объ окладахъ. Всѣ смѣялись и рукоплескали. Только одинъ постоянный въ своихъ мнѣніяхъ баронъ Розенъ, принявъ недовольный видъ, сказалъ своимъ крикливо-пѣвучимъ голосомъ, съ акцентомъ не то нѣмецкимъ, не то польскимъ, не то старо-славянскимъ, но какъ всегда грамматически отчетисто и старательно отчеканивая каждое слово:

— Легко ругать и поносить человѣка, не легко только отдавать справедливость за скромныя дѣянія чистаго человѣколюбія, скрываемыя такъ какъ скрывается благородная, но скромная фіялка. Да, милостивые государи (я не скажу, осудари! улыбнулся онъ), да, этотъ самый Петръ Ивановичъ Соколовъ, какъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ всѣми нами уважаемый и цѣнимый переводчикъ древнихъ классиковъ Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, спасъ на Васильевскомъ островѣ, во время наводненія 7го ноября 1824 года, пятнадцать человѣкъ погибавшихъ, подавая имъ веревки, и никому не разказывалъ о своемъ подвигѣ. Къ тому же я долженъ заявить что Александръ Ѳедоровичъ не правъ, говоря въ своей сатирѣ будто Соколовъ ничего не переводилъ, ничего не издавалъ, тогда какъ онъ издалъ нѣсколько очень хорошихъ своихъ переводовъ съ латинскаго языка, и его переводы приняты во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Воля ваша, а такъ жестоко отзываться о честномъ труженикѣ, каковъ

Соколовъ, который мнѣ ни сватъ, ни братъ, право не пригоже, право не любовно!...

Эта рыцарская выходка барона Розена, появившагося защитникомъ Соколова, готова была произвести свой эффектъ, потому что Воейковъ, съ остервененіемъ приподнявъ парикъ, съѣхавшій на сторону, сталъ чесать ногтями въ головѣ,—а эта невзрачная манипуляція означала приближеніе бурной вспышки со стороны хромаго переводчика *Георгіи*. Но графъ Хвостовъ кстати во-время подплылъ къ Воейкову и сказалъ ему своимъ старческимъ голосомъ сколько могъ громко:

— Александръ Ѳедоровичъ, позвольте представить вамъ моего новаго юнаго знакомца. Онъ тогда назвалъ и представилъ ему меня. Воейковъ злобно и бѣшено, вскинувъ очки на лобъ, взглянулъ на меня своими мутными глазами, не привставъ и не подавая руки, и сказалъ:

— Свѣтопреставленіе! Дѣти, едва отъ соски, пускаются въ литературу и журналистику! Этотъ мальчикъ, не знающій еще порядочно грамоты русской, пишетъ французскія статейки о русской литературѣ и о русской журналистикѣ Подъ крыломъ такого богопротивнаго человѣка, каковъ Гречъ, этотъ птенецъ нашелъ себѣ пріютъ и пойдетъ, конечно, по стопамъ такого достойнаго наставника. Поздравляю, молодой человѣкъ! Изъ васъ въ школѣ Греча выйдетъ что-нибудь въ родѣ вашего наставника, который способенъ на все на свѣтѣ, только на все недоброе. Но видно Богъ слышитъ молитвы вашихъ родителей, ежели вы ихъ имѣете, и, слыша ихъ, не допускаетъ васъ до окончательнаго паденія, приведя васъ путями Провидѣнія въ домъ его сіятельства графа Димитрія Ивановича, гдѣ, кромѣ дѣлъ добродѣтельныхъ, вы ничего не увидите. А вертелъ Греча....

— О какомъ вертелѣ Греча вы позволяете себѣ говорить? взвизгнулъ баронъ Розенъ. — Александръ Ѳедоровичъ, образумтесь, придите въ себя, вы въ какомъ-то болѣзненномъ состояніи. Что съ вами? Какъ вы осмѣливаетесь оскорблять этого молодаго человѣка? Откуда вы взяли это право?... Я никогда не дозволю при мнѣ ругать Греча, у котораго я хорошо принятъ, какъ я никогда никому не дозволилъ бы поносить васъ при себѣ, имѣя честь быть принятъ у васъ. Этого молодаго человѣка многіе изъ насъ, которые гораздо старше его, считаютъ своимъ товарищемъ; Карлгофъ, Глѣбовъ, Подолинскій, я, мы всѣ знаемъ его съ хорошей

стороны. Не понимаю откуда вы взяли право оскорблять его здѣсь.

Все общество старалось принять видъ будто ничего не видитъ и не слышитъ, почему Шихматовъ, Лобановъ, Панаевъ, Огинскій и съ ними самъ хозяинъ, графъ Хвостовъ, разговаривали между собою о посторонних какихъ-то предметахъ, оставляя сначала меня на жертву Воейкову, а потомъ Воейкова на жертву барону Розену, который расходился не на шутку и сильно постукивалъ ножнами сабли; а Воейковъ, вынувъ изъ кармана платокъ преогромнаго размѣра, вытиралъ потъ градомъ катившійся съ его лица, посинѣвшаго и побагровѣвшаго, причемъ онъ распускалъ галстукъ и пилъ холодную воду стаканъ за стаканомъ. Повидимому, онъ задыхался отъ гнѣва, но страшился прилива крови. Въ это время, имѣя около себя Глѣбова и Подолинскаго, я сначала стоялъ какъ окаменѣлый, какъ пораженный громомъ, но потомъ, придя въ себя и слыша энергическія слова честнаго барона Розена, тихо спросилъ Глѣбова:

— Скажите на милость, Александръ Николаевичъ, что этотъ господинъ Воейковъ, котораго я первый разъ въ жизни вижу и котораго желалъ бы никогда нигдѣ не встрѣчать, пьянъ сегодня или онъ сумашедшій сорвавшійся съ цѣпи?

Тогда Глѣбовъ, весьма конфиденціально, взявъ меня въ сторону, въ амбразуру дальняго окна, разсказалъ мнѣ о томъ комплотѣ который былъ устроенъ здѣсь за то что St.-Julien, съ моихъ словъ, написалъ шуточную балладу такъ сильно раздосадовавшую графа Дмитрія Ивановича. Тутъ все мнѣ сдѣлалось яснымъ. Я сожалѣлъ, но поздно, о всей этой исторіи и рѣшился отнынѣ впредь никогда не бывать въ домѣ графа Дмитрія Ивановича, дѣяніе же Воейкова хотѣлъ непремѣнно предать тисненію, какъ въ *Сѣверномъ Меркуріи*, такъ и въ *Furet*. Но это не было мною исполнено по стеченію обстоятельствъ которыя будутъ видны изъ послѣдующаго разсказа.

Воейковъ отъ природы не злой, но часто злобствовавшій искусственно и въ высшей степени самодурный, способенъ былъ, однако, приходить въ себя, почему тотчасъ графъ Хвостовъ, взявъ меня за руку, сказалъ:

— Юный гость мой, я извиняюсь предъ вами за впечатлительнаго и бѣшенаго пріятеля моего, Александра Ѳедоро-

вича Воейкова, который очень сожалѣетъ теперь самъ о своей вспышкѣ и приглашаетъ васъ на свои пятницы.

На это я почтительно объяснилъ графу что нога моя у г. Воейкова никогда не будетъ, это положительно, какъ то что сегодня такое-то число, потому что я молодой, очень еще молодой человѣкъ, могу забыть грубыя выходки такого человѣка который въ дѣды мнѣ годится; но ежели этотъ же самый человѣкъ при мнѣ поноситъ другаго человѣка, отъ котораго кромѣ добраго и полезнаго для себя я ничего никогда не видѣлъ (это было въ началѣ моихъ сношеній съ Гречемъ, когда, дѣйствительно, онъ мнѣ оказалъ множество такихъ услугъ какія забыть способно только самое чорствое сердце), то, естественно, я не могу ему этого дозволить и не могу бывать подъ его кровлей, гдѣ, безъ сомнѣнія, онъ уже безъ всякой церемоніи будетъ поносить Греча, защищаемый своими домашними пенатами. А потому, не желая теперь нарушать своимъ присутствіемъ гармоніи общества, *въ которое я былъ приглашенъ съ цѣлію мнѣ извѣстною и понятною*, я благодарю его сіятельство за ласковое вниманіе и расположеніе ко мнѣ и удаляюсь.

Бѣдный графъ, и безъ того щедушный, всѣмъ этимъ утомился и, почти ничего не понимая, простился со мной. Затѣмъ онъ отошелъ къ своимъ гостямъ и, какъ я уже послѣ слышалъ отъ А. И. Подолинскаго, сказалъ Воейкову:—Пересолили, пересолили, Александръ Ѳедоровичъ!

— Кто жь зналъ, ревнулъ Воейковъ, — что у мальчишки столько друзей и во главѣ ихъ этотъ бѣлобрысый чухонскій Баярдъ? Да, вздоръ, онъ у меня будетъ на пятницахъ: завтра же я пошлю къ нему экземпляръ моихъ изданій и угомоню такимъ письмомъ писать какія старикашка Воейковъ собаку съѣлъ.

Спустясь съ лѣстницы графа Хвостова на улицу, я по часамъ убѣдился что еще не поздно: было едва восемь часовъ вечера, почему я двинулся на Невскій проспектъ, въ тотъ домъ гдѣ нынѣ совершенно перестроенный и переиначенный искуснымъ архитекторомъ Отель-Бельвю и гдѣ тогда на дворѣ была довольно обширная квартира занимаемая инженеръ-полковниками Ламе и Клапейрономъ, моими хорошими знакомыми, гдѣ я проводилъ иногда пріятно вечера въ обществѣ дамъ Ламе и Клапейронъ и нѣсколькихъ ихъ родственниковъ и друзей. Къ числу первыхъ принадлежалъ мой юный редакторъ

Furet г. Сенъ-Жюльенъ, къ числу вторыхъ, директоръ института глухонѣмыхъ, лысый какъ ладонь старикъ, г. Флёри, впрочемъ очень ученый, а еще болѣе пріятный и интересный Французъ собесѣдникъ, хорошо знакомый съ блестящею частью петербургскаго общества. Здѣсь я, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всего со мною случившагося въ тотъ самый вечеръ, разказалъ всей честной компаніи что произошло на литературномъ вечерѣ du vieux cracheur de méchants vers. Разказывая это происшествіе, я, конечно, не щадилъ красокъ для изображенія самымъ каррикатурнымъ образомъ журналиста Воейкова со всѣми его весьма не граціозными ухватками и манерами, при различныхъ, далеко не салонныхъ привычкахъ.

— Ah! le vilain merle! говорили дамы-Парижанки.

— Il faut tailler dans le vif, восклицала живая и впечатлительная брюнетка гжа Ламе,—Charles, cher petit cousin, mon chou, de grace faites de tout cela un article, mais un de ces articles à faire crever de rage le journaliste perruqué.

Шарль, то-есть Шарль де Сенъ-Жюльенъ, всегда тая у ногъ своей кузины, готовъ былъ исполнить ея повелѣніе, жестоко отфухтелить сердитаго журналиста *Bokoffe*; но рѣшено было пристулить къ статьѣ не иначе какъ по полученіи завтра отъ меня меморіи о всемъ ходѣ этой драмы, изъ которой надо было скроить каррикатурную траги-комедію. Къ тому же надобно было придумать и различные русскіе псевдонимы.

V.

Возвратясь поздно домой въ Басковъ переулокъ, я проспалъ дольше обыкновеннаго и утромъ спѣшилъ въ департаментъ, ибо хотя Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ и былъ очень милъ со мной, называя меня однимъ изъ своихъ гвардейцевъ, однако съ нашимъ „безрукимъ“, какъ его называли чиновники, шутить было неудобно, и за неисправность по службѣ гвардейцу могло быть втрое хуже чѣмъ обыкновенному армейцу. Проработавъ въ департаментѣ до четырехъ часовъ, я возвратился къ обѣду домой, гдѣ, къ удивленію моему, нашелъ огромный тюкъ съ брошюрованными книжками и печатными тетрадями, при письмѣ залечатанномъ огромною гербовою печатью, украшенною различными орденскими регаліями. Оказалось что все это прислано изъ Шестилавочной отъ *генерала* (статскихъ совѣтниковъ лакеи въ

то время сплошь и рядомъ величали генералами) Воейкова. На конвертѣ оригинальна была надпись, которая вполнѣ характеризовала Александра Ѳедоровича съ его сатирическими выходками, облеченными въ форму вѣжливости и даже калуской почтительности. Надпись эта была слѣдующая: *Его благородію (по рангу), высокоблагородію (по роду, внесенному въ VI книгу), милостивому государю, губернскому секретарю, младшему помощнику столоначальника департамента внѣшней торговли, сотруднику газеты въ 300 №№ въ годъ „Сѣверной Пчелы“; газеты дважды въ недѣлю выходящей „Сѣверный Меркурій“ и вдсенедѣльной воскресной французской газеты „Furet“ В. П. Б....ву.* Письмо гласило:

„Милостивый государь В.... П...! Нижеподписавшійся, наиглубочайше уважающій ваши разнообразные таланты, проявляющіеся въ трехъ газетахъ и въ одной изъ оныхъ даже на языкѣ Вольтера, Расина и Бюффона, при всей юности вашего семнадцати-лѣтняго возраста, — имѣетъ честь объяснить вамъ что онъ нижеподписавшійся, старикашка-грѣховодникъ Воейковъ, находясь вчера вечеромъ, въ седьмомъ часу по полудни, въ домѣ его сіятельства сенатора дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, ордена Св. Анны 1й степени и другихъ ниже онаго орденовъ кавалера, графа Дмитрія Ивановича Хвостова, творца многаго множества стихотвореній, издаваемыхъ имъ обыкновенно чрезъ каждый годъ въ V томахъ, прибылъ на сей вечеръ въ болѣзненномъ состояніи, каковое періодически его, Воейкова, удручаетъ и тогда доводитъ до печальнаго разстройства, при каковомъ въ дѣйствіяхъ своихъ онъ отчета дать не всегда можетъ. Въ этомъ-то прискорбномъ состояніи духа, происходящемъ отъ головныхъ контузій, при паденіи изъ экипажа въ 1824 году пріобрѣтенныхъ, онъ, Воейковъ, внѣ желанія своего, нанесъ вамъ, глубочайше уважаемый имъ и всѣми высоко цѣнимый юный писатель, вмѣщающій въ себѣ зачатки будущей великой знаменитости отечественной литературы,—невѣжливыми словами неудовольствіе. А посему онъ, Воейковъ, проситъ васъ, милостивѣйшій государь, извинить ему эту вчерашнюю нелѣпѣйшую его вспышку и обдать ее потокомъ вашей снисходительности и благодушія, столь приличнаго вашему юному возрасту и многолюбезной внѣшности, равно какъ великодушнымъ забвеніемъ. Вы, милостивѣйшій государь, юный товарищъ по Аполлону, конечно и хорошій христіанинъ и ламятуете словеса Спасителя нашего: *Азъ же на тя, Господи, уповахъ. Въ руку твою жребіи мои: избави мя изъ рукъ враговъ моихъ и отъ гонящихъ ми*, и Господь, видя смиреніе ваше, избавитъ васъ отъ такихъ враговъ какіе могутъ быть опаснѣе и повреднѣе мгновенно враждовавшаго вамъ хромоногаго старикашки Воейкова, который предлагаетъ вамъ свою

искреннѣйшую пріязнь, какъ слабый даръ невещественный, духовный и сердечный; а въ памятованіе проситъ принять въ даръ вещественный полные экземпляры журнала *Славянинъ* и газеты *Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду*, каковыя отнынѣ постоянно получать будете. Вы же чрезвычайно обязать изволите Боейкова, ежели пришлете ему тѣ нумера *Furet* гдѣ были и есть ваши интереснѣйшія и полезнѣйшія статьи съ отчетами о современной русской литературѣ. Но самое громаднѣйшее и неоцѣненнѣйшее одолженіе ваше будетъ то ежели вы, милостивѣйшій государь, забывая зло и творя благо, — посѣщать будете пятничныя вечерцы Боейкова, какія способны будутъ присутствіемъ такого знаменитаго юнаго писателя великолѣпно украситься, чѣмъ чрезвычайнѣйше обязать изволите того который съ чувствами наиглубочайшаго почтенія имѣетъ честь быть" и пр.

Куріозное письмо это, начавшееся излишнею откровенностью, вмѣстившее потомъ вовсе не кстати текстъ изъ Св. Писанія, съѣхало наконецъ на злобно насмѣшливую гиперболу восхваленія, походившую на ругательства въ напыщенной формѣ,— сохранялось у меня въ теченіи многихъ лѣтъ, хотя во время моего почти восьмилѣтняго знакомства съ Боейковымъ онъ неоднократно желалъ получить письмо это отъ меня обратно, увѣряя меня что оно было написано въ болѣзненномъ его припадкѣ, а не въ нормальномъ состояніи. * Не имѣя привычки писать сначала начерно, а потомъ перебѣлять, я не могу представить копіи того письма какое въ отвѣтъ на письмо Боейкова было мною написано. Помню только что въ письмѣ этомъ я высказалъ Боейкову слѣдующее: 1) Напрасно онъ приноситъ извиненія, потому что вчерашнія слова его обращенныя собственно ко мнѣ я принялъ за шутку, конечно немножко странную, но простительную такому старцу, какъ онъ, да еще и удрученному недугами тѣлесными и нравственными. 2) Благодарность моя ему за присылку журналовъ и препровожденіе экземпляра *Furet*. 3) Приглашеніе его бывать у него принять не могу, потому что не желаю слышать, находясь подъ его кровлей,

* Съ письма этого, благодаря его оригинальности, тогда же однимъ изъ моихъ родственниковъ, собирателемъ подобнаго рода куріозовъ, была снята вѣрная копія. Эта то копія теперь пригодилася мнѣ. Подлинникъ же сгорѣлъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими моими бумагами, во время пожара, бывшаго въ отсутствіе мое изъ Петербурга, въ 1864 году, въ квартирѣ гдѣ оставались нѣкоторыя изъ моихъ вещей.

ругательствъ на такого человѣка какъ Н. И. Гречъ, который можетъ-быть и достоинъ за что-либо порицаній, но я, считая себя ему много обязаннымъ, ихъ слышать не могу хладнокровно. 4) Жаль что въ окончаніи своего письма г. Воейковъ употребляетъ столь преувеличенную гиперболу для выраженія похвалъ обращаемыхъ ко мнѣ, что надобно быть мнѣ черезчуръ простофилей чтобы не понять всю силу ироніи этихъ доведенныхъ до пафоса похвалъ и 5) Въ текстахъ изъ Св. Писанія я крайне не силенъ; но нѣтъ надобности быть знатокомъ духовнаго краснорѣчія, чтобы не понять что приведенный текстъ едва ли приведенъ здѣсь вполнѣ умѣстно и кстати.

Отвѣтъ мой къ А. Ѳ. Воейкову, съ экземпляромъ французской газетки, отнесенъ былъ вечеромъ, старымъ и единственнымъ слугой моей матери, добрымъ и честнымъ Тимоѳеемъ, знавшимъ меня съ младенчества и пользовавшимся у насъ тѣмъ патріархальнымъ вниманіемъ какимъ въ былыя времена пользовались въ коренныхъ русскихъ домахъ заслуженные слуги, очень правда мало служившіе, но очень много о своей службѣ и своемъ значеніи мечтавшіе и вездѣ о нихъ возглашавшіе. Этотъ Тимоѳей былъ прототипъ простодушія и простоумія, но отличался честностью и безсеребренностью истинно примѣрными и вниманія достойными. Каково же было мое удивленіе когда на другое утро, именно въ воскресенье, когда я только что собирался къ позднѣй обѣднѣ, — вдругъ явился ко мнѣ полицейскій офицеръ въ треуголкѣ, съ городовымъ и будочникомъ, снабженнымъ веревкой. Въ тѣ времена появленіе полиціи производило самое отвратительное впечатлѣніе, какое усилилось еще больше тѣмъ что полиціянтъ, младшій помощникъ квартальнаго надзирателя, объявилъ мнѣ что онъ долженъ взять на веревку моего человѣка Тимоѳея, обвиняемаго въ кражѣ овчинной шубы въ передней квартиры статскаго совѣтника Воейкова, вчера вечеромъ, когда приходилъ съ письмомъ отъ меня. Всѣ протесты и клятвы мои и слезы бѣднаго моего Тимоѳея были тщетны: квартальный чиновникъ, съ носомъ столь же багровымъ какъ воротникъ его мундира, былъ непреклоненъ. Употребляя кстати имя тогдашняго оберъ-полицеймейстера Сергѣя Александровича Кокошкина, котораго часто видалъ въ домѣ у Крыжановскихъ, я успѣлъ лишь въ томъ что согласилъ квартальнаго не брать на веревку моего человѣка, а отвести его въ квартиру г. Воейкова для личныхъ показаній и уликъ съ

тамошнею прислугой, относительно нравственности которой бывшій тутъ старикъ городовой отзывался очень неодобрительно. Узнавъ о бѣдѣ стрястейся надъ Тимоѳеюшкой, всѣ въ домѣ Глотова жившіе и Тимоѳея любившіе возопіяли; даже самъ хозяинъ дома, унтеръ-офицеръ Глотовъ, имѣвшій грудь покрытую медалями и солдатскими орденами, пришелъ и объявилъ что и онъ идетъ на защиту Тимоѳеюшки, такъ что мы двинулись къ дому занимаемому Воейковымъ въ Шестилавочной преизрядною ватагой. Пришедши въ сѣни, мы вошли въ довольно грязную прихожую, никогда, повидимому, не убираемую, а поутру въ одиннадцатомъ часу особенно невзрачную и не отличавшуюся свѣжестію и пріятностію воздуха. Здѣсь былъ какой-то служитель въ родѣ отставнаго солдата, съ пьяною физіономіей, на ларѣ уже полулежалъ бородатый какъ бы кучеръ, похожій также на бѣглаго солдата, въ полушубкѣ; около двери ведшей въ комнаты вертѣлся запачканный казачокъ лѣтъ четырнадцати; изъ двери коррідора выглядывала какая-то женская фигура въ чепчикѣ. Какъ только мы вошли, мальчикъ отворилъ дверь въ залу, а самъ куда-то скрылся. Скоро изъ дальней комнаты послышался звонокъ, на который медленно пошелъ субъектъ съ пьяною физіономіей, въ суконной курточкѣ, бородачъ же всталъ. Не прошло нѣсколькихъ минутъ какъ я услышалъ знакомое съ вечера у графа Хвостова постукиваніе костыля по полу, и тогда двери передней распахнулись и явился самъ Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ, въ красномъ шалевомъ платкѣ на головѣ вмѣсто парика, въ канаусовой оранжевой рубахѣ, съ косымъ воротомъ, въ зеленомъ халатѣ на бѣличьемъ мѣху и въ желтыхъ торжковскихъ сафьянныхъ сапогахъ, сущій разноцвѣтный какаду.

— А! Привели вчерашняго вора, заревѣлъ онъ,—прекрасно, прекрасно! дѣлая видъ что меня не видитъ, хотя я стоялъ близко, и разыгралъ удивленіе и восхищеніе, когда я сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Человѣкъ этотъ отцу и матери моимъ служитъ болѣе двадцати лѣтъ честно и вѣрно. Я и хозяинъ дома въ которомъ я живу, гвардіи унтеръ-офицеръ Глотовъ, да и тридцать человѣкъ рабочихъ Глотова готовы всѣ присягнуть въ томъ что Тимоѳей Фирсовъ шубы вашего кучера не воровалъ. Ежели же непремѣнно угодно, то я готовъ уплатить вамъ стоимость этой вещи, принявъ мѣры чтобъ отнынѣ

впредь нога моего служителя никогда не переступала порога вашего дома.

Едва успѣлъ я кончить мой маленькій спичъ какъ Воейковъ уже душилъ меня въ своихъ объятіяхъ, восклицая что я благороднѣйшій изъ благороднѣйшихъ людей и примѣръ всему русскому дворянскому юношеству, потому что умѣю такъ отстаивать и защищать честь своего стараго слуги. При этомъ онъ объявилъ что все это была фальшивая тревога, что шуба нашлась, что она была гдѣ-то засунута пьянымъ кучеромъ и пр. и пр. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ облобызалъ и моего, не на шутку струсившаго Тимоѳея и подарилъ ему пятирублевую ассигнацію, прося принять ее отъ него въ вознагражденіе за сдѣланный на него поклёпъ. Затѣмъ вся эта исторія кончилась благополучно и, какъ я уже узналъ въ послѣдствіи, стороной, была мнѣ на смѣхъ устроена Воейковымъ, который провѣдалъ отъ своихъ челядинцевъ что мой Тимоѳей, въ тотъ день когда былъ съ письмомъ, похвасталъ въ разговорѣ будто его молодой баринъ такой добрый что, случись съ нимъ, Тимоѳеемъ Фирсовымъ, какая-нибудь бѣда, баринъ молоденькій пойдетъ за него въ огонь и въ воду. Но попавшись въ эту ловушку, я не могъ, не сдѣлавъ самой грубой ошибки по части приличія, не принять приглашенія Александра Ѳедоровича перейти изъ прихожей въ его комнаты, изъ которыхъ первая была небольшая зальца съ желтыми обоями, повидимому, судя по мебели, служившая столовою и чайною. Вторая комната была огромная, въ пять оконъ, голубая гостиная съ оранжевою мебелью. Изъ этой гостиной видна была зеленая комната въ родѣ малой гостиной и параднаго кабинета съ библіотекой на показъ. За этимъ кабинетомъ-выставкой былъ, конечно, болѣе уютный пріютъ для занятій. Оно такъ и было. Воейковъ имѣлъ съ боку, вмѣстѣ съ грязною спальней, столько же грязную рабочую комнату, гдѣ царилъ хаосъ примѣрный. Въ теченіе почти восьмилѣтняго моего знакомства съ Воейковымъ интимность моя съ нимъ не дошла до той степени чтобъ я былъ принимаемъ, подобно нѣкоторымъ его друзьямъ, въ этомъ, какъ онъ называлъ, святилищѣ, которое всего справедливѣе могло бы быть названо грязнилищемъ. Тѣ три комнаты которыя были на виду и въ которыхъ принимаемы были гости нельзя сказать чтобы также отличались голландскою опрятностью; но нельзя также сказать чтобъ ужь слишкомъ были нечисты. Они напоминали

собой провинціальную жизнь, гдѣ, при множествѣ слугъ, царствуютъ вездѣ ералашъ и отсутствіе вкуса и гдѣ нѣтъ тѣни надлежащаго порядка и опрятности.

Александръ Ѳедоровичъ, извиняясь что онъ въ такомъ утреннемъ дезабилье, усадилъ меня въ голубой гостиной, сказавъ:

— Вотъ здѣсь мы съ шести часовъ вечера по пятницамъ собираемся, конечно не въ такомъ многочисленномъ обществѣ какъ то какое бываетъ у Греча въ его огромныхъ залахъ, а все-таки десятка два человѣкъ тутъ бываетъ, и все людей одушевленныхъ любовію къ русской слѣсности. У меня тутъ бываютъ и тайные и дѣйствительные тайные совѣтники, и адмиралы, и полные генералы. А однако никто не принимается по рангу. И явись, напримѣръ, Пушкинъ нашъ безсмертный, такъ хоть онъ и едва ли титулярный совѣтникъ, я приму его съ восторгомъ, ей-Богу, готовъ отъ порога прихожей до этого дивана проползти предъ нимъ на колѣнахъ, принимая въ моей хатѣ это свѣтило изъ свѣтилъ нашей современной литературы.

Слыша такія рѣчи изъ устъ Воейкова, я не могъ не подумать про себя что все-таки у него есть мелочная страстишка къ рангамъ, это было замѣтно уже изъ того что онъ на каждомъ шагу старается напомнить что де у него въ его знакомствѣ очень много превосходительныхъ и высокопревосходительныхъ. О расположеніи къ почетной внѣшности свидѣтельствовало въ Воейковѣ еще и то что онъ никогда не разставался съ своимъ Владимірскимъ крестомъ, который даже и теперь своею черно-алою лентой служилъ ему галстукомъ по вороту оранжевой рубахи русскаго покроя.

Затѣмъ Воейковъ, высовывая отъ времени до времени языкъ и почесывая потомъ ногтями, что̀ было также въ числѣ далеко не изящныхъ привычекъ старика,* сталъ мнѣ повѣствовать о своемъ уваженіи къ моему таланту, къ мастерскому умѣнью очерчивать характеристики, какъ, напримѣръ, я изобразилъ Жукова въ біографіи его. Потомъ, не давъ мнѣ возможности защищаться отъ этихъ гиперболическихъ похвалъ, которыя были діаметрально противоположны всему

* Объ этой странной привычкѣ Воейкова упоминаетъ и покойный И. И. Лажечниковъ въ своемъ предсмертномъ романѣ *Дочь пануырнаго боярина*.

тому что у графа Хвостова на дняхъ онъ относительно меня же и самому же мнѣ провозглашалъ, онъ воскликнулъ:

— Преклоняюсь предъ вашимъ юношескимъ чувствомъ искренняго, неподдѣльнаго расположенія къ Н. И. Гречу. Душевно желаю чтобы вы не имѣли случая пожалѣть о томъ что ваши святыя чувства пріязни и уваженія, чувства чисто искреннія, поэтическія, невинныя, не встрѣтили бы мефистофельскаго, оскорбительнаго глумленія.

Замѣтивъ что слова эти произвели на меня непріятное впечатлѣніе, Воейковъ схватилъ меня за руку и сказалъ:

— Можете быть увѣрены, любезный и глубоко уважаемый мною юноша, что отнынѣ впредь всегда, когда бы вы здѣсь ни были, вы не услышите чтобъ я или кто-нибудь изъ пятничныхъ моихъ гостей, при васъ, сколько-нибудь невыгоднымъ образомъ отозвался о Гречѣ, котораго по различнымъ обстоятельствамъ и отношеніямъ я могу не любить; но все-таки я былъ бы въ высшей степени несправедливъ и даже невѣжественъ ежели бы не сказалъ что услуги Гречемъ оказанныя нашему языку его грамматикой велики и что вообще онъ хорошо потрудился и трудится на пользу нашей литературы. Одно чего нельзя ему простить, это тѣсную связь съ Булгаринымъ, котораго однако онъ ругательски ругаетъ на каждомъ шагу.

Съ послѣднимъ обстоятельствомъ я не могъ не согласиться, и Воейковъ, выпучиваясь, косясь и ловывая, сказалъ: „Какая-то психическая задача эта связь! Да, психическая задача!

Вскорѣ мы разстались и я на прощаньи далъ слово быть у Александра Ѳедоровича въ первую же пятницу, за день до которой Воейковъ сдѣлалъ мнѣ визитъ, посидѣлъ въ моей миніатюрной свѣтелкѣ, находилъ у меня все превосходнымъ, начиная съ маленькой моей библіотеки до вѣшалки для верхняго платья, снова гиперболически расхваливалъ меня до смѣшнаго и ушелъ, ковыляя и унося второе мое „честное слово“ что явлюсь въ слѣдующую пятницу.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СТАРОЖИЛЪ В. Б.

(*До слѣд. №.*)

МОЕ ЗНАКОМСТВО
СЪ ВОЕЙКОВЫМЪ
ВЪ 1830 ГОДУ
И ЕГО ПЯТНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ СОБРАНІЯ*

VI.

Читатель уже знакомъ съ тою квартирой А. Ѳ. Воейкова гдѣ онъ въ тридцатыхъ годахъ жилъ въ Шестилавочной улицѣ, получившей съ 1858 года названіе Надеждинской. Когда я идѣлъ комнаты эти утромъ, то онѣ носили печать безпорядочности и грязи; но вечеромъ, особенно по пятницамъ, въ ожиданіи гостей, комнаты, тѣ же самыя, были съ нѣкоторымъ тщаніемъ прибраны и сильно освѣщены многими кенкетами, разумѣется масляными, потому что въ то время, лѣтъ за 35—40 предъ симъ, и понятія не было о керасинѣ, вошедшемъ у насъ въ употребленіе не больше какъ какихъ-нибудь 15 много 20 лѣтъ. Кромѣ кенкетовъ горѣли въ канделябрахъ, разставленныхъ по разнымъ столамъ, калетовскія свѣчи, начинавшія замѣнять восковыя и сальныя. Обоняніе по пятницамъ здѣсь также не поражалось всѣми тѣми непріятными запахами какими атмосфера этихъ самыхъ комнатъ была

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 9.

наполнена по утрамъ и въ особенности въ то утро когда я въ первый разъ, по странному стеченію обстоятельствъ, посѣтилъ Александра Ѳедоровича, заманившаго тогда меня въ ловушку. По вечерамъ и особенно по пятничнымъ вечерамъ, калмыкообразный казачокъ, примазанный масломъ и поопрятнѣе одѣтый, разносилъ довольно часто по комнатамъ дымящуюся плиту, на которую то-и-дѣло что подливалъ лоделаванъ, правда, довольно второстепеннаго качества; а на всѣхъ кафельныхъ лечахъ, бѣлыхъ съ синими узорами, разставлены были такъ-называемыя „монашенки", курительныя свѣчи на грошахъ. Иногда же Воейковская экономка распоряжалась ставить эти курительныя свѣчи на стаканы съ водой, покрытые листками бумаги, и въ воду проваливались обгорѣвшія углевыя свѣчки, утратившія конечно свой ароматъ, но сохранявшія однако свою пирамидальную форму, почему снова могли быть продаваемы, съ нѣкоторою уступкой, неопытнымъ покупателямъ. Эти ароматы смѣшивались обыкновенно еще и съ табачнымъ запахомъ, потому что многіе изъ гостей курили или турецкій или вакштафъ, или, и больше всего входившій тогда „жуковъ", сдѣлавшійся особенно модньшъ послѣ моей статьи въ *Сѣверной Пчелѣ* съ анекдоктивною біографіей табачнаго фабриканта Василія Григорьевича Жукова, фабрику котораго на Фонтанкѣ, между Черньшевымъ и Семеновскимъ мостами, посѣтилъ, вслѣдствіе этой статьи, великій князь Михаилъ Павловичъ, большой табакокуритель, а за нимъ и весь петербургскій beau monde. Впрочемъ нѣкоторые юноши, посѣщавшіе въ тѣ времена гостиную А. Ѳ. Воейкова по пятницамъ, наполненную табачнымъ дымомъ, не взирая на частое отворяніе форточекъ, покуривали тогда соломенныя пахитосы, такъ какъ о папиросахъ, явившихся у насъ въ сороковыхъ годахъ, еще никто въ Петербургѣ и понятія не имѣлъ.

Входить въ большія подробности à la Бальзакъ или à la Вашингтонъ-Ирвингъ, Куперъ и Вальтеръ-Скоттъ, о квартирѣ и о меблировкѣ А. Ѳ. Воейкова, я положительно не нахожу нужнымъ, потому что, кажется, изъ всего что сказано теперь, читатель имѣетъ понятіе достаточно полное о жилищѣ этомъ, чтобы по жилищу судить о самомъ хозяинѣ, какъ это допускается нѣкоторыми старинными нравоописателями. Однако не могу при этомъ не сказать что въ парадномъ кабинетѣ Воейкова было на стѣнѣ нѣсколько портретовъ, какъ царей и царицъ, такъ различныхъ военныхъ, гражданскихъ и

литературныхъ знаменитостей, между которыми, то-есть особенно послѣдними, виднѣе всѣхъ были портреты Карамзина, Жуковскаго и Пушкина. Послѣдній, казалось, былъ тутъ ломѣщенъ позднѣе всѣхъ и отличался особенною свѣжестію. Въ то время когда я познакомился съ Александромъ Ѳедоровичемъ, одинъ изъ портретовъ былъ завѣшенъ зеленымъ коленкоромъ. Отъ близкихъ людей къ хозяину я узналъ что портретъ этотъ былъ въ опалѣ въ то время и потому закрытъ отъ глазъ. Дѣло объяснилось тѣмъ что это былъ портретъ тогдашняго товарища начальника морскаго штаба, генералъ-адъютанта Василія Алексѣевича Перовскаго, о которомъ Воейковъ до 1830 года отзывался не иначе какъ со свойственнымъ его манерѣ говорить о людяхъ имъ расхваливаемыхъ съ самымъ гиперболическимъ лаѳосомъ. Но, отдавая въ *Русскомъ Инвалидѣ* 1830 года отчетъ о художественной годичной выставкѣ, Воейковъ, расхваливая мраморный бюстъ работы скульптора Гальберта, хвалилъ меньше искусство художника, чѣмъ ту личность, именно В. А. Перовскаго, которая послужила художнику оригиналомъ, и хвалилъ такъ неумѣренно, стараясь въ похвалахъ этихъ выказать короткость своихъ отношеній къ генералъ-адъютанту Перовскому, что генералъ-адъютантъ Перовскій, справедливо вознегодовавъ на автора столь неумѣреннаго панегирика, объявилъ печатно въ *Сѣверной Пчелѣ*, столь ненавидимой Воейковымъ, что онъ проситъ Воейкова никогда на столбцахъ періодическихъ изданій, да и вообще гдѣ бы то ни было, не уломинать его, Перовскаго, имени, иначе какъ въ случаяхъ офиціальныхъ. Это взбѣсило желчнаго Воейкова; но В. А. Перовскій былъ ему не по плечу: сплетнями, эпиграммами отвѣчать ему было невозможно, и вотъ Воейковъ счелъ за благо наказать прежняго своего благопріятеля очень оригинально, занавѣшиваніемъ его портрета.

Прежде чѣмъ кончить съ портретною галлереей Воейкова, не могу не вспомнить что въ числѣ всѣхъ этихъ портретовъ, нѣсколько въ сторонѣ, былъ портретъ самого хозяина, А. Ѳ. Воейкова, исполненный довольно искусно масляными красками; но тутъ онъ изображенъ какъ бы въ нумерѣ дома сумашедшихъ, за рѣшеткой, въ полосатомъ халатѣ и мѣховой шалкѣ. На верху надпись: „Домъ сумашедшихъ, отд. III, № 27“. Предъ нимъ листъ бумаги со слѣдующими четырьмя стихами:

Вотъ Воейковъ, что бранился,
Вѣкъ съ Булгаринымъ возился,
Честь свою тѣмъ запятналъ
И въ безумный домъ попалъ.

Когда кто-нибудь изъ новыхъ посѣтителей Воейкова останавливался предъ этимъ портретомъ, сатирообразный Александръ Ѳедоровичъ, замѣтивъ такое вниманіе новаго своего гостя, говорилъ ему, какъ это случилось и со мною:

— А другіе мои стихи на старикашку Воейкова вы, батенька, знаете?

— Нѣтъ-съ, не знаю, Александръ Ѳедоровичъ, сказалъ я.

И тогда Воейковъ прочиталъ мнѣ наизустъ изъ своего *Дома сумашедшихъ*, столь извѣстнаго многимъ, но тогда мнѣ однако знакомаго лишь по наслышкѣ:

Тотъ Воейковъ что Делиля
Столь безбожно исказилъ,
И терзать хотѣлъ Эмиля,
И Виргилію грозилъ, —
Долженъ быть какъ сумашедшій
Вовсе запертъ въ желтый домъ;
Темя все обрить поспѣшнѣй
И тереть почаще льдомъ.

— Да вы, юный писатель, воскликналъ Воейковъ,— видно совсѣмъ не читали моего *Дома сумашедшихъ?*

— Нѣтъ, Александръ Ѳедоровичъ, не то чтобы совсѣмъ не читалъ, но копіи все какъ-то достать не могъ нигдѣ. Вотъ можетъ-быть теперь удастся мнѣ списать у васъ эти ваши стихи. У меня только и есть что тѣ стихи въ которыхъ такъ забавно представлены Жуковскій, дразнящій чорта языкомъ, и кропка Батюшковъ, въ окошечкѣ сидящій.

— Списывать я не даю; а кто схватитъ на память, тому скажу съ удовольствіемъ, поддразнивалъ Александръ Ѳедоровичъ.

— Позвольте, сказалъ я, — записать карандашомъ въ моей агендѣ, и я вынулъ мою записную книжку, въ которой записывалъ, невольно смѣясь, пока Воейковъ читалъ „съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой“:

Ты, Хвостовъ, къ нему доѣдешь,
Вскрикнулъ я,— тебѣ ль здѣсь быть?
Ты дуракъ, не сумашедшій:
Не съ чего тебѣ сходить.

„Въ Буало я мысль добавилъ,
„Лафонтена я убилъ
„И Расина обезсладилъ",
Быстро онъ проговорилъ.
И читать мнѣ началъ оду.
Я искусно ускользнулъ
Отъ мучителя; но въ воду
Прямо изъ огня юркнулъ.
Здѣсь старикъ съ лицомъ печальнымъ,
Буквъ славянскихъ красоту,
Мажетъ золотомъ сусальнымъ
Пресловутую *еиту*.
И на мебеляхъ повсюду
Коронованное—*кси*,
Старосвѣтскихъ книжицъ груду
И въ окладѣ *юсъ* и *пси*;
Томъ въ сафьянъ переплетенный
Тредьяковскаго стиховъ.....
Я увидѣлъ изумленный
И узналъ что то *Шишкова*.

— Но вотъ, продолжалъ разохотавшійся надъ моимъ вниманіемъ и прилежнымъ записываніемъ, Воейковъ,—мнѣ сторожъ говоритъ:

Нумеръ первый, вашъ пріятель
Каченовскій здѣсь сидитъ.
Букву э на эшафотѣ
Съ торжествомъ и пѣньемъ жжетъ;
Умъ его всегда въ работѣ:
По крюкамъ стихи поетъ.
То кавыки созерцаетъ,
То, обнюхавая гнилъ,
Духу розъ предпочитаетъ,
То сметаетъ съ книжекъ пыль,
И въ восторгѣ восклицаетъ,
Набивая ею ротъ:
„Соръ славянскій! Пыль родная!
„Слаще ты чѣмъ медъ изъ сотъ."

Нумеръ третій, на лежанкѣ
Истый *Глинка* возсидитъ.
Передъ нимъ духъ русскій въ склянкѣ
Не откулоренъ стоитъ.
Книга Кормчая отверста

И уста отворены;
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены.
„О! Расинъ! Откуда слава?
Я тебя, дружокъ, поймалъ!
Изъ Россійскаго Стоглава
Ты Гомолію укралъ.
Чувствъ возвышенныхъ сіянье,
Выраженье, красота,
Въ Андромахѣ — подражанье
Погребенію кота."

Я не утерпѣлъ и расхохотался, записывая послѣдній стихъ и повторивъ прежнія слова:

„Передъ нимъ духъ русскій въ склянкѣ
Не откупоренъ стоитъ!"

Сатирическіе отзывы о московскихъ писателяхъ навели разговоръ на Москву. Я сказалъ что былъ тамъ въ 1827 году проѣздомъ съ отцомъ изъ Петербурга въ Орелъ.

— Такъ вы въ первой самой юности были въ Москвѣ, мой юный новый пріятель, возгласилъ Воейковъ,—а не видѣли ли вы тамъ одного прескверная звѣрка, сильно распложеннаго въ матушкѣ Москвѣ бѣлокаменной съ золотыми маковками въ преизрядномъ числѣ? Звѣрокъ этотъ двуногій и называется бьющимъ баклуши въ первопрестольной нашей столицѣ, *сынкомъ знатныхъ и богатыхъ родителей*?

— Видѣлъ, видѣлъ не одного даже, сказалъ я,—да вѣдь и здѣсь въ Петербургѣ этихъ звѣрковъ коллекція не малая. Я слышалъ давно ужь на публичномъ актѣ въ Орловской гимназіи читанные однимъ воспитанникомъ стихи на этихъ звѣрковъ изъ піесы подъ названіемъ, кажется, *Сатира къ Сперанскому*, принадлежащей вашему, Александръ Ѳедоровичъ, перу, какъ упомянуто въ *Учебной книгѣ* Н. И. Греча.

— А вы, юный мой гость, не помните этихъ стиховъ, написанныхъ мною за двадцать лять лѣтъ предъ симъ, то-есть въ 1805 году?

Я сознался что стиховъ тѣхъ наизусть не помню. Воейковъ обыкновенно рѣдко вспоминалъ свои прежнія стихотворенія и скорѣе любилъ съ особеннымъ жаромъ только повторять свои новѣйшія современныя сочиненія и особенно тѣ которыя относились къ его журнальной войнѣ съ Гречемъ,

Булгаринымъ, Полевымъ, Сенковскимъ, Надеждинымъ, Бестужевымъ, Строевымъ и другими, войну которую велъ подъ рубриками то *Хамелеонистики*, то *Пересмѣшника*, то *Журнальныхъ Замѣтокъ*, гдѣ, правду сказать, между массой пошлостей и дрязговъ было не мало ѣдкости и сильнаго яда. Но безпристрастіе всегда тутъ было на заднемъ планѣ, потому что хотя Воейковъ преслѣдовалъ хамелеонство въ другихъ, самъ въ него впадалъ безпрестанно, увлекаемый своими симпатіями и антипатіями. Всѣ писавшіе и печатавшіе въ то время, больше или меньше испытывали эту эластичность Воейковскихъ мнѣній и дѣйствій и слабость его памяти. Между прочими и мнѣ привелось быть то предметомъ усиленныхъ, гиперболическихъ похвалъ Воейкова, то жертвой озлобленныхъ наладеній и оскорбительныхъ выходокъ его. Газета *Сѣверный Меркурій* безустанно вела у себя на своихъ жиденькихъ столбцахъ перечень всѣхъ Воейковскихъ барометрическихъ перемѣнъ. Между прочимъ журнальчикъ этотъ постоянно указывалъ на два противоположныхъ мнѣнія Воейкова о книжечкѣ въ стихахъ: *Марѳа Власьевна Томская*, сочиненія М. А. Бестужева-Рюмина. Книжечка эта, когда авторъ ея, въ 1828, 1829 и отчасти 1830 годахъ, давалъ много своихъ стиховъ *Славянину*, была расхвалена до небесъ; а какъ только авторъ пересталъ безмездно (какъ и всѣ тогда впрочемъ) сотрудничать Александру Ѳедоровичу, онъ ту же книжку на столбцахъ своихъ *Литературныхъ Прибавленій* предалъ анаѳемѣ и ругалъ наповалъ такъ рѣзко какъ только умѣлъ ругать одинъ Воейковъ, писавшій подъ псевдонимами: Кораблинскаго, Ѳеофилакта Нагайника, Луговова и пр. Въ отместку Бестужевъ постоянно печатно называлъ журналецъ Воейкова *Макулатурными*, а не *Литературными Прибавленіями* къ *Русскому Инвалиду*.

Однако я теперь незамѣтно сдѣлалъ большое отступленіе. Возвращаюсь къ разговору моему съ Воейковымъ, какой я имѣлъ въ первую пятницу, пришедши къ нему черезчуръ рано, когда еще не было гостей въ сборѣ. Я такъ рано тогда пришелъ съ цѣлью извиниться въ томъ что не могу быть въ эту пятницу его гостемъ, а между тѣмъ забесѣдовался и совершенно нечаянно остался во весь вечеръ, часовъ до двухъ почти ночи, причемъ у Воейкова по обыкновенію угощали общество въ изобиліи чаемъ со сливками или лимономъ, или ромомъ, ad libitum, съ булочками, сухарями, сайками, калачами и различными хлѣбными печеньями; часовъ же въ 10—11 подавали

горячій и холодный ужинъ, весьма сносный, съ винами ежели не высшаго, то порядочнаго качества. И этотъ-то ужинъ способствовалъ оживленію бесѣды, причемъ сыпались разказы, новости, сплетни, экспромты (немедленно записываемые Воейковымъ для напечатанія ихъ въ первомъ же нумерѣ его періодическаго изданія). Въ это же время иные, подзадориваемые хозяиномъ-угостителемъ, писали на ломберныхъ столикахъ, снабженныхъ не колодами картъ, а всѣми принадлежностями письма, цѣлыя статейки въ прозѣ и стихахъ. Въ числѣ такихъ борзописцевъ, помню, особенно отличались: баронъ Розенъ, Лука Якубовичъ, А. Гренъ, старикъ Степанъ Васильевичъ Руссовъ, страшный гонитель Полеваго, и нѣкоторые другіе.

Итакъ Воейковъ, объяснивъ мнѣ, по своимъ понятіямъ, опредѣленіе *звѣрка-барича*, продекламировалъ, со свойственнымъ ему монотоннымъ завываньемъ, стихи свои, которые, право, и нынче нельзя сказать чтобы были плохи, хотя имъ теперь, въ 1871 году, 66 лѣтъ. Вотъ они:

.... не могу я вытерпѣть никакъ
Чтобъ воспитанный Французами дуракъ
Чужимъ достоинствомъ безстыдно украшался,
И предковъ титлами предъ свѣтомъ величался.
Пусть праотцевъ его сіяетъ похвала;
Пускай въ исторіи безсмертны ихъ дѣла;
Пускай монархи имъ, за вѣрное служенье,
Пожаловали гербъ, дипломы въ награжденье:
Гербы и грамоты въ глазахъ честныхъ людей—
Гнилой пергаментъ, пыль, объѣдки отъ червей,
Коль предковъ славныя являя намъ дѣянья,
Въ ихъ внукѣ не возжгутъ къ честямъ соревнованья,
Когда безъ славныхъ дѣлъ тщеславіемъ набитъ,
Потомокъ глупый ихъ въ презрѣнной нѣгѣ спитъ;
А между тѣмъ сей князь, боярин этотъ гордый,
Надутый древнею высокою породой,
Глядитъ, какъ будто онъ насъ царствомъ подарилъ,—
И Богъ не изъ одной насъ глины сотворилъ.

VII.

Когда Воейковъ кончилъ чтеніе своихъ стиховъ, за которые я его благодарилъ, въ комнату вошла личность поразившая меня своимъ костюмомъ и вообще своею наружностію. То былъ плотный, дебелый, коренастый русскій бородачъ, остриженный въ скобку, съ лицомъ кроткимъ и съ тихою улыбкой

на лицѣ, одѣтый въ такой кафтанъ зеленаго цвѣта который называется „жалованнымъ“, весь въ золотыхъ галунахъ по груди, рукавамъ, поламъ и подолу, съ поясомъ изъ золотыхъ кистей и съ такими же кистями на всѣхъ застежкахъ. При видѣ этого золотаго человѣка, Воейковъ очень обрадовался и вскричалъ: „А! Русскій Борисъ! Ѳедоръ Никифоровичъ, какъ я радъ тебя видѣть!“ И онъ обнималъ и цѣловалъ почтеннаго русскаго бородача. А бородачъ, въ свою очередь, благодарилъ Александра Ѳедоровича за полученный имъ отъ Россійской Академіи этотъ почетный золотой кафтанъ и пожалованную ему серебряную медаль на Анненской лентѣ. То и другое, повидимому, очень радовало русскаго человѣка, который оказался нашимъ поэтомъ-самоучкой Ѳедоромъ Никифоровичемъ Слѣпушкинымъ (род. въ Ярославской губ. въ 1783, а умеръ въ Рыбацкомъ селѣ, близъ Петербурга, во время второй холеры, въ 1848 году). Въ тѣ времена стихотворенія Слѣпушкина многимъ нравились и породили ему подражателей въ крестьянахъ Сухановѣ и Алипановѣ, о которыхъ теперь едва ли много кто и помнитъ-то.

— Я вотъ только сегодня, говорилъ Слѣпушкинъ,—пріѣхалъ изъ Рыбацкаго и тотчасъ поспѣшилъ къ моимъ покровителямъ: былъ у Павла Петровича Свиньина и у Бориса Михайловича Ѳедорова, да въ обязанность себѣ вмѣнилъ и къ вамъ, Александръ Ѳедоровичъ, явиться, и не съ пустыми руками.

— Прекрасно, прекрасно, дорогой кумъ, восклицалъ Воейковъ.—А что, какъ поживаетъ мой крестникъ?

— Отлично-съ: все маткину титьку сосетъ, шельмецъ такой, отвѣчалъ самодовольно Слѣпушкинъ, и при этомъ представилъ Воейкову свое новое поэтическое дѣтище.

Воейковъ тотчасъ вскинулъ очки на лобъ, и взявъ листъ, весь исписанный, поданный ему Слѣпушкинымъ, сталъ читать:

Разказъ сбитеньщика.

Извощикъ, сѣчникъ, столяръ,
Обручникъ, плотникъ и маляръ,
Всѣ господа мастеровые
За чай—и локти по столу,
Кричатъ: „Подай-ка ты *Пцолу!*

— Ха-ха-ха! хохоталъ Воейковъ. — *Пцолу! Пцолу!*

Затѣмъ онъ прочелъ всю піесу, стиховъ въ сотню, и закончилъ повтореніемъ раза два особенно понравившихся ему стиховъ:

„Романы—люди, а не книги",
Толкуетъ пожилой бочаръ:
„Всѣхъ лучше книга—*Птица Жаръ!*"

— Умно, остро, типично, вылитая природа, прелесть! восклицалъ Воейковъ, и подозвавъ казачка, велѣлъ подать себѣ свой портфель, куда онъ погрузилъ это свое новое благопріобрѣтеніе, говоря:—Завтра же отвезу въ типографію для слѣдующаго моего нумера. Спасибо, спасибо, Ѳедоръ Никифоровичъ, спасибо. „А намъ статеечку, дай Богъ здоровья вамъ", какъ изволитъ всегда выражаться насчетъ даровыхъ статеекъ Николай Ивановичъ Гречъ.

„Грѣшный человѣкъ, я во всѣхъ этихъ стихоплетеніяхъ всѣхъ этихъ доморощенныхъ нашихъ Борнсовъ, какъ ихъ тогда именовали въ публикѣ, съ легкой руки Павла Петровича Свиньина, не умѣлъ найти ни одного изъ тѣхъ качествъ какими сейчасъ только почтеннѣйшій Александръ Ѳедоровичъ честилъ нововыточенное произведеніе Ѳедора Никифоровича, приготовлявшаго свои кирпичи на своемъ кирпичномъ заводѣ въ Рыбацкомъ едва ли не несравненно лучше чѣмъ всѣ эти самодѣльщинныя вирши, цѣнимыя имъ однако несравненно выше всевозможныхъ кирпичныхъ и другихъ издѣлій.

Воейкову, съ легкой руки Слѣпушкина, счастливилось въ этотъ вечеръ, потому что онъ получилъ съ дюжину различныхъ даровыхъ статей и статеекъ оригинальныхъ и переводныхъ, стихотворныхъ и прозаическихъ. Впрочемъ, вѣдь это не въ первый разъ, потому что у него уже такъ было заведено что почти никто изъ лишущей братіи не пилъ его чая со сливками, или лимономъ, или ромомъ, или краснымъ виномъ, и не ѣлъ его булочныхъ печеній, калачей, саекъ и ужинныхъ блюдъ совершенно даромъ: всѣ что-нибудь да давали, хоть омонимъ, шараду, энигму, логогрифъ или тому подобное. Къ тому же Воейковъ имѣлъ порядочныя связи и знакомства, посредствомъ которыхъ очень многимъ юношамъ доставлялъ служебную карьеру болѣе или менѣе порядочную, а эти юноши отвѣчали ему массой своихъ статеекъ, напечатаніе которыхъ съ ихъ именемъ, по ихъ мнѣнію, взносило ихъ прямо на Парнасъ и на Геликонъ. (Тогда такъ выражались всѣ журналы и всѣ журналисты, кромѣ Полеваго и Сенковскаго, которые первые стали осмѣивать эту страсть къ миѳологіи.) Сомнительно чтобы начальники этихъ юношей, стремившихся на Геликонъ и лѣнившихся

во-время посѣщать департаменты и канцеляріи, были очень благодарны Александру Ѳедоровичу за эти его рекомендаціи вдохновенныхъ канцеляристовъ. Къ числу такихъ юношей-дарителей принадлежалъ одинъ купеческій сынокъ, владѣлецъ каменнаго дома въ три этажа въ Каравайной, который не только не получалъ гонорарія, но еще за напечатаніе своихъ переводныхъ повѣстей съ французскаго и съ англійскаго и своихъ оригинальныхъ стишонковъ, прикладывалъ въ пользу редактора разные подарки, въ родѣ ящика бордоскаго чернослива, вестфальскаго окорока, фунта Рязановскихъ конфетъ, бурака зернистой икры, пуда сахара въ головахъ и пр. и пр., благо у него была фруктово-колоніальная лавка въ Кругломъ рынкѣ. Затѣмъ и чествовать любилъ же Воейковъ своего щедраго сотрудника, сдѣлавшагося у него чѣмъ-то въ родѣ его домашняго секретаря и который, въ этотъ вечеръ, помнится, доставилъ Александру Ѳедоровичу цѣлую кипу прозы и стиховъ, причемъ, однако, Воейковъ сказалъ бѣлокурому, блѣднолицому, альбиносообразному юношѣ:

— Только, любезнѣйшій, чуръ не щедриться много для Пьянчужкина, сирѣчь для Бестужева-Рюмина.

— Я ему-съ, Александръ Ѳедоровичъ, говорилъ, ложимаясь и конфузясь, юноша, — я-съ ему посылаю самые мои что ни есть оборыши и всегда съ графинчикомъ коньячка-съ.

Явился затѣмъ одинъ изъ гайдуковъ графа Хвостова, въ столь извѣстной и памятной мнѣ синей съ малиновымъ ливреѣ, и подалъ Воейкову конвертъ отъ графа. Воейковъ вскрылъ конвертъ и прочелъ:

„Милостивый государь мой (мой по старосвѣтскому), Александръ Ѳедоровичъ! Легкій припадокъ холерины предалъ меня во власть Эскулапа, и я посему не могу имѣть сугубое сегодня удовольствіе пользоваться здоровьемъ, равно какъ вашимъ обществомъ въ компаніи просвѣщенныхъ вашихъ, въ день пятницы стекающихся, друзей и благопріятелей, которые всѣ несутся на доброфѣзжихъ Пегасахъ на Парнасъ, куда и я, при моихъ болѣзненныхъ припадкахъ, однакожъ отваживаюсь. Вчера слухъ мой улоенъ былъ райскимъ гласомъ оставляющей насъ, Петроградцевъ, Зонтагъ, и вотъ прилагаю вамъ, у сего, плодъ такого моего восхищенія, въ *шести* стихахъ, для напечатанія оныхъ“.

— Благодари, братецъ, его сіятельство, сказалъ Александръ Ѳедоровичъ,—и доложи что завтра самъ его провѣдаю, а сегодня

буду молить Мать нашу, Пресвятую Богородицу, да отогнала бы Она болѣзнь отъ него, при помощи доктора.

— Ихъ сіятельство, объяснилъ гайдукъ, — уже двѣнадцатую чашку ромашки выкушать изволили и теперь имъ легче стало. Только дохтуръ-съ, Богданъ Карлычъ, запретили имъ все стихи-то писать, отчего, говорятъ, никакая микстура не поможетъ, чего добраго.

Когда лакей ушелъ, Воейковъ принялся читать стихи ему присланные:

О соловей! Пэри съ береговъ Невы—
Огонь сердецъ! Лети отъ странъ холодныхъ,
Внимая вновь, за блескъ даровъ природныхъ,
Хваленія солуткицы молвы.
Зонтагъ! Твой взглядъ, раскаты, трель, *приливы*
Живутъ въ сердцахъ и вѣчно будутъ живы.

Прочитавъ эту дребедень, Воейковъ спустилъ на глаза очки и сказалъ вздыхая:

— Въ 1811 году издавался журналъ *Улей*, гдѣ справедливо стихотворенія его сіятельства, графа Дмитрія Ивановича, названы: le sublime du galimatias. Но такой ералаши, какъ эта, нашъ метроманъ еще ни разу не выпускалъ. Правду же онъ въ письмецѣ своемъ говоритъ что написалъ эти стихи,—если стихами можно назвать эти вирши,—въ промежуткахъ припадковъ холерины. А что подѣлаешь? Надо напечатать: я съ нимъ связанъ условіемъ!

Ежели приподнять завѣсу съ этого условія, то дѣло окажется въ томъ что графъ Хвостовъ подписывается на сотню экземпляровъ періодическаго изданія Воейкова, изъ которыхъ каждый, подобно векселямъ, уничтожается, а не распространяется, чтобы не умалить могущихъ быть заправскихъ подписчиковъ, и за это графъ имѣетъ право помѣстить нѣсколько изъ своихъ угловатыхъ стихотвореній въ періодическихъ изданіяхъ Воейкова. Однако, повидимому, ни одно изъ стихотвореній этого риѳмотворца не дѣйствовало такъ непріятно на Воейкова-журналиста, какъ это, особенно теперь, когда Воейкову хотѣлось въ новомъ своемъ журналѣ щегольнуть вещами въ другомъ родѣ. Подъ гнетомъ необходимости, онъ долженъ былъ выполнить условіе, и это обстоятельство разлило въ немъ сильнѣе обычную его желчь, такъ что онъ принялся въ этотъ вечеръ злоязычничать самымъ неистовымъ образомъ:

Между тѣмъ обычные пятничные посѣтители начали появляться одинъ за другимъ, и всѣ съ какими-нибудь литературными дарами болѣе или менѣе пріятными. Въ числѣ такихъ посѣтителей были нѣкоторые мнѣ знакомые по вечерамъ Греча, по сходкамъ въ редакціи *Сѣвернаго Меркурія*, по книжнымъ магазинамъ, гдѣ я съ ними встрѣчался; но много было и такихъ которыхъ я видѣлъ въ первый разъ въ жизни. Съ иными изъ послѣднихъ Воейковъ знакомилъ меня, съ другими же не находилъ нужнымъ знакомить; но нельзя было мнѣ не замѣтить что эти господа перешептывались съ хозяиномъ дома и что предметомъ ихъ перешептыванія тогда былъ я, какъ новый пятничный посѣтитель.

Большой диванъ въ гостиной былъ занятъ нѣсколькими лицами, другіе сидѣли въ креслахъ вокругъ стола, уставленнаго ихъ чашками и стаканами съ чаемъ; многіе сидѣли на стульяхъ около небольшихъ столиковъ и также упражнялись въ чаепитіи, которое имъ приходилось такъ по вкусу что эти господа выпивали, сколько я могъ замѣтить, по полудюжинѣ и болѣе стакановъ, уничтожая при этомъ массы сухарей, булокъ, саекъ и калачей, словно личности не обѣдавшія сутокъ двое. Къ числу такихъ принадлежалъ мой знакомецъ поэтъ Александръ Николаевичъ Глѣбовъ, имѣвшій привычку, какъ я уже прежде сказалъ, бесѣдовать съ вами не иначе какъ держа васъ за пуговицу фрака или сюртука дѣлая какія-то дикія конвульсивныя гримасы. Самъ Александръ Ѳедоровичъ сидѣлъ обыкновенно въ вольтеровскомъ креслѣ, крытомъ алымъ полинялымъ сафьяномъ, причемъ въ своемъ огромномъ черномъ парикѣ, грызя набалдашникъ костыля или чеша ногтями языкъ, имѣлъ видъ какого-то асмодея, бросавшаго чрезъ стекла золотыхъ очковъ взгляды направо и налѣво, подходившимъ къ нему гостямъ, съ которыми здоровался преимущественно восклицаніями: „Съ наслажденіемъ прочелъ я статью вашу въ *Альціонѣ* барона Егора Ѳедоровича (т.-е. Розена). Прелесть, прелесть! Божественно!“ или: „Лисенковъ * обѣщалъ мнѣ пріобрѣсти 500

* Книгопродавецъ того времени, сильно тогда торговавшій въ Б. Садовой въ домѣ Пажескаго корпуса. Онъ дѣлалъ превосходныя дѣла и, говорятъ, пріобрѣталъ много. Изъ всѣхъ книгопродавцевъ того времени онъ одинъ уцѣлѣлъ и донынѣ торгуетъ, хотя уже больше какъ дилеттантъ, въ верхней галлереѣ Гостинаго Двора, рядомъ съ кладовыми книгопродавца Вольфа. Этотъ Ив. Тим. Лисенковъ —

экземпляровъ вашей замѣчательной брошюры противъ *Московскаго Телеграфа*“, или: „Молю боговъ о ниспосланіи на васъ всѣхъ даровъ Аполлона“, или даже: „Ты гнѣваешься, Зевсъ; значитъ ты не правъ!“ или: „Ай! моська, знать она сильна что лаетъ на слона! сказалъ бы кто-нибудь, а наша моська вышла сущій левъ. Браво! браво!“ и т. д. и т. д., все въ разныхъ формахъ, но почти все съ тою же монотонною завывающею интонаціей, ему свойственною. Для весьма немногихъ, какъ напримѣръ, для высокаго превысокаго сѣдаго генерала въ инженерномъ морскомъ мундирѣ, исторіографа флота Берха, Воейковъ вставалъ и выходилъ до половины комнаты. Капитана гвардіи и старшаго адъютанта гвардейскаго корпуса Вильгельма Ивановича Карлгофа Воейковъ принималъ сидя, восклицая то: „Помилуй Богъ, какъ хороша ваша послѣдняя повѣсть въ *Невскомъ Альманахѣ*“, или: „Не грѣшно ли вамъ было бросить ваши прелестные стихи въ помойную яму *Сѣвернаго Меркурія*“, или: „Въ ту пятницу вы насъ отсутствіемъ своимъ въ печаль и грусть повергли!“ и пр. и пр. Но вмѣстѣ съ производствомъ г. Карлгофа въ полковники и въ особенности послѣ того какъ онъ женился на богатой тамбовской дѣвицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ Ошаниной и сталъ жить по-барски, Воейковъ выбѣгалъ, ковыляя, принимать его въ другую даже комнату, какъ онъ принималъ знаменитаго тогдашняго идиллиста Владиміра Ивановича Панаева, карьѣра котораго начинала очень ясно обозна-

---

личность въ своемъ родѣ замѣчательная и почтенная, между прочимъ тѣмъ что онъ, будучи родомъ изъ города Сумъ, Харьковской губерніи, дѣлаетъ постоянныя для тамошняго общества пожертвованія и довольно значительныя. Когда умеръ Смирдинъ, то Лисенковъ, изъ глубокаго уваженія къ памяти покойнаго, пріобрѣлъ для него въ Невской Лаврѣ дорогую могилу, по какимъ-то обстоятельствамъ семействомъ покойнаго не принятую. Лисенкова торговля не торговля теперь, а препровожденіе времени; но со всѣмъ тѣмъ онъ продолжаетъ успѣшно продавать нѣкоторыя свои изданія, какъ многія дѣтскія книжки Основьяненки и какъ въ особенности *Иліаду* Гомера въ переводѣ Гнѣдича. По случаю тысячелѣтія Россіи Лисенковъ удачно издалъ *Картину историческаго тысячелѣтняго существованія Россіи*, имѣвшую хорошій успѣхъ: по 1 р. продалось нѣсколько десятковъ тысячъ экземпляровъ. Нигдѣ въ Петербургѣ нельзя найти столько старыхъ книгъ, и очень рѣдкихъ, какъ у И. Т. Лисенкова, который еще очень богатъ театральными піесами всѣхъ временъ, почему охотники до театральной литературы піесы эти у него почти одного отыскиваютъ.

чаться, и еще переводчика Байроновской *Паризины* (съ французскаго, впрочемъ, языка), Василья Евграфовича Вердеревскаго, начинавшаго тогда уже очень богатѣть, благодаря должности правителя канцеляріи коммиссаріатскаго департамента военнаго министерства. Это тотъ самый Вердеревскій которому, 35 лѣтъ спустя послѣ того какъ я его видалъ на Воейковскихъ пятницахъ и на Гречевыхъ четвергахъ въ качествѣ quasi-литератора,—суждено было въ Нижнемъ-Новгородѣ на эшафотѣ подвергнуться, по суду, лишенію правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь. Достойно вниманія что тотъ же самый Карлгофъ, выше и превосходнѣе котораго Воейковъ, казалось, никого не зналъ, въ 1837—1838 годахъ сдѣлался предметомъ ненависти того же Воейкова, вслѣдствіе какихъ-то отношеній, кажется вслѣдствіе какихъ-то денежныхъ счетовъ, въ которыхъ Воейковъ оказался неисправнымъ къ Карлгофу. Какъ бы то ни было, но въ 1838 году *Домъ сумашедшихъ* дополнился стихами:

Вотъ, кадетомъ заклейменный,
Меценатъ, Карлгофъ поэтъ,
Въ общемъ мнѣньи зачерненный *
И Булгарина клеврета! **
Худъ, мизеренъ, стиснутъ съ вида,
Сухощавъ душой своей,
. . . . . .
. . . . . .

Послѣдніе два стиха рѣшительно не для печати и отвратительно грязны. Подобныя выходки бросаютъ густую тѣнь на память Воейкова.

Въ эту пятницу, первую *мою* у Воейкова пятницу, явился въ гостиной одинъ кругловатенькій господинъ въ застегнутомъ черномъ фракѣ, съ Анной на шеѣ, гладко выбритый, съ весьма маленькими и узенькими бакенбардами. То былъ статскій совѣтникъ Телешевъ, бывшій секретарь исторіографа Николая Михайловича Карамзина, пріѣхавшій въ Петербургъ на короткое время изъ Курской губерніи, гдѣ онъ вице-губернаторствовалъ. Узнавъ его, Воейковъ бросился къ нему, заключилъ его въ свои объятія, облобызалъ, усадилъ на свободное мѣсто на диванѣ и объявилъ всѣмъ что это

* Вѣроятно послѣ размолвки съ Воейковымъ.

** Совершенная ложь.

г. Телешевъ (не помню теперь сказаннаго тогда его имени и отчества), бывшій секретарь и ближайшій человѣкъ. Николая Михайловича Карамзина При этомъ посылались воспоминанія о безсмертномъ исторіографѣ, прерываемыя слезами Александра Ѳедоровича, пустившагося потомъ ругать, чуть не по извощичьи, Полеваго и Арцыбышева, осмѣливавшихся находить неточности и неправильности въ знаменитой *Исторіи Россійскаго Государства*.

Г. Телешевъ прихлебывалъ тихо чай; а когда Воейковъ кончилъ свою анаѳемную рѣчь, то съ особенною, повидимому у покойнаго исторіографа заимствованною имъ мягкостію, сказалъ:

— Я предъ вами, Александръ Ѳедоровичъ, очень, очень виноватъ. Дѣло въ томъ что умирая, въ 1827 году, покойный благодѣтель и начальникъ мой Николай Михайловичъ оставилъ мнѣ нѣсколько пакетовъ для передачи ихъ нѣкоторымъ лицамъ, въ томъ числѣ одинъ и на ваше имя, съ двумя собственноручно покойнымъ переписанными стихотвореніями, однимъ собственнымъ его посланіемъ Ив. Ив. Дмитріеву, другимъ несчастнаго нашего поэта Батюшкова, написаннымъ въ то время когда еще онъ былъ здоровъ. Всѣ порученія покойнаго Николая Михайловича я свято выполнилъ; но конвертъ бывшій на ваше имя, по стеченію безчисленнаго множества обстоятельствъ, затерялся, и лишь по истеченіи почти четырехъ лѣтъ, найденъ былъ мною вчера въ старомъ чемоданѣ съ двойнымъ дномъ, куда онъ случайно провалился и гдѣ пролежалъ столько времени. Я никогда не простилъ бы себѣ, еслибы уѣхалъ изъ Петербурга, не возвративъ вамъ этого загробнаго дара безсмертнаго нашего Карамзина.

Снова объятія, снова лобзанія и на этотъ разъ уже лобзанія не только г. Телешева, но и пакета со стихами Батюшкова и Карамзина. Такъ-то Воейковъ казалось обожалъ Карамзина: а со всѣмъ тѣмъ онъ, въ 1824 году, почему-то разсердясь на нашего знаменитаго исторіографа, благодѣтельствовавшаго ему, Воейкову, имѣлъ нахальство написать на Н. М. Карамзина, на этого прототипа честности и благородства, слѣдующіе ругательные стихи:

Вотъ въ передней рабъ писатель
Карамзинъ Хамелеонъ,
Земледѣлъ, законодатель....
Взглянемъ что̀ маретъ онъ?

Пѣснь свободѣ, деспотизму,
Брань и лесть властямъ земнымъ,
Гимнъ хвалебный атеизму
И акаѳистъ всѣмъ святымъ.

Ну можно ли, сохраняя мало-мальски человѣческое чувство, относиться такъ о такомъ прямомъ и благородномъ человѣкѣ, каковъ былъ Карамзинъ? По смерти же исторіографа, А. Ѳ. Воейковъ чуть не алоѳеозу создавалъ всѣмъ дѣламъ Карамзина и ратовалъ за него вмѣстѣ съ Руссовымъ, даже несправедливо и не вѣрно, противъ Полеваго и Арцыбышева. Все это представляетъ образцики характера и правилъ г. Воейкова. *

Всѣ бывшіе въ гостиной придвинулись къ Воейкову, чтобы послушать стихи, почти за четыре года предъ симъ назначенные Карамзинымъ въ даръ старинному его знакомцу Александру Ѳедоровичу. Какъ тѣ, такъ и другіе эти стихи въ 1831 году были немедленно напечатаны въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду*, то-есть за 40 лѣтъ предъ симъ. О нихъ можно сказать что они *милы*, только милы, больше ничего. Я тогда же списалъ ихъ, и они у меня сохранились въ копіи какъ были. Вотъ они:

I. *И. И. Дмитріеву.*

Министръ, поэтъ и другъ: я все тремя словами
Объ немъ для похвалы и зависти сказалъ.
Прибавлю что чиновъ и рифмъ онъ не искалъ;
Но рифмы и чины къ нему летѣли сами.

Карамзинъ.

II. *Мыза Приютино* (А. Н. Оленина).

Есть дача за Невой,
Верстъ двадцать отъ столицы,
У Выборгской границы,
Близь Парголы крутой;
Есть дача или мыза,
Пріютъ для добрыхъ душъ,
Гдѣ добрая Элиза

* Стихи эти на Карамзина находятся въ полномъ *Домѣ сумашедшихъ*, напечатанномъ въ Берлинѣ, и экземпляръ ихъ имѣется въ Публичной Библіотекѣ. Но со всѣмъ тѣмъ извѣстный старинный нашъ писатель Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ, и нынѣ здравствующій, упорно увѣрялъ меня что тутъ ошибка въ имени, и что стихи эти не на Карамзина, а на „Казазина“ будто бы написаны.

И съ ней почтенный мужъ:
Съ открытою душою
И лаской на устахъ,
За трапезой простою,
На бархатныхъ лугахъ,
Безъ бальнаго наряда,
Въ свой маленькій пріютъ
Друзей изъ Петрограда
На праздникъ сельскій ждутъ.
Тамъ мужъ съ супругой нѣжной,
Для отдыха отъ дѣлъ,
Подъ кровъ свой безмятежный
Музъ къ Граціямъ привелъ.
Поэтъ, лѣнтяй, счастливецъ
И тонкій философъ,
Мечтаетъ тамъ Крыловъ,
Подъ тѣнію березы,
О басенныхъ звѣряхъ,
И рветъ Парнаса розы
Въ Пріютинскихъ лѣсахъ
И Гнѣдичъ тамъ мечтаетъ
О греческихъ богахъ,
Межь тѣмъ, какъ замѣчаетъ
Кипренскій лица ихъ,
И, кистію чудесной,
Съ безпечностью прелестной,
Вандиковъ ученикъ
Въ одинъ крылатый мигъ
Онъ пишетъ ихъ портреты,
Которые отъ Леты
Спасли бы образцовъ,
Когда и самъ Крыловъ
И Гнѣдичъ сочиняли
Какъ пишетъ Тинисловъ,
Иль Балдусы писали,
Забывъ и вкусъ и умъ!

Батюшковъ.

Впрочемъ стихотворенія эти и тогда были не новостію, будучи напечатаны даже въ тогдашнихъ хрестоматіяхъ.

VIII.

Вниманіе Воейкова привлекъ къ себѣ показавшійся на порогѣ статный бѣлокурый офицеръ въ гвардейскомъ адъютантскомъ сюртукѣ. То былъ капитанъ Лукъяновичъ *, адъютантъ знаменитаго русскаго Баярда генерала Карла Ивановича Бистрома, авторъ *Исторіи Турецкой войны 1828—1829 годовъ*, принимавшій болѣе или менѣе дѣятельное участіе своими дѣльными статьями въ журналахъ и альманахахъ того времени. Воейковъ былъ съ нимъ очень учтивъ и внимателенъ, расхваливая съ обычнымъ своимъ лаѳосомъ его книгу и вообще все то что̀ въ то̀ время принадлежало перу г. Лукъяновича. Но среди всѣхъ этихъ любезностей, Воейковъ замѣтилъ таки въ этотъ разъ своему почтенному гостю: „А грѣхъ вамъ, Николай Андреевичъ, вы меня чарочкой обнесли, отдавъ Бестужеву ваши нѣсколько строкъ съ хохлацкимъ юморомъ о холерѣ. Это премило!“ И, при этомъ, Александръ Ѳедоровичъ досталъ новый нумеръ *Сѣвернаго Меркурія*, и передавъ его автору статьи, просилъ прочесть для всѣхъ. Авторъ прочелъ слѣдующее:

„Що се за холера така? Чи ты ей бачивъ?“ спросилъ одинъ хохолъ своего земляка, недавно возвратившагося съ Дона изъ заработковъ. — „Чувъ“, отвѣчалъ тотъ.—Яка жь вона? спросилъ снова первый. — „Кажутъ: жинка въ червонныхъ чоботахъ, ходе по води, да все оха!“

—Необыкновенно просто, вѣрно и мило! восклицалъ Воейковъ.

— Схвачено съ натуры, раздался чей-то голосъ.

— Читая эти строчки, я словно переношусь въ мою милую Полтавщину, замѣтилъ преимущественно молчаливый и сосредоточенный поэтъ-юноша Подолинскій, который въ эту пору издалъ уже двѣ свои поэмы, *Барскій*, и *Нищій* независимо отъ безчисленнаго множества мелкихъ его стихотвореній, наполнявшихъ собою журналы и альманахи.

Такъ какъ журналецъ Бестужева былъ уже на сценѣ, то Воейковъ нашелъ нужнымъ сказать Вильгельму Ивановичу Карлгофу:

— Вы также, Вильгельмъ Ивановичъ, даете статьи ваши въ изрядномъ количествѣ Бестужеву, а между тѣмъ смотрите-ка

* Нынѣ тайный совѣтникъ и директоръ канцеляріи комитета раненыхъ.

какъ этотъ неблагодарный ласкателятъ позволяетъ себѣ относиться о вашей новой прелестной повѣсти *Софія*.

— Я читалъ отчетъ Бестужева о *Невскомъ Альманахѣ*, сказалъ Карлгофъ, пуская клубы дыма изъ своей стамбулки,—и, признаюсь, не замѣтилъ тамъ ничего для себя обиднаго.

— Помилуйте, вопилъ Воейковъ: — какъ же это не обидно? читайте. „На страницѣ 109й сказано: Графъ Линиѣ, въ 26 лѣтъ отъ роду, смотрѣлъ на жизнь какъ на давно извѣстную и *слѣдственно* скучную книгу.—Напримѣръ Гомерова *Иліада* давнымъ давно извѣстная книга, но слѣдуетъ ли изъ сего что она скучна?“

— Это дѣйствительно обмолвка у меня, и я вполнѣ ее сознаю, объяснялъ Карлгофъ, почему и не считаю себя въ правѣ претендовать на рецензента, исполнившаго этимъ замѣчаніемъ свою обязанность.

— Еще вотъ на какія штучки пускается этотъ Бестужевъ, снова привязывается Воейковъ. — Онъ онъ напечаталъ какое-то письмо къ себѣ отъ себя же, то-есть отъ Маѳы Власьевны Томской, служащей ему псевдонимомъ. Въ письмѣ этомъ различныя напоминанія издателю этого листка за его неисправный выходъ и убѣжденіе поправиться какъ-нибудь. Вотъ отвѣтъ въ стихахъ:

Все свято исполнить я вамъ обѣщаю,
И вашихъ статей ожидаю.

— Куда какъ это тонко и остроумно!

Замѣчательно что всѣ выстрѣлы Воейкова противъ *Съвернаго Меркурія* оставались въ гостиной безъ отвѣта и никѣмъ почти не развивались. На это была та простая причина что всѣ личности наполнявшія гостиную Воейкова ломѣцали статьи свои въ *Съверномъ Меркуріи* и въ *Гирляндѣ*, и ежели не посѣщали М. А. Бестужева-Рюмина, по причинѣ его уже черезчуръ циничнаго образа жизни и вообще быта, то посѣщали, напротивъ, очень часто его хорошаго пріятеля и настоящаго издателя *Гирлянды* Николая Александровича Татищева, который въ тѣхъ же мѣстахъ жилъ, то-есть гдѣ-то около Знаменской, и жилъ очень комфортабельно, какъ человѣкъ богатый, свѣтскій, приличный, хотя постоянно страдавшій физически. Онъ говаривалъ что любитъ Бестужева за его доброе и незлобивое сердце; но весьма не одобряетъ въ немъ его безпорядочности и унизительной страсти къ горячимъ

напиткамъ. У Н. А. Татищева сходокъ и сборищъ въ родѣ Воейковскихъ не бывало; но затѣмъ каждый вечеръ, когда хозяинъ изящной и обширной квартиры бывалъ дома, а онъ почти никуда и никогда по хилости не выѣзжалъ, то въ его помѣстительномъ кабинетѣ всегда можно было встрѣтить двухъ, трехъ изъ тогдашнихъ сотрудниковъ журналовъ и вкладчиковъ альманаховъ. Предъ окончаніемъ вечера общество переходило въ столовую, отдѣланную въ готическомъ вкусѣ; и тутъ подавался такой ужинъ который по изяществу и дороговизнѣ никакъ не могъ идти въ сравненіе со скромными и всегда почти плохо сервированными ужинами Воейкова. Довольно понятно что весьма не многіе не посѣщавшіе г. Татищева и не знакомые съ нимъ, каковы были изъ числа гостей Воейкова: Борисъ Михайловичъ Ф(Ѳ)едоровъ, г. Олинъ, товарищъ его Вас. Прох. Никоновъ и наконецъ нѣкто г. Пасынковъ, — персонажъ довольно плотной корпуленціи, съ своеобразною, отрывистою дикціей и какою-то задыхающеюся интонаціей, — * относились далеко не любезно къ *Сѣверному Меркурію* и къ *Гирляндѣ*, а въ особенности къ ихъ издателю. Г. Олинъ, маленькій субтильненькій человѣчекъ, довольно щепетильный и говорящій съ нѣкоторымъ увлеченіемъ, въ то время издавалъ газетку *Колокольчикъ*, о которомъ въ *Сѣверномъ Меркуріи* было сказано:

Хотя разбитъ, хотя не звученъ,
Но, ахъ! какъ онъ несносно скученъ,
Когда велѣніемъ судьбинъ
Своимъ однообразнымъ звономъ
Онъ за безжалостнымъ Харономъ

---

* Я никогда не зналъ близко этого господина; но лѣтъ за 35 — 40 предъ симъ памятна была ходившая по рукамъ и едва ли не напечатанная въ *Меркуріи* дерзкая эпиграмма Бестужева-Рюмина, основанная на каламбурномъ смыслѣ фамиліи, носимой господиномъ Пасынковымъ, а именно:

„Онъ чести пасынокъ, а пошлости сынокъ.“

Чтобы громко объявлять такія вещи, надо быть увѣреннымъ въ ихъ безошибочности. Но г. Бестужевъ-Рюминъ оправдывался тѣмъ что „льяному море по колѣно.“ Сколько извѣстно, г. Пасынковъ отвѣчалъ только въ Воейковскихъ журналахъ, называя Бестужева „Пьянюшкинымъ,“ а журналъ его *Меркурій* „воромъ“.

Ословъ мычащихъ стадо мчитъ,
И для ушей ихъ дребезжитъ.

Г. Олинъ былъ переводчикъ Байронова *Корсара* и сочинитель и издатель великаго множества различныхъ книжекъ, книгъ и книжонокъ. Деньгами для изданія *Колокольчика* ему помогалъ, повсюду его сопровождавшій, молодой купеческій сынъ Никоновъ, блѣдный, бѣлобрысый какъ маймистъ и отличавшійся необыкновенною неловкостью. Впрочемъ, человѣкъ добрый и честный, насколько онъ дѣйствовалъ самостоятельно; но, къ сожалѣнію самостоятельности-то онъ, бѣдняга, никакой не имѣлъ. Хотя онъ находился подъ опекой, но денегъ у него было не мало и онъ ими порядочно сорилъ. Онъ напечаталъ свою нелѣпѣйшую повѣсть *Новая бѣдная Лиза*, за напечатаніе которой въ своемъ журнальцѣ съ него взялъ Бестужевъ-Рюминъ, пользуясь его непроницательностью, 500 р. ассиг. Въ это время успѣли увѣрить Никонова что несравненно лучше самому издавать газету, чѣмъ платить другому журналисту за печатаніе у него своихъ повѣстей. Никоновъ уразумѣлъ прелесть издательства и охотно сдѣлался издателемъ *Колокольчика*, редакціей котораго занимался г. Олинъ, безпрестанно печатавшій тамъ чепуху, сочиняемую несчастнымъ издателемъ. Можно себѣ вообразить какъ шла эта газета и что̀ такое былъ этотъ *Колокольчикъ*, который вмѣстѣ со многими тогдашними петербургскими журналами я намѣренъ описать во всѣхъ подробностяхъ въ статьѣ: *Петербургскія редакціи тридцатыхъ годовъ*, которую надѣюсь напечатать въ 1872 году.

Бо́льшая часть Воейковскаго общества, состоя изъ участниковъ двухъ противоборствующихъ лагерей, не могла громить Бестужева, даже въ угоду Воейкову, и Воейковъ, понимая это, только старался, какъ уже мы видѣли, возбуждать отдѣльныя личности противъ своего врага. Затѣмъ, бесѣдуя съ лицами нисколько не связанными съ *Сѣвернымъ Меркуріемъ* и *Гирляндой*, для Воейкова уже не было никакой удержи, и эти два изданія, съ ихъ явнымъ издателемъ Бестужевымъ-Рюминымъ, были тогда предметомъ самыхъ отчаянныхъ и отчасти крайне неприличныхъ атакъ, причемъ приводимы были примѣры различныхъ промаховъ и недостатковъ Бестужева; но главное, велся самый тщательный и строжайшій контроль выхода въ свѣтъ NN того и другаго изданій, съ внимательнымъ указаніемъ насколько имен-

но нумеровъ отстали отъ нормы *Гирлянда* или *Меркурій*. Послѣднее обстолтельство составляло почти особую рубрику въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ*, сатирическая же рубрика этой газеты, *Пересмѣшникъ*, наполнялась выписками изъ *Сѣверной Пчелы*, *Меркурія*, *Телеграфа* и *Библіотеки для Чтенія*, кромѣ выборокъ изъ московскихъ журналовъ, которымъ также доставалось изрядно отъ Воейкова, хлеставшаго направо и налѣво и лодчасъ, когда черезчуръ шибко расходится, готоваго выхлеснуть глазъ хоть и кому-нибудь изъ близкихъ своихъ, причемъ однако тотчасъ прибѣгалъ къ ханжеству и восклицалъ:

— „Како можеши рещи брату твоему: брате! остави, да изму сучецъ иже есть во очеси твоемъ, самъ сущаго во очеси твоемъ бервна не видя? Изми первѣе бервно изъ очесе твоего, и тогда прозриши изъяти сучецъ изъ очесе брата твоего.“

На этотъ разъ при мнѣ прочитано было слѣдующее изъ *Сѣвернаго Меркурія*:

„Между тѣмъ, оставляя все прочее ожидать своей очереди, мы протрубимъ апель для дружины альманаховъ, какъ любимицы главнаго нашего командира (публики) и велимъ ей для предстоящей инспекціи прибыть въ меркурьяльный манежъ.“

Далѣе цитировано что *Меркурій* объявилъ будто бумага *Литературныхъ Прибавленій* сѣра, а картинки лубочныя, * почему совѣстно положить газету эту на туалетѣ, хотя бы и супруги гарнизоннаго прапорщика, и что всего приличнѣе употреблять эту сѣрую бумагу на патроны.

Исчислялись грамматическія ошибки въ *Меркуріи* и въ *Гирляндѣ*, особено во французскомъ правописаніи, какъ, напримѣръ, Бестужевъ, не знавшій ни одного иностраннаго языка, печаталъ у себя вездѣ Létiére, вмѣсто laitière, и многое множество тому подобныхъ нелѣпостей.

Еще приводились плоскія остроты Бестужева въ родѣ совѣта автору статьи *Разказъ подпоручика В****, въ альманахѣ *Альціона*, вступить на авторское поприще не иначе какъ по достиженіи штабъ-офицерскихъ эполетъ.

Затѣмъ приведенъ былъ еще примѣръ неприличной манеры при разборѣ книгъ. Рѣчь шла о книгѣ г. Вас. Ушакова,

---

* Трудно, да и не невозможно было бы доказать противное.

изданной въ Москвѣ: *Котъ Бурмосѣко, любимецъ Халифа Аль-Мамуна*. Критикъ *Меркурія* сказалъ что единственный экземпляръ этой книги, какой былъ въ книжномъ магазинѣ,—изъѣли мыши,—почему замѣчаетъ: „Итакъ, г. Ушакову предлежитъ теперь важный трудъ: описать *погребеніе кота изъѣденнаго мышами!*“

Въ отместку газетѣ Воейкова, объявлявшей о выходѣ въ свѣтъ газеты *Воръ* (Меркурій богъ промышленности и воровства), издаваемой *Пьянюшкинымъ-Безграмотнымъ*,—Бестужевъ объявилъ что скоро выйдетъ газета: *Снотворныя прибавленія къ Молодцу*, бумага которой, какъ обѣщаютъ, будетъ несравненно гаже даже той на какой печатаются *Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду*.

По поводу какого-то своего отпора Воейкову, *Меркурій*, обличая его въ лжи, выдумкѣ и даже клеветѣ, обратился къ нему со стихами:

Ну что?... Чай горька
Меркуріальная микстура?... *
Небось; твоя крѣпка натура:
Снесетъ душа клеветника!

Чтеніе послѣдняго четверостишія Олинымъ, восклицавшимъ что за это четверостишіе авторъ заслуживаетъ быть посаженнымъ въ какой-нибудь новый нумеръ *Дома сумасшедшихъ*, заставило Воейкова сказать:

— Много чести Пьяньчушкину сидѣть въ *Домѣ сумасшедшихъ*, гдѣ сидитъ и Жуковскій, и Батюшковъ; да и всѣ другіе кто бы ни были, даже Осударь Соколовъ, таковы что съ Мишкой Бестужевымъ не захотятъ быть въ одной компаніи, почему я предпочитаю приклеить къ портрету его косой и олухлой морды вотъ слѣдующій экспромтъ Василья Николаевича Щастнаго:

Не создавало естество
Рожъ неумытѣе и хуже!
Въ ней отразилось божество,
Какъ солнца лучь въ болотной лужѣ.

Не взирая на ласковость отношеній почти всѣхъ тутъ быв-

* Г. Бестужевъ старался давать названію своей газеты значеніе то миѳологическое, то терапевтическое, и на извѣстномъ значеніи меркуріальнаго лѣченія созидалъ остроты, правда, отличавшіяся полнымъ незнаніемъ азбуки приличій.

шихъ къ издателю *Меркурія*, а тѣмъ паче къ его меценату, г. Татищеву,—Воейковское ругательство, высказанное чужими словами, принято было довольно симпатично и заслужило одобрительный смѣхъ, можетъ-быть, впрочемъ, потому что брань эта относилась не къ характеру и не къ репутаціи ея жертвы, а лишь къ ея наружности, которая, по всей справедливости, далеко не отличалась физическими совершенствами.

IX.

Съ нѣкоторыми изъ гостей Воейкова мы уже знакомы, какъ по дому графа Хвостова, такъ потому что и здѣсь мы ихъ видѣли, другихъ же вы вовсе не знаете, почему теперь же сообщу вамъ о нихъ все что̀ знаю и что̀ помню:

Аладьинъ (Егоръ Васильевичъ), издатель въ теченіе многихъ лѣтъ *Невскаго Альманаха* и потомъ *Петербургскаго Вѣстника*, журнала не имѣвшаго успѣха. Наружность его была весьма непрезентабельная: коротенькій, толстоватенькій человѣкъ, съ бурымъ, одутловатымъ лицомъ, съ сваливающимися на глаза русыми волосами. Рѣчь не изящная, отрывистая, не ясная, выраженія далеко не отборныя. Онъ мастеръ былъ ежегодно выпрашивать у литераторовъ прозаическія и поэтическія статьи для своего *Невскаго Альманаха*, и искусенъ въ томъ чтобы повыгоднѣе издать книжку *Альманаха* и потомъ еще выгоднѣе продать ее отчасти публикѣ, а главное, разнымъ милостивцамъ. Онъ былъ родомъ Курчанинъ, и въ Курскѣ, при какомъ-то тамошнемъ губернаторѣ, началъ свое служебное поприще. Съ 1824 года онъ явился въ Петербургѣ, и увлеченный блестящимъ тогдашнимъ успѣхомъ альманаховъ, *Полярная Звѣзда* Бестужева и Рылѣева и *Сѣверные Цвѣты* барона Дельвига и Сомова, онъ предпринялъ свой *Невскій Альманахъ*, долгое время доставлявшій ему средства къ болѣе или менѣе сносной жизни. Въ ту пору когда Аладьинъ сначала былъ покровительствуемъ, а потомъ почему-то преслѣдуемъ Воейковымъ, ему удалось произвести еще другую довольно крупную спекуляцію, а именно, пріобрѣтя расположеніе бывшаго тогда смоленскимъ губернаторомъ, извѣстнаго нашего драматическаго писателя Хмѣльницкаго, онъ получилъ отъ послѣдняго безвозмездное право изданія въ свою собственность всѣхъ, сколько ихъ было, его театральныхъ, довольно милыхъ піесъ

изъ числа которыхъ знаменитая комедія въ стихахъ *Воздушные замки* и донынѣ считается не дурною театральною піесой. Аладьинъ объявилъ объ изданіи такого собранія подъ названіемъ: *Театръ Николая Хмѣльницкаго*. Изданію назначена была цѣна 20, а съ пересылкой 22 руб. ассиг. Подписку Аладьинъ открылъ бойкую и ловкую, пустивъ ее не только чрезъ книжную торговлю, но въ домахъ своихъ милостивцевъ, сановниковъ и купцовъ, а также, при посредствѣ протекціи, во всѣхъ почтовыхъ конторахъ. Объявленіе о подпискѣ было состряпано довольно мѣтко и, между прочимъ, снабжено слѣдующими стишками Хмѣльницкаго:

Чины вѣрнѣе Апокрены
Насъ въ Академію ведутъ,
И кто въ чинахъ, тотъ мигомъ въ члены,
А стихотворцы вѣчно ждутъ.
За то, поразобравши строго,
Академическій причетъ,—
Превосходительныхъ въ немъ много,
А въ превосходныхъ недочетъ.

Подписка кипѣла, и нѣсколько тысячъ подписчиковъ прислали Егору Васильевичу Аладьину свою крупную лепту. Но Аладьинъ, собравъ деньги, книги не издавалъ. Жалобы сыпались. Носился слухъ что при этомъ г. Аладьинъ изволилъ очень мило шутить съ тѣми которые его на его квартирѣ (уголъ Невскаго и Литейной, домъ Давыдова) отыскивали и атаковывали. Онъ, чрезъ прислугу свою, не сказывался дома; но иногда случалось что прислуги не было въ наличности, и тогда владѣлецъ-де самъ принималъ претендателей, и разыгрывая роль лакея, объявлялъ что. — такъ по крайней мѣрѣ разказывали, — что баринъ уѣхалъ въ Царское или въ Гатчину, или что баринъ лежитъ боленъ, а разъ даже будто бы увѣрялъ самъ одного настойчиваго господина что издатель *Театра Хмельницкаго* умеръ и вчера на Смоленскомъ кладбищѣ погребенъ. Однако наконецъ самъ Николай Ивановичъ Хмѣльницкій, не на шутку, сталъ приступать къ Аладьину о необходимости удовлетворить публику изданіемъ обѣщаннаго собранія его піесъ. Чѣмъ же кончилось? Кончилось тѣмъ что за все доплатился добродушный Николай Ивановичъ Хмѣльницкій, принявшій на себя издержки изданія, поручивъ однако уже эту операцію другому лицу, отъ котораго мы и узнали всѣ эти куріозныя подроб-

ности. Самъ Аладьинъ, сколько мнѣ извѣстно, ничего не писалъ. Впрочемъ, извините, въ первой, на 1825 годъ книжкѣ *Невскаго Альманаха* была напечатана, написанная вяло, канцелярскимъ языкомъ, его повѣсть, извлеченная изъ матеріала имѣвшаго великолѣпный сюжетъ. Это было слѣдственное дѣло по поводу преступленія совершеннаго въ 1823 году курскимъ дворяниномъ Ширковымъ, убившимъ молодую дѣвушку не отвѣчавшую на его страсть, тѣмъ болѣе предосудительную что онъ былъ довольно старъ, дѣвушка же эта была подруга его взрослой дочери-невѣсты. Аладьинъ не сумѣлъ искусно воспользоваться хорошимъ матеріаломъ и, какъ дурной ваятель, изъ куска каррарскаго мрамора произвелъ, вмѣсто изящной статуи, уродливаго истукана.

Рѣзкую противоположность съ Аладьинымъ, представлялъ въ гостиной Воейкова и на многочисленныхъ вечерахъ Греча скромный, кроткій, тихій, привѣтливый, крайне деликатный во всѣхъ своихъ поступкахъ *Константинъ Петровичъ Масальскій*, авторъ весьма многихъ русскихъ историческихъ романовъ и стихотворной повѣсти: *Терпи казакъ, атаманъ будешь*. Эту повѣстушку, съ претензіями на что-то особенно теплое и сердечное, нынче едва ли кто изъ настоящаго поколѣнія знаетъ; но въ началѣ тридцатыхъ годовъ она имѣла такой успѣхъ что, напечатанная въ количествѣ 1.200 экземпляровъ, разошлась въ двѣ недѣли и потомъ въ теченіе одного года выдержала два изданія въ несравненно бо́льшемъ числѣ экземпляровъ, такъ что ее разошлось въ Россіи не менѣе 10.000 экземпляровъ въ теченіе одного года. Константинъ Петровичъ Масальскій воспитывался въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ, а служилъ постоянно въ государственной канцеляріи. Онъ имѣлъ типъ очень приличнаго министерскаго чиновника, съ формами необыкновенно мягкими, кроткими, учтивыми, но безъ вкрадчивости и заискиванія, которыхъ былъ чуждъ. Онъ зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и, между прочими, въ совершенствѣ испанскій языкъ, съ какого и перевелъ мастерски твореніе безсмертнаго Сервантеса *Донъ-Кихотъ*. Масальскій отличался движеніями чрезвычайно систематическими и скорѣе медленными чѣмъ проворными. Онъ былъ невеликъ ростомъ, пріятной наружности, съ тонкимъ продолговатымъ носомъ à la Henri IV и съ густыми каштановыми котлетообразными бакенбардами прежней формы, то-есть покрывавшими полосой щеки отъ висковъ

къ губамъ. Говорилъ онъ весьма не громко, никогда не спорилъ, и на литературныхъ сходкахъ, гдѣ сплетня царила, онъ углублялся съ трубкой въ уголокъ, гдѣ въ полголоса бесѣдовалъ съ кѣмъ-нибудь изъ тѣхъ посѣтителей сходки съ которымъ бесѣда могла быть для него пріятна. Полевой сильно нападалъ на все то что̀ выходило изъ-подъ пера Масальскаго; но Масальскій уклонялся отъ личной полемики, предоставляя защиту свою журналистамъ, которыхъ однако снабжалъ иногда матеріалами, необходимыми для антикритики. Имъ создано слово *бранелогія*, принятое *Сѣверною Пчелой*, для опредѣленія страсти къ полемикѣ между журналами.

Сіяновъ, жандармскій капитанъ, съ бойкими ухватками, бросавшій въ маленькія періодическія изданія, равно какъ въ плохенькіе альманашки, свою прозу, далеко не Карамзинскую, и свои стишки, далеко не Пушкинскіе. Съ Бестужевымъ часто былъ въ ссорѣ; а за Воейковымъ ухаживалъ, по тому уваженію что Воейковъ находился въ весьма пріятныхъ отношеніяхъ къ начальнику штаба корпуса жандармовъ Л. В. Дубельту.

Сергѣй Петровичъ Крашенинниковъ, въ то время флотскій лейтенантъ, очень дружный въ домѣ адмирала П. И. Рикорда и писавшій болѣе или менѣе интересныя статьи и статейки о морской жизни, морскомъ бытѣ и морскихъ походахъ. Онъ умеръ года за два предъ симъ въ отставкѣ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ.

Владиміръ Андреевичъ Владиславлевъ, уланскій офицеръ, перешедшій потомъ старшимъ адъютантомъ въ корпусъ жандармовъ и пользовавшійся особымъ расположеніемъ Воейкова, человѣкъ довольно богатый по женѣ, урожденной Калагеорги. У него были назначенные дни, вечера, ужины и обѣды. Онъ писалъ въ прозѣ повѣстушки и военныя воспоминанія довольно вялыя. Владиславлевъ замѣчателенъ изданіемъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, изящнаго альманаха *Утренняя Заря*, виньетки и картинки котораго исполнялись въ Лондонѣ и были истинно хороши. Между этими картинками замѣчательны были въ особенности портреты петербургскихъ и московскихъ красавицъ изъ высшаго общества. Приложеніе это значительно возвышало цѣну изданія г. Владиславлева, которое впрочемъ расходилось тысячами экземпляровъ искусственнымъ образомъ, главнымъ образомъ благодаря письмамъ графа Бенкендорфа, просившаго всѣхъ губернаторовъ и городскихъ головъ

распространять это изданіе, такъ какъ половина сбора назначалась въ пользу благотворительныхъ цѣлей. Масса требованій на *Утреннюю Зарю*, продававшуюся по 10 р. экземпляръ, была громадна. Благодаря *Утренней Зарѣ*, Владиславлевъ съ каждымъ годомъ все улучшалъ и улучшалъ свое положеніе, да и прослылъ литераторомъ, находясь постоянно въ обществѣ Воейкова, славившаго его во всю ивановскую, а потомъ пользуясь пріязнью Кукольника и всей братіи этого общества.

Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ. О его поэтическихъ достоинствахъ нечего распространяться, потому что они, поднятыя высоко партіей, въ свое время были строго оцѣнены критикой Полеваго, на котораго за эту и за многія его другія правды поднималась ужаснѣйшая оппозиціонная буря, кончившаяся однако мыльными пузырями, какъ и вся шумливая и высокопарная поэзія. Ежели о поэтѣ, какъ личности, судить по его произведеніямъ, то можно бы было представить себѣ г. Бенедиктова величественнымъ, красивымъ и горделивымъ мужемъ, съ открытымъ большимъ челомъ, съ густыми кудрями темныхъ волосъ, граціозно закинутыхъ назадъ, съ головой смѣло поднятою, съ глазами устремленными глубоко вдаль, съ движеніями смѣлыми и повелительными, съ поступью плавною, съ рѣчью звучною, серебристою, музыкальною. Дѣйствительность же представляетъ человѣка плохо сложеннаго, съ длиннымъ туловищемъ и короткими ногами, роста ниже средняго. Прибавьте къ этому голову съ бѣлокуро-рыжеватыми, примазанными волосами и зачесанными на вискахъ крупными закорючками; лицо рябоватое блѣдно-геморроидальнаго цвѣта съ красноватыми пятнами и бѣловато-свѣтлосѣрые глаза, окруженные плойкой морщинокъ. Не знаю какъ въ послѣдствіи являлся почтенный Владиміръ Григорьевичъ, но въ тридцатыхъ и послѣдующихъ, еще до пятидесятаго года, я иначе нигдѣ, гдѣ только его видалъ, не встрѣчалъ какъ въ форменномъ фракѣ министерства финансовъ, съ орденомъ или даже и орденами на шеѣ и въ лѣвой петлицѣ, при широкомъ и неуклюжемъ черномъ атласномъ галстукѣ, весь складъ и типъ, отъ движеній до голоса, министерскаго чиновника временъ былыхъ. Во всей внѣшности г. Бенедиктова никогда не было нисколько не только поэтичности, но даже малѣйшаго оттѣнка свойственнаго человѣку которому сколько-нибудь присуще вдохновеніе. Г. Бенедиктовъ принадлежалъ къ Кукольниковскому братству и постоянно

посѣщалъ Нестора Васильевича, который въ своемъ интимномъ кружкѣ носилъ названіе или кличку „Епископа“, Богъ знаетъ почему. Въ этомъ обществѣ въ послѣдствіи сталъ являться Полевой, сдружившійся съ Кукольникомъ изъ крайности и нужды, когда онъ принужденъ былъ горькими обстоятельствами оставить Москву. Здѣсь у Кукольника Полевой встрѣчалъ Бенедиктова и казалось таялъ отъ восторга, слушая громогласныя стихотворенія форменнаго поэта.

Трилунный — былъ псевдонимъ нѣкоего г. Струйскаго, писавшаго въ журналахъ и альманахахъ очень много прозой и стихами, иногда довольно мило. Онъ издавалъ и отдѣльныя сочиненія подъ своимъ постояннымъ псевдонимомъ. *Сѣверная Пчела*, снисходительная къ самымъ дряннымъ посредственностямъ, проявляла строгость къ Трилунному, въ которомъ она, Богъ знаетъ почему, отвергала не только поэтическое дарованіе, но даже и всякую литературную способность, что было несправедливо. Г. Струйскій былъ человѣкъ довольно достаточный, принадлежалъ къ хорошему обществу, имѣлъ приличныя формы; но со всѣмъ тѣмъ напускалъ ли онъ на себя или нѣтъ, а только онъ отличался какими-то странными манерами, благодаря которымъ его легко можно было принять за сумашедшаго или по крайней мѣрѣ за иступленнаго, за меланхолика, вообще за человѣка внѣ нормы. Движенія его были часто излишне порывисты, онъ являлъ примѣры странной разсѣянности въ туалетѣ своемъ, щеголеватомъ, но небрежномъ, причемъ иногда не по сезону онъ носилъ шинель съ мѣховымъ воротникомъ въ ту пору когда всѣ драпировались легкими плащами, по причинѣ іюльскихъ жаровъ. Онъ былъ некрасивъ, блѣдно-желто-коричневаго цвѣта имѣлъ лицо, глаза закрывались нависшими широчайшими бровями, волосы щетинились, очки никогда не снимались съ его мутныхъ глазъ. Вообще онъ казался молодымъ старикомъ.

Леопольдъ Ивановичъ Брандтъ, носившій всегда свѣтло-синій фракъ съ бѣлыми луговицами вѣдомства путей сообщенія, всегда съ золотою табатеркой и фуляровымъ платкомъ въ лѣвой рукѣ. Рѣчь наставительная и самовосхвалительная, движенія медленныя и плавныя, усмѣшка старающаяся быть остроумною и глубокомысленною. Слылъ литераторомъ, потому что печаталъ въ журналахъ различныя статейки довольно отрицательныхъ качествъ и издалъ какой-то романъ. Онъ являлся постоянно,

словно на службу, къ Гречу по четвергамъ, къ Воейкову по пятницамъ, и къ Кукольнику по субботамъ.

Василій Николаевичъ Щастный, родомъ Литвинъ, служилъ въ государственной канцеляріи, писалъ довольно много изрядныхъ стиховъ въ альманахахъ; но услуга его литературѣ русской состоитъ въ томъ что онъ перевелъ на русскій языкъ очень успѣшно поэму знаменитаго польскаго поэта Мицкевича *Фарисъ*, которую въ его переводѣ, истинно-изящномъ, можно не безъ удовольствія прочесть и нынче даже въ нашъ непоэтическій вѣкъ. Г. Щастный былъ довольно пріятный и спокойный молодой человѣкъ, тогда лѣтъ 25ти съ небольшимъ.

Михаилъ Алексѣевичъ Яковлевъ. Это былъ строгій и страшный для театральнаго міра критикъ-рецензентъ *Сѣверной Пчелы*. Онъ писалъ очень ловко и вѣрно, хотя, служа въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, иногда долженъ былъ смягчать правоту своихъ приговоровъ артистамъ и въ особенности артисткамъ имѣвшимъ своихъ покровителей между аристократами. Яковлевъ получилъ образованіе въ Петропавловской нѣмецкой школѣ и былъ сынъ русскаго купца торговавшаго подъ Думой серебряными издѣліями, почему нѣкоторые журнальные наѣздники, находившіе возможными всѣ средства для своихъ отпарированій, позволяли себѣ пошлыя шуточки на счетъ происхожденія автора статей съ подписью *М. Я.*—Яковлева выводили на сцену неоднократно. Я помню какой-то водевиль, гдѣ онъ являлся подъ именемъ Мишутки Яшуткина и былъ вылитый оригиналъ. Не помню только кто его представлялъ тогда, кажется, Марковецкій или Рязанцевъ. Та же корпуленція, болѣе чѣмъ плотная, то же огненно-кирпичекрасное лицо, съ очками въ черепаховой оправѣ, тотъ же черный сюртукъ, черный жилетъ по горло и съ бѣленькими форменными пуговичками и то же отсутствіе всякаго наружнаго признака бѣлья, чѣмъ отличался костюмъ почтеннаго Михаила Алексѣевича. Онъ былъ давнишнимъ сотрудникомъ *Сѣверной Пчелы*, платившей ему только креслами въ театрахъ за его статьи. Воейковъ окружалъ его учтивымъ вниманіемъ и былъ съ нимъ на самой лучшей ногѣ, что̀ не мѣшало Воейкову при немъ ругать Булгарина, а Яковлеву хохотать при этихъ выходкахъ, точно доходившихъ до смѣшнаго.

Лука Михайловичъ Якубовичъ, веселый, разбитной малый, круглолицый, румяный, кудрявый, отставной какой-то офицеръ, печатавшій не мало статеекъ въ стихахъ и въ прозѣ,

изъ которыхъ нѣкоторыя были недурны. Онъ, говорили, былъ какимъ-то дальнимъ родственникомъ того Якубовича который находился въ числѣ декабристовъ и проявилъ столько дикихъ поступковъ на Дворцовой площади въ злосчастный день 14го декабря 1825 года. Впрочемъ въ Якубовичѣ печатавшемъ въ журнальчикахъ Воейкова, Бестужева, Олина и другихъ свои статейки, повидимому, не было ничего общаго съ тѣмъ о которомъ, по аналогіи ихъ фамилій, мы вспомнили. Это былъ нѣчто въ родѣ взрослаго enfant terrible, наивный, беззаботный, всегда имѣвшій въ запасѣ своей памяти разнаго рода новости журнальнаго дѣла. Онъ, кажется, посвящалъ бо́льшую часть своего дня на собираніе извѣстій по книжнымъ лавкамъ, кондитерскимъ, трактирамъ и типографіямъ, почему новости эти нерѣдко переходили въ оттѣнокъ сплетни; а сплетня, какъ я уже сказалъ прежде, царила въ Воейковской гостиной, гдѣ надобно было соблюдать изрядную осторожность чтобы не сдѣлаться ея жертвой или игралищемъ.

Степанъ Васильевичъ Руссовъ. Сильный преслѣдователь Полеваго и Арцыбашева за то что они не преклонялись предъ Карамзинымъ и находили недостатки въ его *Исторіи Государства Россійскаго.* Приземистый, сѣдой старикъ этотъ, говорившій съ пѣной у рта о тѣхъ вольностяхъ какія правительство дозволяетъ такому безсовѣстному нахалу, какъ онъ называлъ талантливаго издателя *Телеграфа*, каковъ Николка Полевой, былъ гдѣ-то когда-то учителемъ исторіи, которую зналъ таки довольно исправно. Въ тридцатыхъ годахъ вся спеціальность жизни его состояла въ томъ что онъ печаталъ брошюры и цѣлыя книжки въ защиту святой для него тѣни безсмертнаго исторіографа Карамзина. Это занятіе обратилось какъ бы въ мономаническое какое-то его дѣйствіе. Онъ въ одно время привлекалъ къ себѣ уваженіе за ту твердость воли какую онъ проявлялъ въ постоянномъ преслѣдованіи порицателей Карамзина; а съ другой стороны, онъ невольно возбуждалъ смѣхъ. Вотъ и въ этотъ разъ Руссовъ, какъ всегда, явился къ Воейкову со статьей. Статья эта была слишкомъ куріозна, почему, когда она была напечатана въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ*, я вырѣзалъ ее и помѣстилъ въ мой особый альбомъ, благодаря которому, теперь, 40 лѣтъ спустя, я здѣсь многое могу передать съ тою же точностью, какъ бы все это мною видимо и слышано сегодня. Благоволите прочесть эту статью, которая лучше всѣхъ брошюръ и то-

миковъ изданныхъ Руссовымъ, ознакомитъ васъ съ этимъ чудакомъ:

„Что совы и монстры допущены въ журналы, за то историографъ и вообще исторія, какъ лицо и вещь посторонняя и никакого участія въ томъ не имѣвшія, отвѣчать не обязаны. Это правда что *сова*, эмблема мудрости, приписана г. Арцыбашеву неправильно; но я не вѣрю чтобы тѣнь историографа, ломавая г. Строеву, одобрятъ что онъ призываетъ критики на безсмертное его твореніе; ибо самъ онъ (Предисловіе) говоритъ что, посвятивъ 12 лѣтъ лучшаго времени своей жизни на сочиненіе девяти томовъ, можетъ по слабости желать хвалы и боятся охужденія.... Повѣритъ ли потомство что въ XIX столѣтіи, въ несправедливѣйшей критикѣ на безсмертное твореніе историографа, ссылались на безсмѣнное будто бы ломаваніе его тѣни? Повѣрить ли что тогда же было столь великое ожесточеніе противъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ, добродѣтельнѣйшихъ и паче правдивѣйшихъ Россіянъ?“

На дняхъ авторъ этой статьи имѣлъ случай достать прекуріозное фактическое доказательство мелочности покойнаго, добрѣйшаго впрочемъ, С. В. Руссова. Доказательство это состоитъ въ 500 экземплярахъ превосходно гравированнаго на стали, въ видѣ медальйона, портрета его въ профиль съ непремѣннымъ Владимірскимъ крестомъ въ петлицѣ. Внизу подпись по-латыни: Russow. Step. Was. Consil. Aul. St. Walod. Eques. etc. Душеприкащикъ покойнаго Руссова раздавалъ этотъ портретъ всѣмъ желающимъ имѣть эту рѣдкость 1822 года. *

Воейковъ, принимавшій охотно всякую челуху, лишь бы направленную противъ Полеваго, Булгарина или Сенковскаго, съ особеннымъ жаромъ и видимымъ удовольствіемъ завладѣлъ листомъ бумаги исписаннымъ стариковскимъ почеркомъ Руссова, объявляя что онъ въ слѣдующемъ нумерѣ напечатаетъ эту „прелесть“, какъ онъ выразился.

— А, вотъ, Александръ Ѳедоровичъ, сталъ говорить enfant terrible, Якубовичъ,—сегодня заходилъ это я къ Александру Филипповичу Смирдину, и видѣлъ тамъ, между прочими новыми, изъ Москвы полученными, книгами *Стихотворенія М. А. Дмитріева*. Въ числѣ этихъ стихотвореній одно особенно мнѣ показалось, именно *Люциферовъ праздникъ*. Тамъ есть одинъ стишокъ, обнаруживающій презрѣніе публики къ Полевому, имя котораго тутъ скаламбурировано очень удачно.

* Экземпляръ этого портрета, отличающагося поразительнымъ сходствомъ съ подлинникомъ, я передалъ въ коллекцію рѣдкостей почтеннаго издателя *Русской Старины* М. И. Семевскаго.

— Да то-то видѣли, да читали, заворчалъ Воейковъ, надувшись,—а нѣтъ того чтобы списать. Вотъ списали бы, да мнѣ и принесли бы, такъ ладнѣе было; а то теперь надо мнѣ завтра посылать за книжкой къ другу моему Ивану Тимоѳеевичу Лисенкову, который, многіе ему годы благополучно здравствовать, спасибо ему, не оставляетъ снабжать меня всѣми новыми книгами.

— Не безпокойтесь, Александръ Ѳедоровичъ, отозвался Аладьинъ, подавая Воейкову тщательно сложенный листокъ.— Я сегодня собственноручно списалъ это стихотвореніе, бывши въ магазинѣ Ивана Васильевича Сленина.

— Вотъ благодѣтель, истинный благодѣтель, Егоръ Васильевичъ, рычалъ Воейковъ.—Глубоко вамъ признателенъ. А между тѣмъ прочтемъ-ка это стихотвореніе Михаила Александровича Дмитріева, племянника нашего безсмертнаго поэта, друга Карамзина и бывшаго министра юстиціи.

И Воейковъ громко прочиталъ:

Иду я лѣсомъ—съ лѣсомъ равенъ,
Травою—равенъ я съ травой;
И, какъ лѣсной, въ глуши я славенъ,
Хотя презрѣнъ какъ *полевой!*
За сильнымъ—хохотъ я пускаю;
Кто слабъ—того защекочу;
Съ кѣмъ слажу—просто изломаю;
Не слажу—мимо прокачу.

— Это однако, замѣтилъ Карлгофъ,—напоминаетъ стишокъ изъ одного водевиля Писарева съ такимъ же каламбуромъ.* Только тамъ больше вѣжливости и ничего не говорится о какомъ-то „презрѣніи“, какого всего менѣе Николай Алексѣевичъ Полевой заслужилъ отъ русской публики, доказывающей ему свое расположеніе тѣмъ что подписка на его журналъ доходитъ до значительныхъ размѣровъ.

---

* Всѣ любятъ цвѣтъ оранжерейный
И всѣмъ наскучилъ *полевой.*

Публика приняла куплетъ этотъ въ 1829 году съ аплодисментомъ, въ которомъ сильно и шумно, съ веселымъ смѣхомъ, участвовалъ самъ Н. А. Полевой, что̀ дѣлаетъ честь его такту, точно такъ какъ и то что онъ хорошо отнесся о водевилѣ П. А. Каратыгина, *Знакомые незнакомцы*, хотя онъ тамъ и выведенъ подъ именемъ и въ роли журналиста Баклушина.

— Ну вы, Вильгельмъ Иванычъ, возражалъ Воейковъ съ нѣкоторою злобой въ голосѣ,—всегда за вашего любезнаго Полеваго. Подождите, еще насолитъ онъ вамъ, подождите!

— А вотъ, вскрикнулъ опять Якубовичъ, всегда богатый новостями,—а вотъ не угодно ли взглянуть въ сегодняшній нумеръ *Литературной Газеты* почтеннѣйшаго Ореста Михайловича Сомова, который остался въ одиночествѣ за горестною смертью барона Дельвига. Изволите видѣть, г. издатель *Телеграфа* объявилъ, со свойственною ему скромностью, что журналъ его *и впредь хуже не будетъ*. На это *Молва* ему замѣтила что г. издатель *Телеграфа* невозможнаго сдѣлать не можетъ. „А мы, говоритъ Сомовъ, съ своей стороны, замѣтимъ *Молвѣ* что шутка ея остроумна, но не совсѣмъ справедлива: издатель *Телеграфа* первымъ нумеромъ своего журнала на нынѣшній годъ доказалъ что для него „невозможное возможно".

Почти общій хохотъ со знаками сильнаго одобренія принялъ эту довольно ловкую шутку.

— Въ pendant къ этому, объяснилъ Воейковъ, — и у меня къ слѣдующему нумеру приготовлена хорошенькая вещица въ своемъ родѣ, при содѣйствіи самого же почтеннѣйшаго Николая Алексѣевича.

Глѣбовъ и кулеческій сынокъ, составлявшіе секретарствовавшіе Воейкову, тотчасъ бросились къ его портфелю въ кабинетѣ, и одинъ изъ нихъ подалъ ему заблаговременно подготовленную статью, которую по просьбѣ Воейкова и прочелъ вслухъ:

„*Слово правды*. Г. Полевой, подправя по-своему нѣсколько стиховъ Пушкина, читаетъ ихъ задомъ напередъ и находитъ въ нихъ смыслъ (что̀ весьма забавляетъ г. Полеваго). Можно сей опытъ повторить и надъ другими поэтами. Возьмемъ, напримѣръ, извѣстную строфу Державина:

„Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость:
Не столько нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ:
Желаніемъ честей размученъ;
Зоветъ, я слышу, славы шумъ."

„Красоту всей строфы составляетъ именно порядокъ въ которомъ изливаются сіи сладкозвучные стихи. Прочтя ихъ же снизу вверхъ, смыслъ въ нихъ останется, хотя, конечно

прелесть ихъ исчезнетъ. Пытались мы читать *Исторію Русскаго народа*: сверху внизъ, снизу вверхъ, справа на лѣво, слѣва на право, крестъ на крестъ, черезъ строку—а смысла все не находили."

— Ха! ха! ха! хохотало почти все общество.

Когда прекратился смѣхъ, то выступилъ г. Пасынковъ съ нумеромъ того дня *Литературной Газеты* и прочелъ слѣдующее:

„*Сѣверная Пчела*, при видѣ множества новыхъ журналовъ, „являющихся словно грибы, осерчала на это изобиліе періодическихъ изданій и возгласила: „И теперь, когда россійской „литературѣ *угрожаетъ* бѣдствіе отъ множества журналовъ и „устрашаетъ *истинныхъ* литераторовъ, какъ вѣсть о саранчѣ,— „*Сѣверная Пчела* торжественно объявляетъ что она не намѣре„на заграждать пути ни одному журналу, не станетъ спорить ни „съ однимъ изъ нихъ и предоставляетъ каждому жить, чахнуть „и умереть свободно". „Къ этому *Литературная Газета* дѣлаетъ замѣтку: „Это похоже на объявленіе князька какого-то „мелкаго негритянскаго племени, который, окончивъ свой обѣдъ, „велитъ своему глашатаю кричать: Абулъ-Фатитъ-Гругру по„обѣдалъ; теперь всѣ другіе государи могутъ обѣдать".

И это тотчасъ назначено было въ ближайшій нумеръ. Такъ-то составлялась газета безъ особенныхъ хлопотъ и вполнѣ патріархально. Чего же не хватало иногда, то очень просто дополнялось чрезъ вниманіе то сотни стиховъ, то нѣсколькихъ страницъ прозы изъ книгъ, альманаховъ и журналовъ съ именами знаменитыхъ авторовъ. Что можетъ быть легче и проще этого? Въ послѣдствіи Сенковскій, такимъ манеромъ, перепечатывалъ въ *Библіотекѣ для чтенія* иногда цѣлыя книги, а статьи сплошь и рядомъ. Но всего забавнѣе что и за эти перепечатки чужаго добра Сенковскій бралъ съ благодушнаго Смирдина, ввѣрившагося въ него словно въ Евангеліе, крупную полистную плату, какая была введена у насъ не ранѣе какъ по появленіи *Библіотеки для Чтенія*.

По случаю выхода *Сѣверной Пчелы*, которую коробило появленіе новыхъ журналовъ и газетъ, Воейковъ, который въ глубинѣ души самъ раздѣлялъ мнѣніе *Пчелы*, сказалъ pour faire bonne mine au mauvais jeu, думая замаскироваться благонамѣренностію:

— А вотъ я не таковъ, и постоянно повторяю себѣ драгоцѣнныя слова князя Петра Андреевича Вяземскаго:

Дай Богъ намъ болѣе журналовъ:
Плодятъ читателей они.
Гдѣ есть повѣтріе на чтенье,
Тамъ въ уваженіи перо,
Гдѣ грамота, тамъ просвѣщенье,
Гдѣ просвѣщенье—тамъ добро!...

— Я въ особенности желаю успѣха хорошимъ журналамъ, продолжалъ Воейковъ, и владая въ цитаты Св. Писанія, поспѣшилъ воскликнуть: „Входяще въ домъ, цѣлуйте достойнаго, глаголюще: миръ дому сему. И аще убо будетъ домъ достоинъ, пріидетъ миръ вашъ на него. Аще ли же не будетъ достоинъ, миръ вашъ къ вамъ возвратится.“ Напримѣръ, ежели бы другъ мой и глубочайше мною уважаемый чуть не до боготворенія Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ принялся за журналъ, то я былъ бы въ восхищеніи, хотя и потерялъ бы сотрудника неоцѣненнаго. Такъ и теперь, въ доказательство моего прямодушія, получая, отъ времени до времени, отъ Бориса Михайловича отрывки изъ его давнишняго романа *Князь Курбскій*, извѣстнаго всей русской публикѣ по лоскуточкамъ, и дарами этими великолѣпно украшая мой скромный еженедѣльникъ, я не могу не пожелать, вмѣстѣ со всею публикой, того чтобы авторъ этого прекраснаго романа издалъ его наконецъ отдѣльно въ свѣтъ, чѣмъ всѣхъ порадовалъ бы несказанно. Мое желаніе подкрѣпилось сегодня письмомъ полученнымъ мною изъ Нарвы, отъ добраго моего пріятеля Каменева, который прислалъ мнѣ, по предмету *Курбскаго*, статеечку.

Всѣ пожелали услышать эту статью до прочтенія ея въ печати и услышали слѣдующее:

„*Казнь послѣ смерти.* Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ десять лѣтъ уже сочиняетъ романъ *Князь Курбскій*, и Богу одному извѣстно докончитъ ли его когда-нибудь. Между тѣмъ, отрывая отъ него куски, помѣщаетъ во всѣхъ журналахъ, газетахъ и альманахахъ, такъ что бѣдное его произведеніе, не будучи молодо, состарѣлось. Посмотришь, въ самомъ дѣлѣ, какъ непостижимъ жребій человѣковъ. Хитрый князь Курбскій, счастливо избѣгнувъ отъ царя Ивана Васильевича, попалъ въ руки Борису Михайловичу Ѳедорову. Грозный приговорилъ бы его, можетъ-быть, *четвертить*, а Борисъ Михайловичъ *раздвадцатерилъ* его. Такъ иногда мореходецъ безопасно переплываетъ океанъ и гибнетъ въ ручейкѣ.“

Г. Ф(Ѳ)едоровъ, тутъ бывшій, самъ съ другими смѣялся милой шуткѣ и объявилъ что надѣется что романъ его скоро

выйдетъ въ свѣтъ, хотя дѣйствительно вышелъ, и само собою разумѣется уже не произвелъ никакого эффекта, лѣтъ 15 спустя послѣ этой статьи и послѣ неоднократныхъ увѣреній автора о скоромъ появленіи романа, дѣйствительно, къ сожалѣнію, устарѣвшаго и опереженнаго слишкомъ многими историческими романами у насъ въ Россіи, а именно *Юріемъ Милославскимъ* Загоскина и *Самозванцемъ* Ѳаддея Булгарина, который, напечатавъ этотъ романъ, всячески силится лодъ разными лсевдонимами доказывать въ *Сѣверной Пчелѣ* что этотъ его романъ ставитъ его на ряду съ Вальтеръ-Скоттомъ.

— Кстати зашла рѣчь о Скоттѣ, сказалъ смѣясь баронъ Розенъ, произнося фамилію знаменитаго Британца такъ что двойное *т* мало было замѣтно, сегодня какъ я собирался къ вамъ ѣхать, Александръ Ѳедоровичъ, одинъ мой однополчанинъ, предобрый малый, который давно уже сбросилъ ментикъ и доломанъ, навѣстилъ меня и передалъ мнѣ для напечатанія свои, очень неправильные, но все-таки забавные стихи. Вотъ они. И онъ своимъ писклявымъ голосомъ, съ своею странною интонаціей нараспѣвъ, прочелъ слѣдующія очень плохія вирши, имѣвшія только достоинство заключать въ себѣ грубый каламбуръ:

Романтикъ, балагуръ, Шотландецъ
Ввелъ подражанье за собой:
Вдругъ *Выжигинъ* и *Самозванецъ*
Явились на Руси святой.
Писатель гордый, издавая,
Мнилъ быть нашъ новый Вальтеръ-Скоттъ.
Къ чему фамилія двойная?
Ему довольно, повторяя,
Одной послѣдней безъ хлопотъ.

— „Ха! ха! ха!“ раздалось въ гостиной. — „Ну досталось же Ѳаддею Венедиктовичу или Архилу Ѳаддеевичу Зерову!“ раздались восклицанія. А Воейковъ, съ обычнымъ своимъ завываньемъ, объявилъ что непремѣнно въ слѣдующемъ нумерѣ, подъ видомъ логогрифа, онъ напечатаетъ эти стихи, въ послѣслѣдующемъ нумерѣ напечатавъ и объясненіе словъ *Скоттъ* и *скотъ*. *

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СТАРОЖИЛЪ В. Б.

(До слѣдующаго №).

* Обѣщаніе это осталось обѣщаніемъ; стихи эти не были напечатаны, и ежели теперь явились здѣсь, то это первое ихъ появленіе въ печати, хотя они очень и очень не новы.

МОЕ ЗНАКОМСТВО
СЪ ВОЕЙКОВЫМЪ
ВЪ 1830 ГОДУ
И ЕГО ПЯТНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ СОБРАНІЯ*

IX.

Воейковъ имѣлъ страсть разоблачать псевдонимы, хотя самъ не любилъ когда разоблачали тѣ псевдонимы (Алексѣя Кораблинскаго, Никиты Луговаго и Ѳеоктиста Нагайкина) которыми онъ часто прикрывался. Такъ онъ, когда находился въ немилостивомъ ко мнѣ расположеніи духа, что̀ въ теченіи нашего знакомства случалось не разъ, снималъ тотчасъ завѣсу и съ моего Виктора Басковскаго или Бориса Волжина, которыми я маскировалъ свое настоящее имя, особенно съ того времени какъ, съ 1835 года, сталъ служить въ военномъ министерствѣ, гдѣ въ ту пору сдѣлано было распоряженіе тогдашнимъ министромъ, графомъ (въ послѣдствіи бывшимъ свѣтлѣйшимъ княземъ) А. И. Чернышевымъ, чтобы всѣ находящіеся на службѣ подъ его начальствомъ обязались подпиской, подъ опасеніемъ исключенія изъ службы, ничего не печатать подъ своимъ именемъ безъ предварительнаго разсмотрѣнія и разрѣшенія директоромъ канцеляріи, статсъ-секретаремъ М. М. Брискорномъ. Распоряженіе это

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 9, 10.

послѣдовало по слѣдующему случаю: молодой чиновникъ министерства, только-что вышедшій тогда изъ Царскосельскаго лицея, талантливый стихотворецъ г. Деларю напечаталъ въ одной изъ первыхъ книгъ *Библіотеки для Чтенія* свое счастливое подражаніе Виктору Гюго въ звучныхъ и хорошихъ стихахъ, которые были, поистинѣ, лучше подлинника. Вотъ эти стихи:

Когда бъ я былъ царемъ всему земному міру,
Волшебница, тогда бъ поверглъ я предъ тобой
Все, все что̀ власть даетъ народному кумиру:
Державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру
За взоръ, за взглядъ единый твой.

И еслибъ Богомъ былъ,—селеньями святыми
Клянусь, я отдалъ бы прохладу райскихъ струй
И сонмы ангеловъ съ ихъ пѣснями живыми,
Гармонію міровъ и власть мою надъ ними
За твой единый поцѣлуй. *

Въ нынѣшнее время, то-есть почти 47 лѣтъ спустя послѣ этого случая, вѣроятно, никто не обратилъ бы на нихъ въ цензурномъ отношеніи вниманія. Да и тогда, при довольно стѣснительной цензурѣ, цензоръ пропустилъ ихъ безпрепятственно. Но въ стихахъ этихъ тогдашній митрополитъ Серафимъ, не понятно какимъ образомъ ихъ читавшій, усмотрѣлъ что-то не православное и вошелъ объ этомъ обстоятельствѣ со вседодданнѣйшимъ докладомъ. Государь императоръ Николай Павловичъ прогнѣвался и приказалъ разузнать о переводчикѣ этихъ стиховъ, которые, однако, какъ тогда слышно было, по благозвучію своему самому государю понравились. Со всѣмъ тѣмъ молодой стихотворецъ г. Деларю, помнится, былъ посаженъ на гауптвахту и лишился службы подъ начальствомъ военнаго министра, который нашелъ нужнымъ, въ огражденіе себя на будущее время отъ подобныхъ непріятныхъ случайностей, сдѣлать то распоряженіе о которомъ я сейчасъ упомянулъ. Послѣ этого можно себѣ представить какъ непріятна была каждому служащему молодому писакѣ страсть г. Воейкова къ разоблаченію псевдонимовъ, которою онъ умѣлъ донимать даже Сенковскаго,

* По поводу этихъ стиховъ нашъ знаменитый баснописецъ И. А. Крыловъ отозвался о нихъ г. Деларю такъ:

Мой другъ, когда бы былъ ты Богъ,
Такой бы глупости сказать не могъ.

(*Русская Старина* 1869.)

печатал безпрестанно: Баронъ Брамбеусъ (Сенковскій); Морозовъ (Сенковскій); А. Бѣлкинъ (Сенковскій); Тютюнджи-Оглу (Сенковскій) и пр. Но забавно было то, что онъ, Воейковъ, никакъ не хотѣлъ считать рецензента *Телескопа* и *Молвы* настоящимъ Виссаріономъ Бѣлинскимъ, а не вымышленнымъ псевдонимомъ. При этомъ не лишнее сказать что Воейковъ къ Бѣлинскому, тогда уже проявлявшему зачатки своего замѣчательнаго таланта, питалъ ненависть, ежели можно, еще сильнѣйшую чѣмъ къ Полевому, Булгарину и Сенковскому и не могъ о критикахъ и разборахъ его говорить иначе какъ со свойственнымъ ему желчнымъ остервененіемъ, заходившимъ за предѣлы не только умѣренности и приличій, но даже здраваго смысла. Въ этотъ вечеръ какъ нарочно шелъ между гостями Воейкова довольно оживленный разговоръ о Бѣлинскомъ и его партизанскихъ литературныхъ „наскокахъ“, какъ иные называли рѣзкій способъ рецензированія, какой въ тѣ патріархально-идиллическія времена начиналъ вводиться, съ легкой руки Полеваго, въ особенности Бѣлинскимъ и тою молодою дружиной, въ Москвѣ его окружавшею, которая нанесла окончательный ударъ педантизму и схоластикѣ въ нашей, еще тогда столь молодой литературѣ. Воейковъ долго, долго слушалъ эти разговоры, въ которыхъ одни рьяно нападали на новые литературные взгляды и порядки, другіе, нехотя и съ осторожностью, старались выставлять хорошія стороны этого новаго литературнаго строя. Воейковъ все время грызъ набалдашникъ своей клюки и потомъ, схвативъ грифельную доску, началъ на ней что-то строчить и объявилъ что, не принимавъ участія въ разговорѣ, онъ становится на сторону противниковъ *вредныхъ* нововведеній.

— У меня, господа, завопилъ Воейковъ, — есть эпиграмма о томъ какимъ тономъ извощичьяго ухарства хочетъ, повидимому, блистать современая quasi-критика. Прошу позволенія моихъ любезныхъ гостей прочесть ее.

Разумѣется посыпались просьбы: „Сдѣлайте одолженіе!“ „Пожалуста!“ „Ради Бога!“ и пр. Воейковъ не заставилъ себя ждать и съ аспидной доски прочелъ слѣдующее, какъ бы возглашаемое самимъ Бѣлинскимъ и consorts:

Прочь съ презрѣнною толпою,
Цыцъ, схоластики, молчать!
Вамъ ли черствою душою
Жаръ поэзіи понять?
Дико, бѣшено стремленье,

Чѣмъ поэтъ одушевленъ:
Тамъ въ безумномъ упоеньи
Богъ поэтовъ, Аполлонъ
Съ Марсіаса содралъ кожу!
Берегись его дѣтей:
Эпиграммой хлопнутъ въ рожу,
Рифмой бѣшеной своей
Въ поэтическія плети
Пріударятъ дураковъ,
И позоръ вашъ, мрака дѣти,
Отдадутъ на свистъ вѣковъ.

Эта эпиграмма, правду сказать, довольно бойкая, произвела впечатлѣніе на слушателей, такъ что партизаны *вредныхъ* (какъ говорили противники ихъ) стремленій новой критики, особенно критики Бѣлинскаго, будто маленько пріуныли. Это пріятно лощекотало самолюбіе старика-сатирика. * Онъ, по-своему, хрипло засмѣялся и, усмотрѣвъ появленіе слуги и мальчика-казачка съ закуской и водкой, пригласилъ весело и радушно гостей ужинать, чѣмъ Богъ послалъ. Всѣ встали и пошли въ столовую, гдѣ оказалось что Богъ послалъ цѣлое блюдище жареныхъ рябчиковъ, съ двумя или тремя салатниками съ огурцами, ликулями и салатами разнаго рода, кромѣ полсотни тонкихъ ломтей холоднаго ростбифа съ шамлиньйонами, при нѣсколькихъ бутылкахъ довольно порядочнаго вина. Началось, разумѣется, съ того что всѣ старались, по возможности и съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ приличій, себя угостить вслѣдствіе хозяйскаго приглашенія; а потомъ опять завязались различные отдѣльные разговоры, причемъ нѣкоторые гости на ломберныхъ столикахъ записывали разныя разности приходившія имъ на память и которыя назначались въ печать для хлѣбосольнаго журналиста-амфитріона. Онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и усердно ѣлъ и

* Впрочемъ хотя Воейковъ въ то время и прочелъ стихи эти какъ свои собственные, они ему не принадлежали, а вышли, какъ слышно, изъ подъ пера одного изъ даровитѣйшихъ нашихъ писателей, чуть ли не князя П. А. Вяземскаго. Воейковъ частенько выдавалъ чужіе стихи за свои, и въ *Біографіи профессоровъ Московскаго университета* сохранилась одна интересная подробность, а именно что Воейковъ часто съ Мерзляковымъ игрывалъ въ карты на стихи, забирая у него переводомъ строфъ *Делилевыхъ Садовъ* вмѣсто проигранныхъ имъ денегъ.

смѣялся. Вдругъ однако l'enfant terrible, Якубовичъ, нашелъ нужнымъ объявить что стихи графа Хвостова къ Зонтагъ до такой степени нелѣпы и отличаются такимъ дурнымъ стихосложеніемъ что едва ли можно ихъ напечатать. Это напоминаніе объ этихъ несчастныхъ стихахъ, напечатаніе которыхъ срамило изданіе, а между тѣмъ обусловливалось обязательствомъ съ которымъ соединялась значительная матеріальная выгода, было крайне непріятно Воейкову и подняло его желчь. Началось съ того что онъ высказалъ нѣсколько дерзостей Якубовичу, причемъ вылетѣли выраженія: „лица курицу учатъ; молоко на губахъ не обсохло; не для того пускаю къ себѣ въ домъ чтобы слышать глупые совѣты; всякъ сверчокъ знай свой шестокъ“; и пр. и пр. Когда же гнѣвъ на несчастнаго Якубовича поубавился, Воейковъ принялся за графа Хвостова, восклицая: „Связала же меня нелегкая съ этимъ сумашедшимъ метроманомъ!“

Мягкій и кроткій Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ старался всячески успокоить расходившагося желчнаго и нервознаго старика; но всѣ эти уговариванья были въ родѣ подливанья масла въ огонь. Ловкій Вердеревскій понялъ это и началъ разказывать анекдоты о графѣ Хвостовѣ. Эти анекдоты поспособствовали охлажденію Воейковскаго пыла и заставили его даже ухмыльнуться сначала, а потомъ и просто-на-просто смѣяться,—явный знакъ что бѣшенство замѣнено иронією и сатирой, которыя для Хвостова были хуже Воейковскаго гнѣва, потому что заставили Воейкова повторить предъ своими гостями извѣстные свои, впрочемъ далеко не мудрые и не острые, стихи на Хвостова:

Хвосты есть у синицъ,
Хвосты есть у лисицъ,
Хвосты есть у кнутовъ,
Такъ бойся же, Хвостовъ!

Вердеревскій разказалъ совершенно свѣженькій анекдотъ о Хвостовѣ. Дѣло въ томъ что знаменитый нашъ баснописецъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ иногда занималъ деньжонки у графа Дмитрія Ивановича, ссужавшаго его ими всегда съ величайшимъ удовольствіемъ, потому что проценты, конечно громадные, больше нынѣшнихъ еврейскихъ по 15 въ мѣсяцъ, уплачивались прослушиваніемъ галиматейныхъ стихотвореній графа. На дняхъ Ивану Андреевичу понадобились гроши, и на этотъ разъ не бездѣльные, и онъ поѣхалъ къ своему

банкиру, то-есть къ Хвостову. Но, къ горю того и другаго, въ этотъ разъ графъ самъ былъ à sec, потому что на дняхъ только отдалъ Сленину весьма значительную сумму денегъ для изданія своихъ виршей.

— Да развѣ не на свое иждивеніе Сленинъ, какъ онъ объявляетъ въ предисловіяхъ, издаетъ произведенія графа? спросилъ кто-то, чуть ли не благодушный Подолинскій.

— Какой оселъ, вскричалъ Воейковъ,—кромѣ самого автора, рѣшится тратить свои деньги на изданіе всей этой галиматьи! Само собою разумѣется что Сленинъ тутъ только коммиссіонеръ-факторъ, и коммиссіонеръ наживающій себѣ порядочный кушъ на этомъ дѣльцѣ, потому что старый стихоплетъ понятія не имѣетъ о цѣнахъ бумаги, типографіи, художниковъ, переплетчика, коммиссіонерскихъ и пр. А вы развѣ не знаете что когда вся эта, въ пяти, шести или больше томахъ, дребедень бываетъ издана въ свѣтъ, то Хвостовъ раздаетъ экземпляры на коммиссію, платя за эту коммиссію не по нашему 15—20%, а 40—50%, вотъ какъ-съ! Затѣмъ онъ разъѣзжаетъ по книжнымъ лавкамъ и справляется о продажѣ своихъ твореній. Оказывается что творенія его застряли и сидятъ ни прру, ни ну, сколько Сленинъ, на счетъ автора, ни объявляетъ широковѣщательно о ихъ выходѣ во всѣхъ газетахъ, и вотъ тогда Хвостовъ снабжаетъ деньгами своихъ агентовъ, которымъ велитъ отправляться по книжнымъ лавкамъ и скупать тамъ его экземпляры, разумѣется, не упоминая о томъ что они этимъ исполняютъ его порученія. Впрочемъ, не онъ первый, не онъ послѣдній пускался на такую штучку: знаменитый французскій романистъ д'Арленкуръ, когда романы его всѣми были раскуплены и всѣмъ порядкомъ оскомину набили, дѣлалъ точь въ точь то же самое.

— А почему это, спросилъ опять, помнится, Подолинскій же,— графъ такъ часто издаетъ свои не раскупающіяся изданія: въ 1818, 1821, 1827, 1830 годахъ и все одно и то же, съ нѣкоторыми свѣжими прибавленіями?

— А это, изволите видѣть-съ, для того, вѣщалъ Воейковъ,— чтобы, какъ его сіятельство объявляетъ всегда въ своихъ предисловіяхъ (при этомъ онъ развернулъ первый томъ новаго изданія Хвостова) слѣдующее: „Многіе можетъ-быть порицали „меня за часто повторенныя изданія“. Съ чего это онъ беретъ и кому какая нужда до его нелѣпыхъ изданій? Издавай хоть ежедневно, себѣ на потѣху, людямъ на посмѣяніе. „А дѣлалъ

„опыя, и если жизнь моя продлится *, всегда дѣлать буду, на „счетъ авторскаго славолюбія (и на счетъ своего кармана!), „единственно для удобнѣйшаго *исправленія погрѣшностей* (да каждый томъ есть огромная погрѣшность!), которое необхо„димо нужно, если авторъ желаетъ чтобы его стихи,

„.... когда покажутся въ столицу
„Не первые пошли обертывать корицу!“

— И безъ корицы найдется что̀ въ нихъ обертывать, хохоталъ Воейковъ,—про то хорошо знаетъ мой новый гость Владиміръ Петровичъ.

За симъ онъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность разказать почтеннѣйшей публикѣ во всевозможныхъ подробностяхъ мой случай въ магазинѣ Дюливье со стихами графа на холеру и съ посвященіемъ моей особѣ даренаго экземпляра, въ который мадамъ Дюливье распорядилась завернуть какой-то корсетъ, купленный престарѣлою графиней Хвостовой у нея въ магазинѣ.

— Все это прекрасно, замѣтилъ кто-то, —но все это остановило Василья Евграфовича съ анекдотомъ о Крыловѣ и Хвостовѣ.

Разкащикъ продолжалъ:

— Итакъ, графъ Дмитрій Ивановичъ страдалъ безденежьемъ, почему онъ предложилъ Ивану Андреевичу вмѣсто денегъ, налицо не имѣвшихся, только-что изготовленные для продажи 500 полныхъ экземпляровъ своихъ *Стихотвореній* въ 5 томахъ. „Возьмите, Иванъ Андреевичъ, все это на ломоваго извощика, говорилъ Хвостовъ, и отвезите Смирдину. Я продаю экземпляръ по 20 р. асс.; но куда не шло, для милаго дружка сережка изъ ушка, отдайте все эту Смирдину, для скорости, по̀ 5 р., по 4 р. экз., и вы будете имѣть отъ 2 до 2.500 р. разомъ, т.-е. болѣе чѣмъ сколько вамъ нужно“. Крыловъ, думая что за эту

* Графъ Хвостовъ умеръ въ 1835 или 1836 году, при престранныхъ обстоятельствахъ: онъ, чрезъ министра двора князя П. М. Волконскаго, испрашивалъ себѣ дозволеніе однажды осенью осмотрѣть подробно Александрію близъ Петергофа, въ тѣхъ видахъ чтобы потомъ *воспѣть* это интимное царское лѣтнее жилище. Государь посмѣялся и велѣлъ исполнить желаніе знаменитаго всевоспѣвателя, т.-е. предоставить ему подробный осмотръ Александріи. Но, увы! Александрія осталась не „воспѣтою“ графомъ Хвостовымъ, который столько же любилъ строчить вирши, какъ ѣсть лакомыя блюда, какими былъ, по повелѣнію державнаго хозяина, въ Александріи угощенъ по-царски. У старика 85ти-лѣтняго сдѣлалось несваренье желудка, и онъ черезъ два дня умеръ, не успѣвъ воспѣть Александріи.

массу книгъ, роскошно изданныхъ, дадутъ таки ежели не по 4, то по 2 р., соображая что тутъ, ежели разчитывать на вѣсъ, наберется почти около сотни пудовъ, даже не принимая въ соображеніе тяжеловѣсности стиховъ (остриъ раскащикъ), — поблагодарилъ графа, добылъ, чрезъ графскую прислугу, ломоваго извощика и, не взирая на свою обычную лѣнь, препроводилъ весь этотъ грузъ лично къ Смирдину, конвоируя самъ этотъ литературный транспортъ отъ Сергіевской до дома Петропавловской церкви, на легковомъ извощикѣ шажкомъ. Но каково было удивленіе и разочарованіе Крылова, когда Смирдинъ наотрѣзъ отказалъ ему въ принятіи этого, какъ онъ говорилъ, хлама, которымъ, по словамъ книгопродавца, безъ того уже завалены всѣ петербургскіе книжные магазины. Въ задумчивости, но не разставаясь со своею флегмой, вышелъ Иванъ Андреевичъ на Невскій проспектъ, гдѣ ломовой извощикъ пристаъ къ нему съ вопросомъ: „Куда прикажетъ его милость таскать всѣ эти книги?“ — „Никуда не таскай, другъ любезный, сказалъ нашъ русскій Лафонтенъ,—никуда, а свалика здѣсь на улицу около тротуара. Кто-нибудь да подберетъ“. И всѣ 2.500 книгъ твореній Хвостова, опасающагося такъ обвертокъ на корицу, были громадною массой свалены у тротуара противъ подъѣзда въ книжный магазинъ. Имъ бы лежать тутъ пришлось долго, да вскорѣ проскакалъ по Невскому проспекту, на своей залихватской парѣ рысаковъ съ пристяжной на отлетѣ, оберъ-полицеймейстеръ Сергѣй Александровичъ Кокошкинъ. Подлетѣлъ къ грудѣ книгъ, подозвалъ вертѣвшагося тутъ квартальнаго, удостовѣрился что все это творенія нашего знаменитаго пѣвца Кубры и велѣлъ разузнать отъ Смирдина, въ чемъ вся суть? Когда его превосходительство проѣзжалъ обратно, книгъ тутъ уже не было: всѣ онѣ, по распоряженію частнаго пристава, отвезены были обратно къ графу Хвостову, о чемъ, съ пальцами у кокарды треуголки, частный отрапортовалъ генералу, пояснивъ съ полицейскимъ юморомъ происхожденіе этой исторіи, авторомъ которой былъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Его превосходительство изволили смѣяться и на слѣдующее утро имѣли счастіе обо всемъ этомъ докладывать, въ числѣ городскихъ происшествій, государю императору, которому этотъ случай доставилъ нѣсколько веселыхъ минутъ. Отъ послѣдняго обстоятельства, графъ Дмитрій Ивановичъ, въ качествѣ вѣрноподданнаго, былъ въ радостномъ восхищеніи.

— Анекдотъ хоть куда, замѣтилъ Воейковъ,—да та бѣда что ни одинъ изъ цензоровъ нашихъ его не пропуститъ. Но завтра же я объ немъ буду бесѣдовать съ графомъ Дмитріемъ Ивановичемъ, которому тѣмъ, конечно, доставлю не мало удовольствія и утѣхи.

Между тѣмъ пять томовъ роскошнаго Слѣпушкаго, *на деньги графа*, изданія его стихотвореній разсматривались гостями, занявъ на столѣ тѣ мѣста которыя были уже свободны отъ рябчиковъ, салатовъ и ростбифа.

— Очень мило то, говорилъ Волковъ, — что въ предисловіи издателя, этотъ издатель-неиздатель, восхваляетъ, подъ диктантъ давшаго ему деньги съ избыткомъ на изданіе, высокій талантъ автора, владѣющаго превосходно всѣми родами отечественнаго языка. Ха! ха! ха!

— А вотъ, указалъ Якубовичъ,—вишьетка—лира, и подъ нею слова: „За трудъ не требую и не нуждаюсь славы.“

— На другомъ томѣ, замѣтилъ Карлгофъ,—другой эпиграфъ: „Люблю писать стихи и отдавать въ печать“. Это очень мило! А въ текстѣ также стихи, которые замѣчательны своею наивностію; да та бѣда что на дѣлѣ ихъ авторъ не сдержалъ обѣта не отдавать своихъ стиховъ въ печать, и отдавалъ ихъ очень, даже слишкомъ много. Послушайте:

Стихи писать
И ихъ читать
Вездѣ намѣренъ.

— И эту часть своей программы авторъ свято выполнилъ.

Въ печать ихъ никогда не буду отдавать —
Не будетъ и меня никто критиковать,
Я въ томъ увѣренъ.

— Въ послѣднихъ обстоятельствахъ авторъ оказался рѣшительно несостоятеленъ.

Баронъ Розенъ наткнулся на одно стихотвореніе въ которомъ Хвостовъ гласитъ будто бы безсмертный Суворовъ, его дядя, съ удовольствіемъ слушалъ его стихи, когда онъ, племянникъ, ему ихъ читалъ, и выражается такъ:

Гордись, о муза восхищенна,
Своимъ безсмертнымъ торжествомъ!
Герой, котораго вселенна
Считаетъ въ браняхъ божествомъ,

Съ кѣмъ Россъ противъ стихій сражался,
Подъ кѣмъ верхъ Альповъ унижался,
Полвѣка славой кто блисталъ,
Кто образецъ мужей великихъ,
Суворовъ средь побѣдъ толикихъ,
Какъ другъ, твой мирный гласъ внималъ.

— А вотъ какъ безсмертный фельдмаршалъ относился къ стихотвореніямъ своего племянника, сказалъ баронъ Розенъ.—Я слышалъ это отъ Василія Андреевича Жуковскаго и отъ одного изъ близкихъ людей къ покойному графу Михаилу Андреевичу Милорадовичу. Вопервыхъ, свѣтлѣйшій князь Суворовъ очень часто въ интимномъ кругу жаловался на мономанію своего племянника, сына родной своей сестры, какъ онъ его называлъ, Митюхи Стихоплётова; вовторыхъ, когда въ 1800 году, по возвращеніи изъ Италіянскаго похода, князь Александръ Васильевичъ умиралъ въ Петербургѣ, въ большой Коломнѣ, тамъ гдѣ нынче строится циркъ, * кончавшійся великій полководецъ въ опочивальнѣ своей преподавалъ предсмертныя наставленія и совѣты близкимъ къ себѣ людямъ, которые входили къ нему поодиночкѣ на цыпочкахъ и оставались нѣсколько минутъ въ присутствіи духовника, лейбъ-медика императрицы Маріи Ѳедоровны, Англичанина Лейтона, и исторически знаменитаго камердинера Прошки. Когда вошелъ къ умиравшему Хвостовъ, тогда еще человѣкъ среднихъ лѣтъ, и сталъ на колѣни, цѣлуя почти уже холодную руку дяди, послѣдній сказалъ ему: „Любезный Митя, заклинаю тебя всѣмъ что для тебя есть святаго, брось твое виршеслагательство, главное, не печатайся, не печатайся. Помилуй Богъ! Это къ добру не поведетъ: ты сдѣлаешься посмѣшищемъ всѣхъ порядочныхъ людей“. Графъ Дмитрій Ивановичъ плакалъ, цѣловалъ руку умиравшаго и вышелъ тихонько, видя что дядя закрылъ глаза и замѣтивъ жесты врача, который совѣтовалъ ему удалиться, чтобы не тревожить отходившаго ко сну вѣчному. Когда Хвостовъ возвратился въ залу, гдѣ было много лицъ интересовавшихся состояніемъ здоровья князя Италійскаго, знакомые подошли къ Хвостову съ разспросами: „Что князь, какъ себя чувствуетъ?“ — „Увы! отвѣчалъ горюющій племянникъ — забывается и *бредитъ!*“ **

* Изъ цирка въ послѣдствіи выстроенъ былъ Маріинскій театръ.

** Этотъ анекдотъ подтверждаетъ и извѣстный нашъ воинъ-писатель Д. В. Давыдовъ, въ письмѣ своемъ къ поэту Языкову, напеча-

— Изъ всего этого, не подлежащаго ни малѣйшему сомнѣнію, ясно что стихотвореніе графа Дмитрія Ивановича, грѣша противъ законовъ стихосложенія, грѣшитъ противъ правды.

X.

Я съ намѣреніемъ разказалъ здѣсь *первую мою пятницу у Воейкова* со всѣми ея фазами и подробностями, не соблюдая однако строгаго историческаго и синхронистическаго порядка и представляя собраніе разновременныхъ фактовъ, заразъ группированныхъ въ одномъ цѣломъ. Это не подленныя записки, которыя были бы слишкомъ утомительны и скучны, а очерки журнальнаго быта въ тридцатыхъ годахъ.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ моихъ посѣщеній гостиной А. Ѳ. Воейкова я былъ свидѣтелемъ многихъ болѣе или менѣе знаменательныхъ случаевъ, въ которыхъ и мнѣ иногда приводилось играть какую-нибудь роль. Конечно, еслибъ я захотѣлъ разказывать не только то что видѣлъ и слышалъ по пятницамъ самъ, но и узналъ отъ другихъ, то могъ бы разказать несравненно болѣе и чрезвычайно расширить рамы моей картины; но это не было бы согласно съ принятою мною на себя задачей чисто ретроспективнаго характера, какой былъ данъ мною и первой моей статьѣ о журналистикѣ и журналистахъ тридцатыхъ годовъ, напечатанной въ № 4мъ журнала *Заря* 1871 года, подъ названіемъ *Четверги у Н. И. Греча*, обратившей на себя нѣкоторое вниманіе нашей печати. Эти „Четверги“ писаны были мною вполнѣ на память или лучше прямо „изъ памяти“ безъ помощи даже тѣхъ краткихъ записокъ какія сохранились въ моихъ домашнихъ портфеляхъ. Но для написанія настоящей моей статьи потребовались мнѣ справки, для освѣженія въ памяти, если не обстоятельствъ и случаевъ, не характеровъ и портретовъ, то нѣкоторыхъ чиселъ, нѣкоторыхъ именъ, нѣкоторыхъ извлеченій изъ статей, вписанныхъ нѣкогда въ мою агенду и въ вѣрности которыхъ я ручаюсь.

Вотъ опять восемь, обращенныхъ на Шестилавочную улицу,

танномъ въ первомъ томѣ *Библіографическихъ записокъ* г. Аѳонасьева 1858 года.

оконъ одно-этажнаго домика ярко освѣщены, и наружная дверь часто отворяется, чтобы впускать гостей, большею частью приходящихъ пѣшкомъ, отчасти пріѣзжающихъ на извощикахъ, по одиночкѣ или вдвоемъ, всего же меньше въ собственныхъ экипажахъ.

Входимъ въ знакомыя намъ довольно уютныя комнаты и встрѣчаемъ почти все то же общество, состоящее преимущественно изъ лишущей молодой и старой братіи, подъ предсѣдательствомъ самого хозяина, неразлучнаго съ своимъ громаднымъ, чернымъ, неуклюжимъ парикомъ, съ своими очками въ золотой оправѣ, клюкой съ грызомою рукоятью, мефистофельскою улыбкой и вальяжнымъ орденомъ Св. Владиміра 3й степени на шеѣ, не снимаемымъ, статута ради, даже въ интимномъ домашнемъ быту, что имѣетъ свою порядочную дозу странности. Не будемъ перечислять гостей—мы ихъ знаемъ.

Когда я входилъ въ гостиную изъ столовой, мнѣ показалось что была произнесена моя фамилія кѣмъ-то изъ сидѣвшихъ, по обыкновенію, вокругъ большаго круглаго стола предъ длиннымъ и широкимъ диваномъ, раздѣленнымъ многими подушками на нѣсколько отдѣленій.

Слухъ мой меня не обманулъ, потому что когда только-что вошелъ я въ комнату, Александръ Ѳедоровичъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Легки, юноша, на поминѣ: мы сейчасъ только объ васъ говорили; да и съ упрекомъ, извините, дражайшій, съ упрекомъ. Какъ же это можно? На что это похоже? Находитесь въ такихъ близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ съ издателемъ французской газетки *Fiwet*, читаемой въ нашихъ аристократическихъ гостиныхъ, а между тѣмъ допустили его напечатать въ его листочкѣ статейку о китайскомъ журналистѣ, битомъ палками по приказанію разбѣсившагося на этого журналиста китайскаго же мандарина. Вѣдь всѣмъ въ городѣ извѣстно что богатѣйшій и самодурнѣйшій старецъ проживающій въ Москвѣ бѣлокаменной, князь, этотъ аристократическій обломокъ чуть ли не до-Екатерининскихъ временъ, разгнѣвался на Полеваго за то что тотъ въ своемъ *Телеграфѣ*, подъ рубрикой *Живописца русской жизни*, изобразилъ его сіятельство въ крайне непривлекательной картинѣ, конечно псевдонимно, но прозрачнопсевдонимно, среди его крѣпостнаго гарема. Гнѣвъ вельможнаго старца, какъ не только слышно, но офиціально подъ сурдинкой

извѣстно, разразился на раменахъ нашего знаменитаго публициста-историка-романиста и юмориста, при содѣйствіи наемныхъ палокъ и батоговъ. Этого рода случаи надо стараться всегда лозамять и въ гласность не пускать; а теперь вашъ „Французикъ, лодбитый вѣтеркомъ“ обрадовался скандалу случившемуся въ Россіи между un boyard russe, котораго онъ назвалъ мандариномъ, и русскимъ литераторомъ, причемъ Французикъ вздумалъ еще доказывать что эти палочные удары лестны и блистательны для литератора, на сторонѣ котораго будетъ общественное мнѣніе. Нѣтъ, какъ хотите, юный нашъ парнасскій камрадъ, а вамъ грѣхъ, великій грѣхъ было не остановить пера мусье Сенъ-Жульена въ этомъ случаѣ.

Я спокойно выслушалъ весь этотъ выговоръ отъ Воейкова, который хоть и говорилъ о необходимости и обязанности скрывать подобные случаи отъ иностранцевъ и вообще отъ высшей публики, и безъ того не долюбливающей русскихъ литераторовъ, однако замѣтно радовался что именно Полевой, а не онъ самъ, напримѣръ, былъ жертвой такого отвратительнаго проявленія самоуправства.

По выслушаніи всей рѣчи Воейкова, лившейся плавно, противъ его обыкновенія говорить какими-то скачками, я объяснилъ какъ ему, такъ и всей честной компаніи что я не нахожусь въ достаточно близкихъ отношеніяхъ къ издателю *Furet* чтобъ имѣть вліяніе на напечатаніе въ его газеткѣ тѣхъ или другихъ, имъ или его сотрудниками сочиняемыхъ статей. Что же касается до статьи въ № 62 о кантонскомъ журналистѣ, оскорбленномъ такъ жестоко самоуправнымъ мандариномъ Поднебесной Имперіи, то, прочитавъ ее въ воскресномъ листкѣ и не понимая алогическаго ея смысла, я при свиданіи вчера съ г. Сенъ-Жюльеномъ узналъ отъ него очень просто что онъ, встрѣтясь на Невскомъ съ Булгаринымъ, узналъ отъ послѣдняго о происшествіи бывшемъ будто бы въ Москвѣ съ Николаемъ Алексѣевичемъ Полевымъ и настрочилъ нелѣпую эту статейку по совѣту и наставленію Ѳаддея Венедиктовича.

Тогда тотчасъ посыпались ругательства, какъ произносимыя самимъ Воейковымъ, такъ и другими лицами изъ числа тутъ бывшихъ, на Булгарина: Въ особенности, помнится, бѣшено отзывался г. Струйскій, въ которомъ, какъ я выше сказалъ, извѣстно, *Сѣверная Пчела* упорно отвергала даже умѣнье составлять стихи. И при этомъ онъ, да и нѣкоторые другіе

восклицали бывшіе тогда не въ печати, а на языкѣ почти всей публики стихи Пушкина:

Онъ Польшу спасъ отъ негодяя,
И Русскихъ братствомъ запятналъ.

Замѣчательно однако что Воейковъ, упрекавшій меня какъ сотрудника *Furet* за напечатаніе этой статьи, поистинѣ столь неумѣстной и безтактной, самъ чрезъ свой органъ далъ ей большую гласность и развилъ эту гласность завязавъ по поводу своей статейки полемику съ другими журналами. Въ этомъ обмѣнѣ неприличныхъ выходокъ, газовый вуаль, прикрывавшій истину происшествія, ежели только оно точно было, а не выковано клеветой или сплетней, дѣлался все прозрачнѣе и прозрачнѣе, пока наконецъ цензура не приняла мѣръ противъ излишней тревоги поднятой по этому случаю журналистикой. Первая статья напечатанная Воейковымъ, основавшая весь этотъ сумбуръ, была слѣдующая:

„*О томъ что еслибы какой писатель за дерзость былъ побитъ и княжескою палкой, то сіе не придало бы ему ни блеска, ни сіянія.* Въ № 62 газеты *Furet* сказано: „Литераторовъ „весьма уважаютъ въ Нанкинѣ, первопрестольномъ градѣ Не„беснаго Государства; но мандарины (les boyards) до нихъ не „охотники: недавно одинъ изъ нихъ велѣлъ своимъ слугамъ по„колотить (bâtonner) одного почтеннаго китайскаго писателя. „Мандарину нельзя будетъ отъ стыда никуда глазъ показать, а „журналистъ, выздоровѣвши отъ батожья, явится еще сіятель„нѣе отъ низкаго съ нимъ поступка непріятеля.“

За симъ авторъ русской статьи, будто присланной изъ Ямбурга, отъ оберъ-штеръ-кригсъ-коммиссара барона Адама Адамовича фонъ-деръ-Дрейгрюненъ-Ундшварценберга, дѣлаетъ различные вопросы, глумится, сомнѣвается въ истинной честности китайскаго литератора, который де, какъ извѣстно въ Ямбургѣ, старается представить въ дурномъ видѣ превосходную *придворную* исторію Поднебесной Имперіи и пр., и пр., и пр., причемъ употребляютъ всѣ старанія къ тому чтобы сдѣлать флёровый вуаль совершенно дырявымъ и окончательно прозрачнымъ.

Прямодушный баронъ Розенъ, постоянно воевавшій съ Полевымъ, хотя когда-то былъ его сотрудникомъ, въ этотъ вечеръ выразилъ благородное сомнѣніе насчетъ достовѣрности слуха о побитіи палками Полеваго, такъ какъ слухъ этотъ вы-

шелъ изъ грязнаго источника, отъ Ѳаддея Булгарина, ненавидящаго и Полеваго, и Россію.

На это Карлгофъ сказалъ что онъ дѣйствительно имѣетъ извѣстія изъ Москвы о томъ что Николай Алексѣевичъ боленъ и не выходитъ изъ комнатъ; но причина его болѣзни неизвѣстна.

— Заболѣешь, небось, и не такъ, какъ отдуютъ батожьями! воскликнулъ старикъ Руссовъ; а Воейковъ на это громко захохоталъ, прибавивъ:

— Передать надо объ этомъ графу Дмитрію Ивановичу, чтобъ онъ алоѳеозировалъ батожьё. Ха, ха, ха!

Снова кто-то выразилъ сомнѣніе относительно происшествія съ Полевымъ, сдѣлавшимся жертвой самодурства и нахальства ветхаго старика-богача; но Воейковъ, поднявъ очки и вперивъ глаза въ сомнѣвавшагося, сказалъ съ обычнымъ своимъ завываніемъ и какъ-то особенно лозитивно:

— Я видѣлъ офиціальную бумагу у благодѣтеля моего Леонтія Васильевича Дубельта. Приказано Полевому быть въ статьяхъ осторожнѣе и не задѣвать знатныхъ богачей, много жертвующихъ на государство; а Крезу конфиденціально дано знать чтобъ онъ не самоуправничалъ.

Затѣмъ разговоръ принялъ другое направленіе, переходя съ одного журнала и журналиста на другаго; но какъ всегда вращаясь преимущественно въ любезной Воейкову сферѣ новостей, превращавшихся большею частію въ пошленькія сплетни, повтореніе которыхъ, по истеченіи сорока лѣтъ, не только забавно, но и нѣсколько назидательно, показывая что ежели нынче мы не занимаемся тѣмъ же, то полагать надо что усовершенствовались нравственно, и что прежнимъ продѣлкамъ смѣло можемъ дать въ эпиграфъ извѣстный стихъ Грибоѣдова:

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Постоянная тетрадь, въ видѣ альбома, лежала предъ Воейковымъ на маленькомъ пюпитрѣ, который выдвигался изъ его огромнаго вольтеровскаго кресла. Въ тетрадь эту онъ прилежно вписывалъ разнаго рода новости, сообщаемыя гостями. Впрочемъ это занятіе, то-есть записываніе новостей, острот и вицовъ разнаго рода, раздѣляли его секретари-волонтеры: которые также имѣли карманныя тетради и карандаши въ карманахъ своихъ фраковъ или сюртуковъ. И дѣло шло какъ по маслу: агендочки наполнялись, и потомъ все что было можно

напечатать при существованіи строгой предварительной цензуры * печаталось въ изданіяхъ Воейкова. Гости такъ привыкли собирать новости и сылать различныя свои замѣтки и наблюденія въ Воейковской гостиной что хозяину не было малѣйшаго труда направлять ихъ къ этому.

Вдругъ въ это самое время влетаетъ главный глашатай новостей, Якубовичъ, и едва поздоровавшись, объявляетъ что онъ сейчасъ изъ кандитерской Вольфа, которая и тогда была тамъ же гдѣ находится теперь, у Полицейскаго моста, но имѣла характеръ рѣшительно петербургскаго café Procope или Cadran bleu, нѣкогда столь славившихся въ Парижѣ сходками французскихъ литераторовъ и журналистовъ, хотя, правду сказать, далеко не отличалась изящною наружностью, а была-таки порядочно неуклюжа и грязновата.

— Ну, что же новаго? спросилъ хозяинъ въ унисонъ съ нѣсколькими голосами, предлагавшими тотъ же вопросъ въ то время, когда вслѣдъ за Якубовичемъ входилъ его соперникъ по части нувеллизма, Платонъ Волковъ, вологодскій ломѣщикъ, довольно представительной наружности, съ красивыми бакенбардами и густыми волосами. Имѣлъ манеры довольно рѣзкія, любилъ говорить довольно громко, старался примировать. Онъ во всѣ журналы давалъ довольно бойкія статьи, наконецъ вздумалъ самъ издавать журналъ *Петербургскій Зритель*, выпустилъ одинъ нумеръ, да тѣмъ и покончилъ, уѣхавъ сначала къ себѣ домой, а потомъ, какъ слышно было, въ чужіе края.

— А вотъ новость та, воскликалъ Якубовичъ,—что явилось сегодня прямо изъ Англійскаго клуба новое четверостишіе Пушкина. Слушайте:

„Къ Смирдину какъ ни зайдешь,
Ничего не купишь.
Иль Сенковскаго найдешь,
Иль въ Булгарина наступишь."

— Ха, ха, ха! смѣялись нѣсколько голосовъ, повторяя: „въ Булгарина наступишь!"

— Наступишь! Какъ это картинно, словно въ груду какую-нибудь богомерзкую! вопилъ Воейковъ, записывая четверостишіе.

---

* Впрочемъ далеко не столь строгой какою явилась цензура послѣ февральской революціи 1848 года, когда, напримѣръ, одинъ цензоръ вычеркивалъ слова: *„вольный духъ"* въ поваренной книжкѣ г-жи Авдѣевой.

— Впрочемъ, кричалъ Волковъ,—есть уже сегодня же и другой варіантъ, а именно, въ третьемъ стихѣ, вмѣсто: „иль Сенковскаго найдешь“, „иль на Греча попадешь“. Этотъ варіантъ, говорятъ, вѣрнѣе, потому что не слѣдуетъ разлучать нашихъ Сіамскихъ близнецовъ, которыхъ сростила одна книжка общихъ интересовъ и всякаго проходимства.

— Нѣтъ, нѣтъ, пищалъ баронъ Розенъ,—нѣтъ, нѣтъ, воля ваша, Николай Ивановичъ не чета Булгарину, право не чета.

Волковъ.— А вотъ я знаю чудную новость о Булгаринѣ, новость совершенно свѣженькую. Вы сегодня въ *Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ*, въ *Инвалидѣ* и въ *Полицейской Газетѣ* прочли объявленіе книгопродавца Лисенкова (магазинъ въ домѣ Пажескаго корпуса, на Садовой) что у него продается портретъ знаменитаго парижскаго сыщика Видока?

Нѣсколько голосовъ.—Прочли, прочли. Ну что жъ?

Волковъ.—Да то-съ что это портретъ не Видока, а почтеннѣйшаго автора *Выжигиныхъ*, *Самозванца* и пр., Ѳаддея Венедиктовича Булгарина, только съ подписью имени Видока, наклееннаго внизу, вмѣсто имени нашего знаменитаго публициста. Одинъ изъ первыхъ покупателей этого портрета, цѣна которому 5 руб., синюшка, былъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, много, говорятъ, хохотавшій въ магазинѣ этой продѣлкѣ. Потомъ поэтъ нашъ со своей покупкой, не одного, а чуть ли не пятка экземпляровъ, пошелъ по Невскому проспекту. На тротуарѣ онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ пріятелей, которыхъ тотчасъ снабдилъ этою прелестью, а другимъ указалъ адресъ Лисенкова, и въ теченіи нѣсколькихъ часовъ не было у Ивана Тимоѳеевича (то-есть Лисенкова) отбоя отъ покупателей портрета Видока. Хохота-то, хохота сколько было! Одинъ экземпляръ этого превосходнаго произведенія остроумія нашего обязательнаго и ловкаго книгопродавца Пушкинъ собственноручно прибилъ гвоздиками въ книжномъ магазинѣ Слѣнина, со строгимъ запретомъ снимать со стѣны. Къ Слѣнину весь день гурьбами ходили любоваться этимъ портретомъ любопытствующіе.

Воейковъ.—Прелесть! Чудо! Выдумка стоитъ тысячи червонцевъ. Завтра же ѣду къ моему милому Ивану Тимоѳеевичу и расцѣлую его за эту чудную и умную продѣлку.

Волковъ.—Только не знаю, будетъ ли Лисенковъ доволенъ вашими поздравленіями, Александръ Ѳедоровичъ. Дѣло-то приняло не совсѣмъ пріятный для него оборотъ.

Воейковъ. — Какъ, что, какимъ образомъ?

Волковъ. — Изволите видѣть: узналъ объ этой исторіи Гречъ, чуть ли не отъ самого Пушкина, и мигомъ поскакалъ къ Лисенкову, котораго сталъ уговаривать положить экземпляры портрета подъ спудъ. Вы знаете ихъ отношенія: Николай Ивановичъ долженъ состоитъ Лисенкову по заемному письму сколько-то тысячъ. Но не тутъ-то было: Лисенковъ закабенился, доказывая что онъ не виноватъ въ томъ что у Видока и у Булгарина въ физіономіяхъ какое-то феноменальное сходство; а при этомъ плутъ ломаргиваетъ, да хихикаетъ.

Воейковъ. — Молодецъ Иванъ Тимоѳеевичъ, молодецъ! Исполать ему!

Волковъ. — Однако Гречъ этимъ не удовольствовался и доказывалъ что это точный портретъ Булгарина, что даже на портретѣ сохранена въ петлицѣ фрака и миніатюрная золотая сабелька, съ какою Булгаринъ себя вездѣ изображаетъ, хотя, служа подъ русскимъ знаменемъ, сабли за храбрость, какъ видно изъ его формуляра, не получалъ. Пока Гречъ съ Лисенковымъ спорили, вдругъ шаркъ въ магазинъ самъ Булгаринъ, да съ своею бамбуковою палкой....

Воейковъ. — Ахъ! Господи! Былъ бы я тамъ, тотчасъ вооружилъ бы Ивана Тимоѳеевича вотъ этимъ моимъ костылемъ.

Волковъ.—Это была бы роскошь оружія, потому что, говорятъ, Иванъ Тимоѳеевичъ и самъ былъ не промахъ; схватилъ первый попавшійся ему подъ руку стулъ.

Воейковъ. — Браво! брависсимо! Кто побѣдилъ: сарматъ или казакъ? *

Волковъ.—Гречъ остановилъ, говорятъ, побоище, угрожая бойцамъ что онъ кликнетъ полицію. Но городская молва гласитъ будто оружіе свою роль съ той и съ другой стороны исправно разыграло. Гречъ и Булгаринъ что-то переговорили между собою по-французски и уѣхали изъ магазина; а подъ вечеръ, такъ съ часъ тому назадъ, хлопоты Греча и Булгарина увѣнчались успѣхомъ довольно хорошимъ для нихъ: продажа портрета прекращена переодѣтыми жандармами, экземпляры конфискованы и, правда ли нѣтъ ли, а говорятъ будто Лисенкову придется заплатить какую-то нешуточную сумму Булгарину за безчестье.

Вслѣдъ за этою гроссъ-куріозною новостью, какъ назвалъ ее

---

* Лисенковъ родомъ Малороссіянинъ изъ Харьковской губерніи.

Воейковъ, скорбѣвшій о томъ что эти дни онъ не можетъ выѣзжать со двора, по болѣзни, хозяинъ объявилъ съ нѣкоторымъ огорченіемъ о томъ что въ сегодняшнемъ нумерѣ *Пчелы*, старинный его пріятель, министръ внутреннихъ дѣлъ Дм. Ник. Блудовъ, горько оскорбилъ его, напечатавъ свой протестъ, объявившій что буквы *Д. Б.*, которыми подписана въ *Инвалидѣ* статья о новомъ томѣ *Забавъ и отдохновеній Николая Назарьевича Муравьева* * (этого, впрочемъ поистинѣ, какъ его называли въ обществѣ, *Хвостова въ прозѣ*) ему вовсе не принадлежитъ, какъ то могутъ полагать люди не знающіе его и не понимающіе что онъ, Блудовъ, не способенъ къ проявленію того отвратительно неприличнаго тона въ какомъ написана вся статья въ періодическомъ изданіи выходящемъ подъ редакціей г. Воейкова.

— А небось, ворчалъ Воейковъ, въ былыя времена *арзамазства* нынѣшній вельможа его высокопревосходительство не гнушался Воейковымъ, котораго самъ въ *Арзамазіи* окрестилъ двумя собрикетами: „Печурка“ и „Двѣ огромныя руки“. Да и Воейковъ не гнѣвался, когда Дмитрій Николаевичъ приставалъ къ нему съ эпиграммой на него.

— Какая это эпиграмма? спрашивалъ Карлгофъ.

— Вотъ она господа! И Воейковъ съ легкимъ завываньемъ прочиталъ:

Хвала Воейковъ, кротъ, *Сады*
Демидовы изрывшій,
И царскосельскіе пруды
Стихами затопившій!

---

* Н. Н. Муравьевъ былъ въ аракчеевскія времена статсъ-секретаремъ и принималъ участіе въ занятіяхъ коммиссіи оудившей декабристовъ, въ 1826 году, когда былъ назначенъ начальникомъ I отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи. Онъ былъ человѣкъ умный и даже образованный, но впалъ въ послѣдствіи въ мономаническую страсть писать и печатать свои сочиненія, никѣмъ не читаемыя и никѣмъ не покупаемыя, кромѣ какъ агентами автора. Это былъ поистинѣ *Хвостовъ въ прозѣ*. Будучи въ отставкѣ, онъ, живя въ Новгородской деревнѣ, состряпалъ и напечаталъ чуть ли не XV томовъ своихъ сочиненій, подъ названіемъ *Забавъ и Отдохновеній*, надъ каждымъ изъ которыхъ, по выходѣ ихъ въ свѣтъ, глумились журналисты до неприличности. Одна изъ такихъ гаерныхъ критикъ за подписью *Д. Б.* заставила Д. Н. Блудова, не желавшаго слыть авторомъ этой неприличной статьи, протестовать противъ всякаго своего въ ней участія весьма энергично.

За нимъ, предъ нимъ свистятъ свистки
И воетъ горько муза....
Онъ добръ: Виргилія въ толчки,
Пинкомъ Делиля въ пузо!

— Кстати объ эпиграммахъ, замѣтилъ баронъ Розенъ.—Сегодня я, рывшись въ моихъ бумагахъ, нашелъ эпиграмму на *Телеграфъ*, еще 1826 года, впрочемъ. Вотъ она, можетъ-быть пригодится вамъ, Александръ Ѳедоровичъ:

„Man kann, was man will,"
Глаголетъ смѣло *Телеграфъ*:
Что захочу могу! Судить не будемъ строго
Его ни цѣлей мы, ни правъ:
Что хочетъ онъ—невѣсть, а можетъ онъ немного.

Воейковъ (принимая клочекъ исписанной бумаги). — Спасибо, баронъ! Всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше есть! Я стоялъ за Полеваго, вы всѣ помните, до 1828 года, когда онъ отступился отъ логики и правды. Тогда и я отступился отъ него. И теперь, когда онъ зашелъ за предѣлы всякаго добра, чести и разума, я не могу не идти противъ него. Боже милостивый! Что онъ осмѣлился напечатать, дѣлая рецензію на драму Нестора Васильевича Кукольника, драму, перлъ патріотизма и *исторической правды*! Поэтому я въ *Инвалидѣ* завтра же тисну: „Издатель *Телеграфа* принялъ за правило противорѣчить всему тому что принято цѣлымъ свѣтомъ за истину, утверждено неотразимыми доказательствами, освящено вѣками и мнѣніемъ людей мудрыхъ, не лжесвидѣтелей, людей строгой добродѣтели, не имѣвшихъ никакой причины быть пристрастными. Онъ отвергаетъ свидѣтельство милліона очевидцевъ, называетъ не важными событія происходившія въ глазахъ цѣлаго государства и на единогласіи всѣхъ современныхъ писателей основанныя."

Какое-то тяжелое чувство вдругъ пронизало одновремено почти всѣхъ присутствовавшихъ, кромѣ развѣ Руссова, свирѣпо ненавидѣвшаго Полеваго. Другіе же почти всѣ испытали непріятное нравственное ощущеніе, заставлявшее ихъ понимать доносъ въ томъ что имъ сейчасъ прочелъ хозяинъ, принимавшій теперь ихъ съ любезностью амфитріона. Замѣтивъ влечатлѣніе произведенное на своихъ гостей послѣднею статьей, предназначенною въ печать, Воейковъ сталъ читать другую:

„Когда Самохвальцевъ перестанетъ величать Гомера—мясникомъ, Анакреона—пьяницей, Титъ-Ливія—лжецомъ, Тацита—невѣждой; когда перестанетъ онъ уничижать Ломоносова, насмѣхаться надъ Державинымъ, презрительно говорить о князѣ Шаховскомъ, объ Александрѣ Ивановичѣ Писаревѣ, ставить себя выше Карамзина, бросать грязью въ Качеповскаго и Греча, въ Булгарина и Погодина, въ Сомова и Олина, въ князя Шаликова и Раича, въ Надеждина и Воейкова, въ Аладьина и Филимонова, тогда публика сниметъ съ него дурацкій колпакъ съ погремушками, сшитый ему общими усиліями, изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ бумаги, писателями, переводчиками, журналистами, газетчиками и альманачниками."

— Кто же это, господа, кто? скажите на милость! вопилъ Воейковъ.

Нѣсколько голосовъ, дружно крикнули: „Полевой, Полевой!"

XI.

Воейковъ, казалось, торжествовалъ свою дешевую побѣду и тотчасъ заговорилъ о Брамбеусѣ. Въ нападеніяхъ на *Библіотеку для Чтенія*, жестоко щелкавшую почти каждаго изъ тѣхъ господъ, печатавшихъ въ журналахъ и альманахахъ, да и отдѣльными книгами, которые теперь здѣсь засѣдали, Воейковъ встрѣтилъ много симпатіи, съ какою были приняты его, напримѣръ, 102 примѣра что редакторъ *Библіотеки для Чтенія*, увѣщевая всѣхъ насъ писать *разговорнымъ языкомъ*, самъ не имѣетъ понятія даже о чистой русской разговорной рѣчи и пишетъ языкомъ *книжнымъ*. Еще забавно было для слушателей весьма тщательное и обстоятельное исчисленіе Воейковымъ числа подписчиковъ *Библіотеки для Чтенія*, ежегодно уменьшавшихся. Такъ, когда по случаю появленія нѣсколькихъ новыхъ журналовъ, Сенковскій глумился, увѣряя что *Библіотека для Чтенія* ихъ не читаетъ и еще спрашивалъ о ихъ здоровьи, увѣряя что никогда еще *Библіотека для Чтенія* не была въ столь цвѣтущемъ состояніи, — то на это Воейковъ замѣчалъ печатно что по собраннымъ наиточнѣйшимъ даннымъ извѣстно что *Библіотека для Чтенія* за послѣдніе годы лишилась 1.500 подписчиковъ. Цифры эти, взятыя изъ газетной экспедиціи и всячески секретно собранныя, были Сенковскому ножъ острый, по причинѣ своей убійственной правды. Вообще

выходки Воейкова противъ Сенковскаго многимъ очень нравились, и онъ ихъ охотно и съ любовью къ дѣлу сатиры читалъ на своихъ вечерахъ.

Затѣмъ Воейковъ перешелъ къ исчисленію твореній знаменитаго въ то время писаки, издававшаго въ Москвѣ безчисленное множество книгъ въ томъ, два, иныя до пяти, именно нѣкоего *Александра Анфимовича Орлова*, или, какъ печаталъ Воейковъ, обижавшійся за знаменитую фамилію графовъ Чесменскихъ — *Арлова*. Этотъ Арловъ издалъ въ короткое время нѣсколькихъ лѣтъ — 42 сочиненія, изъ числа которыхъ многія направлены были противъ Булгарина. Таковы были довольно замысловатыя книжонки:

1) *Хлыновскіе степняки, дѣти Ивана Выжигина.*
2) *Хлыновскія свадьбы дѣтей Ивана Выжигина.*
3) *Смерть Ивана Выжигина.*
4) *Церемоніалъ погребенія Ивана Выжигина.*
5) *Два кума или крестный отецъ Ивана Выжигина.*
6) *Родословная Ивана Выжигина.*
7) *Бѣгство Ивана Выжигина въ Польшу и препровожденіе по этапу въ Сибирь.*

Не могъ однако утерпѣть Воейковъ чтобы не возвратиться къ Полевому; Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ, читавшій въ отдаленномъ углу, подъ ярко свѣтившимъ кенкетомъ, сегодня же вечеромъ съ почты принесенный новенькій, свѣженькій, съ неразрѣзанными страницами нумеръ *Московскаго Телеграфа*, вдругъ всталъ со стула и съ книгой журнала, одѣтаго въ лиловую обертку, въ рукѣ, подошелъ къ столу около котораго сидѣло общество, и сказалъ:

— Ну, господа защитники Полеваго, воля ваша, а онъ просто бѣснуется!

Воейковъ пришелъ въ восторгъ и, потирая руки, воскликнулъ:

— Покажитетка, покажитетка что такое!

Ѳедоровъ отмѣтилъ въ книгѣ ногтемъ одно мѣсто, и Воейковъ во всеуслышаніе прочелъ:

„*Московскій Телеграфъ* есть журналъ которымъ должна гордиться Россія, журналъ который одинъ стоитъ за нее на стражѣ противъ старовѣрцевъ, одинъ для нея *на ловлѣ европейскаго просвѣщенія.*“

Можно себѣ представить какія посылались ругательства изъ устъ Воейкова, Ѳедорова и Руссова, при помощи взвиз-

гиваній барона Розена и восклицаній Волкова, Глѣбова, Дьячкова, Аладьина, на *Московскій Телеграфъ* и на его издателя.

— Какъ же не Самохвальцевъ, какъ же не Самохвальцевъ! кричалъ Воейковъ. — Въ этомъ человѣкѣ страсть къ себявосхваленію доходитъ до мономаніи. Онъ положительно сумасшествуетъ! Ему мѣсто не въ русской литературѣ и не въ моемъ *Домѣ Сумасшедшихъ*, а въ заправскомъ желтомъ домѣ, тамъ, тамъ на девятой верстѣ Петергофской дороги!

Дѣйствительно, этою выходкой Полевой шагнулъ ужь до того далеко что даже постоянный защитникъ его Карлгофъ молчалъ, сдѣлался мраченъ и, не дождавшись конца вечера, уѣхалъ.

Воейковское пятничное общество ликовало лобѣду, и тотчасъ нѣсколько лицъ, и въ томъ числѣ старикъ Руссовъ, громъ другихъ, заявили желаніе, какъ они выражались по-своему, печатно *отдѣлать* Полеваго за его самохвальство, причемъ слышался голосъ и слова самого Воейкова:

— Зададимъ же мы ему и докажемъ что иныя перья потяжелѣе и похлыще батожья!

Хотя въ ту пору я лично не зналъ Полеваго, да, правду сказать, когда въ послѣдствіи, въ 1836 году, узналъ его въ Петербургѣ, то къ личности его не имѣлъ никакой симпатіи; но мнѣ всѣ эти, раздававшіяся около меня, выраженія, до того показались неприличными между литераторами въ примѣненіи къ ихъ же собрату, ненавидимому или изъ зависти или по чувству обиженнаго имъ самолюбія что я готовъ былъ послѣдовать примѣру Карлгофа, удалиться втихомолку, да та бѣда что шляпа моя была далеко, и взять ее, не обративъ на себя вниманія зоркаго хозяина, не было возможности. Вдругъ въ это время въ сосѣдней комнатѣ послышались чьи-то шаги, съ легкимъ брянчаньемъ шпоръ. Хозяинъ мигомъ вскочилъ и заковылялъ къ двери, у которой онъ, со свойственнымъ ему, въ извѣстныхъ случаяхъ, гиперболическимъ восторгомъ, принималъ, цѣлуя въ плечи, извѣстнаго воина-писателя, или скорѣе именно „солдатскаго писателя“, какъ самъ себя онъ именовалъ, генералъ-лейтетанта Ивана Никитича Скобелева. Въ это время я бывалъ уже частымъ воскреснымъ гостемъ Ивана Никитича, почему онъ тотчасъ со мною поздоровался, по-своему, съ восклицаніемъ: „Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ!“ и, раскланявшись со всѣми, усѣлся по приглашенію хозяина на диванѣ и занялся поданнымъ ему чаемъ.

— Однако, господа, сказалъ онъ, — когда я начиналъ брать

позицію этой комнаты, у васъ шла какая-то, словно, перестрѣлка, или скорѣе гремѣлъ дружный батальный залпъ, ха! ха! ха!

При этомъ, какъ водится, онъ лицомъ дѣлалъ судорожныя какія-то движенія, отдававшіяся въ лѣвомъ плечѣ, гдѣ подъ пустымъ рукавомъ мундирнаго сюртука была четверть его лѣвой руки, оторванной ядромъ подъ Минскомъ въ 1830 году. Отъ этихъ усиленныхъ движеній золотыя генеральскія эполеты сильно вздрагивали и вскидывались.

Воейковъ объяснилъ причину того общаго увлеченія котораго генералъ былъ свидѣтелемъ и, въ доказательство справедливости общаго неудовольствія на Полеваго, прочелъ его нестерпимо хвастливую выходку, напечатанную имъ въ *Телеграфѣ*.

— Ну, друзья любезные, сказалъ Иванъ Никитичъ,—конь и о четырехъ ногахъ, да спотыкается, такъ ужь на то мы люди и человѣки чтобъ ошибаться. Не даромъ гласитъ пословица: „Вѣкъ живи, вѣкъ учись!“ Не могу же не согласиться съ вами что камрадъ нашъ и сородичъ, а мой даже и совсѣмъ, какъ Курчанинъ, землячокъ, Николай Алексѣевичъ, этотъ разъ хватилъ черезъ край. Ну да быль молодцу не укоръ! А вѣдь умень же онъ, право, умень, дьяволъ! Не понимаю какъ это онъ такъ опростоволосился на этотъ разъ. Завтра въ матушку Москву отъѣзжаетъ вашъ же братъ литераторъ, а мой, по бабѣ моей, родственничекъ, Пименъ Араловъ, и я всенепремѣнно съ нимъ пошлю писаночку моему драгоцѣнному алмазу самородному, Николаю, Алексѣевичу, попросивъ его почаще читать „Отцовъ церкви“ и помнить что всѣ мы люди и не должны черезчуръ возноситься, ибо горделивыхъ Богъ смиряетъ. А ты, братъ, Александръ Ѳедоровичъ, ха, ха, ха! генералъ-отъ-кавалеріи всей литературы и главный атаманъ всей партизанщины, преложи гнѣвъ на милость и не казни моего любезнѣйшаго и поистинѣ умнѣйшаго Николая Алексѣевича. А вотъ вмѣсто всей этой боевой тревоги, съ сѣдымъ эсаудомъ справа, да съ куцымъ слѣпышомъ слѣва *, которые, конечно, поведутъ у тебя атаку на славу, ты усадитка Николая Полеваго, моего-то землячишку, въ твой *Домъ Сумашедшихъ*, гдѣ, ей же ей, до того хорошая компанія подобралась что посади меня туда, я сяду съ превеликою моею радостью и всласть посижу.

Воейковъ сталъ смѣяться и отстрѣливался шутками съ Ива-

* Такъ шутя, довольно картинно, Иванъ Никитичъ называлъ сѣдымъ Авзова, а куцымъ приземистаго и коротенькаго Ѳедорова.

номъ Никитичемъ, который былъ въ веселомъ расположеніи духа и вдругъ сказалъ:

— А я сейчасъ отъ Николая Ивановича Греча, гдѣ былъ свидѣтелемъ прекуріозной штуки, о которой, какъ случившейся съ однимъ изъ вашей же пишущей братіи, хочу вамъ отралортовать всѣмъ сколько васъ тутъ налицо. Знаете вы, есть какой-то штабъ-лѣкарь Владиміръ Ивановичъ Даль, что̀ печатаетъ всякія ловѣстушки подъ именемъ казака Владиміра Луганскаго, оттого, какъ болтаютъ люди, что родился на Луганскомъ заводѣ, то-есть въ землѣ гдѣ когда-то казачество было, да гдѣ и поднесь народъ запорожскаго закала.

— Какъ не знать Владиміра Ивановича, отозвался Воейковъ,— спасибо не оставляетъ меня, грѣшнаго, прокаженнаго, своими статейками и недавно еще у меня была напечатана его ловѣсть *Проклятіе*. О! какая великолѣпная вещь. *

— Ну, продолжалъ Скобелевъ,—такъ этотъ самый Даль или Луганскій, залихватски хорошо пишетъ, особенно про нашу про солдатскую, да про матросскую жизнь, которая ему въ корень знакома и вѣдома. И вотъ онъ собралъ всѣ свои, что̀ только были у него въ ларцѣ, разказы про солдатушекъ, матросиковъ, да мужичковъ православныхъ и составилъ книжечку прелузатенькую, которая на этихъ дняхъ явится въ книжныхъ лавкахъ всей столицы. И ужь если мою бѣдную *Переписку русскихъ солдатъ* публика расхватила какъ словно яблоки въ Спасъ или красныя яица въ Свѣтлый День, то, конечно, книжка этого Даля, али Луганскаго, однимъ изданіемъ разлетится много что въ недѣлю, хоть бы за одно свое забористое, лучше всякаго Березинскаго табака, названіе. Я его нарочно записалъ. Прелесть! Книжонка подъ заглавіемъ: „Русскія сказки изъ преданія народнаго, изустнаго, на грамоту гражданскую переложенныя, къ быту житейскому приноровленныя и логоворками ходячими раскрашенныя казакомъ Владиміромъ Луганскимъ“, съ эпиграфомъ:

„И много за моремъ грибовъ,
Да не по нашему кузову.“

И вотъ онъ-то, этотъ Даль-Луганскій, вставилъ въ эту

* Воейковъ по пословицѣ: „дареному коню въ зубы не смотрятъ“ хвалилъ все что̀ только ему дарили, а какъ у него печаталось все даровое, то онъ все свое и хвалилъ. Повѣсть *Проклятіе* далеко не принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній В. И. Даля.

книжку одну сказку о томъ какъ въ раю и аду путешествуетъ настоящій русскій солдатикъ,—что ни есть полковая крупа, — и встрѣчаетъ онъ, конечно ужь въ раю, нашего безпримѣрнаго батюшку Александра Васильевича Суворова, графа Рымникскаго, князя Италійскаго. Завязался у крупы-то этой, у луговицы съ метелкой, * разговоръ съ батюшкой Суворовымъ, который радъ радехонекъ повстрѣчаться съ такимъ солдатикомъ что въ рай только на лобывку отлущенъ. Вотъ и ну его разспрашивать объ телерешнихъ-то армейскихъ порядкахъ. А крупа-то растреклятая, какъ есть безъ всякаго гвардейскаго цивильства и комъильфотства, и пошла лупить съ плеча, да такъ налупила крупа-то наша армейская, простодушная, безъ всякой фальшивости что еловыя шишки посыпались на бѣднаго Макара въ лицѣ самого то есть автора сказокъ. Книжка еще изъ типографіи не выдвигалась, какъ одинъ ея экземпляръ къ поступилъ на глаза къ высшему начальству. Ну, автору и не сдобровалось: кажись прежде всего на крѣпостную гауптвахту друга милаго угодили, а оттуда вѣдь и до Алексѣевскаго рукой подать. Узналъ обо всемъ этомъ Николай Ивановичъ Гречъ, который какъ-то въ сильной дружбѣ состоитъ съ Далемъ-Луганскимъ. Хлопоталъ и кланялся Гречъ вездѣ и у всѣхъ, гдѣ слѣдовало хлопотать и кланяться. Дѣло объяснилось: убѣдились что авторъ худаго ничего не хотѣлъ сказать; да та бѣда что сказалъ не то что другимъ хотѣлось. Велѣли только эту ловѣстушку о солдатикѣ въ раю и въ аду передѣлать на другой ладъ, и ужь она теперь перепечатывается; а самого автора-то, перепугавшагося Даля-Луганскаго, вчера я видѣлъ у Николая Ивановича Греча на его обычномъ четвергѣ. Молодой, сухопарый, въ лѣкарскомъ безъэполетномъ мундирѣ, — этотъ авторъ пробѣгъ, гляжу, отъ дверей по всей залѣ почти какъ скороходъ, а шпагу съ ножнами въ рукѣ держитъ, и какъ бросится къ Николаю Ивановичу. Николай Ивановичъ его крѣпко, крѣпко обнялъ и оба прослезились. Ну а я, дуракъ, какъ вижу что двое плачутъ, самъ плакать принялся. Ну слава Богу небесному и богу земному, человѣкъ спасенъ изъ петли, да важно то что крѣпко теперь себѣ ума-разума нажилъ: на всю жизнь сторожиться будетъ.

---

* На армейскихъ луговицахъ было прежде изображеніе гранаты, которое наши солдатики принимали за изображеніе метлы.

— Сколько сегодня у насъ любопытнаго разказывается, воскликнулъ Воейковъ и вмѣнилъ себѣ въ обязанность вслѣдъ за этимъ разказать его превосходительству Ивану Никитичу о происшествіи съ портретомъ Булгарина продаваемымъ за портретъ Видока.

— Слышалъ и я сегодня что-то объ этомъ, сказалъ смѣясь Скобелевъ, — давича у меня за обѣдомъ кто-то изъ молодежи это разказывалъ, и мой Пименъ Николаевичъ Араловъ, вышереченный мой роденька, утвердительно говорилъ что и онъ для Москвы купилъ чуть ли не десятокъ экземпляровъ. Увидѣлъ что у этого шпіона, фискала или сыщика французскаго образина-то вылитый нашъ Ѳаддей Венедиктовичъ. Только Пименъ Николаевичъ ничего не залодозрѣвалъ чтобъ это былъ портретъ автора *Выжигина*, а все напиралъ на разительное сходство между этими двумя знаменитыми господами. Завтра же сообщу эту куріозную новость Николаю Алексѣевичу Полевому: пусть порадуется!

Интимные отзывы генерала о Полевомъ очевидно были не по сердцу какъ Воейкову, такъ нѣкоторымъ изъ его гостей, и они замѣтно морщились; но никакихъ однако рѣзкостей, благодаря заступничеству Ивана Никитича, заявляемо не было, только бесѣда какъ-то не клеилась. Вдругъ Иванъ Никитичъ обратился лично ко мнѣ съ вопросомъ:

— А что, дружокъ милый, не видать тебя было вчера вечеромъ у Николая Ивановича? Я было подумалъ что ты захворалъ, и хотѣлъ, коли бы не повстрѣчалъ здѣсь, послать къ тебѣ на квартиру тебя провѣдать. Вѣдь ты, кажись, жительствуешь нынче въ Фурштадтской улицѣ, въ домѣ почтеннаго старика Семена Агафоновича Бижеича, который до Максима Максимовича Брискорна былъ директоромъ канцеляріи военнаго министра?

Я объяснилъ что ежели не былъ вчера у Н. И. Греча, то потому что случилось быть на танцовальномъ вечерѣ на Васильевскомъ острову.

— У кого же, ежели это не секретъ? спросилъ генералъ.

— У одной госпожи Р—вой, отвѣчалъ я.

— А, засмѣялся Иванъ Никитичъ, — у той Р—вой у которой молодежь пляшетъ до трехъ часовъ утра и разъѣзжается не получивъ даже калерстка бульйона, ужъ не говоря о заправскомъ ужинѣ.

—Именно такъ, Иванъ Никитичъ, отвѣчалъ я,—и въ третьемъ

часу по полуночи, страшно проголодавшійся, я былъ очень доволенъ что гостепріимный Доминикъ, хотя и залерся уже, а все-таки отперъ намъ маленько дверь и далъ возможность утолить довольно сносно голодъ.

— Ну теперь, другъ любезный, говорилъ съ обычными своими ухватками и конвульсическими подергиваніями Скобелевъ,—когда мы договорились до вчерашняго или сегодняшняго вашего ужина, я буду продолжать разсказъ о томъ что тамъ у Доминика происходило. Къ сожалѣнію, это сегодня извѣстно у оберъ-полицеймейстера; мнѣ объ этомъ давича сказывалъ Николай Ивановичъ.

Воейковъ и прочіе навострили уши; а Скобелевъ, нѣсколько не ласково взглянувъ на меня и перенеся глаза на всю компанію, столпившуюся около насъ, возгласилъ:

— Изволите видѣть: этотъ юноша съ какимъ-то усатымъ Французомъ, котораго встрѣтилъ у Р—вой, поѣхалъ вмѣстѣ съ этимъ Французомъ въ его двухмѣстной каретѣ искать ужина, и они пріѣхали къ Доминику. Все это прекрасно. Тебѣ, братъ Владиміръ, мой солдатскій разсказъ смѣшонъ; а дѣло-то могло бы быть и не смѣшно, ежели бы благороднѣйшій и добрѣйшій Сергѣй Александровичъ Кокошкинъ не былъ такъ снисходителенъ къ литераторамъ и художникамъ. Онъ велѣлъ все это замять; а больше всего потому что тутъ принимала участіе „рука Всевышняго“.

— Вы хотите сказать, замѣтилъ я, — что тутъ принималъ участіе авторъ драмы *Рука Всевышняго Отечество спасла*, что совершенно справедливо.

— Какъ, Несторъ Васильевичъ Кукольникъ? возгласилъ Воейковъ.

— Ну да, Кукольникъ, продолжалъ Скобелевъ,—Кукольникъ, о которомъ стали всѣ такъ говорить съ тѣхъ поръ что государь призывалъ его къ себѣ въ ложу и благодарилъ за его патріотическую піесу. А жаль что этотъ господинъ разными дебоширствами занимается, да еще вмѣстѣ съ какими-то живописцами въ разгульной компаніи, причемъ и тебя юношу, вѣроятно никогда не упивавшагося, такъ накачали что вы вздумали, — извѣстное дѣло льяному морю по колѣно, — какого-то славшаго тамъ у Доминика на диванѣ Нѣмца, или Жида что ли, такъ избить что онъ едва улепетнулъ бѣдный и весь избитый жаловался сегодня рано утромъ оберъ-полицеймейстеру. Да еще чѣмъ драться-то четверо или пятеро съ однимъ они

вздумали, пострѣлы треклятые, чѣмъ бы вы думали? Французскими булками, которыми, вмѣсто камней, они мнили повторить Лазарево избіеніе. Ха! ха! ха! Надобно же для этого быть ужь чортъ знаетъ какъ пьянымъ, чтобы даръ Божій, хлѣбъ насущный, употреблять вмѣсто камней. Да ужь видно у Доминика-то и хлѣбъ по почамъ на манеръ каменнаго, жестокъ такъ что можетъ за камень служить. Мнѣ говорилъ Николай Ивановичъ что Нѣмецъ весь въ синякахъ. Однако Доминика было подвергла полиція штрафу за слишкомъ позднее приниманіе гостей въ неурочные часы; да вступился за Доминика знаменитый живописецъ Брюловъ, что̀ написалъ картину *Послѣдній день Помпеи*, которая во дворцѣ, и оберъ-полицеймейстеръ простилъ трактирщика.

— Вы кончили, генералъ? спросилъ я.

— Кончилъ, отвѣчалъ Скобелевъ холодно.

— Такъ позвольте же мнѣ, объяснялъ я, — разказать какъ вашему превосходительству, такъ Александру Ѳедоровичу и всему обществу, какъ дѣло было дѣйствительно, а не какъ Николай Ивановичъ Гречъ благоволитъ разказывать. Я непремѣнно желаю передать все по чистой истинѣ, чтобы мнѣ можно было уйти отсюда, не оставивъ въ комъ-либо изъ членовъ этого уважаемаго мною общества мнѣнія очень мнѣ не лестнаго, будто я могъ быть пьянъ до забвенія себя, тѣмъ болѣе что никто изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, въ опьяненномъ состояніи не былъ. Слова мои могутъ засвидѣтельствовать: Несторъ Васильевичъ Кукольникъ, Карлъ Павловичъ Брюловъ, Яковъ Ѳедосѣевичъ Яненко и Александръ Алексѣевичъ Валуевъ.

— Какой Валуевъ это? спросилъ Скобелевъ,—не служилъ ли онъ въ кампанію 1812 года въ Лубенскихъ гусарахъ?

— Это тотъ самый, замѣтилъ я,—который служилъ въ Лубенскихъ гусарахъ, вездѣ храбро дрался, а въ 1826 году вышелъ въ отставку для управленія своими большими имѣніями, оставшимися ему послѣ отца. Теперь онъ полковникъ въ отставкѣ, семьянинъ, владѣлецъ того громаднаго въ четыре этажа дома который у Кокушкина моста. А вы, Иванъ Никитичъ, приняли его за Француза, по разказамъ Николая Ивановича Греча, вѣроятно со словъ того прикидывавшагося спящимъ шпіона въ котораго Кукольникъ пустилъ булкой, пролетѣвшею мимо его.

— Такъ это, заговорилъ генералъ,—тотъ Александръ Але-

ксѣевичъ Валуевъ котораго я зналъ въ войну 1812 года поручикомъ Лубенскаго гусарскаго полка! Славный человѣкъ! Нелремѣнно постараюсь съ нимъ свидѣться. А ты, между тѣмъ, другъ любезный, разкажи намъ всю исторію объ избіеніи вчерашняго числа шпіона у Доминика.

— Дѣло было просто: когда съ А. А. Валуевымъ, человѣкомъ вдвое меня старшимъ, но необыкновенно милымъ и любезнымъ, заигравшимся у госпожи Р—вой въ карты, мы вошли къ Доминику въ три часа утра, тамъ застали мы Н. В. Кукольника, К. П. Брюлова и Я. Ѳ. Яненко, кончившихъ давно свой ужинъ и вовсе не ольяненныхъ, а бесѣдовавшихъ о живописи, причемъ Кукольникъ, какъ всегда, спорилъ съ Брюловымъ. Я съ ними поздоровался, какъ съ знакомыми болѣе или менѣе людьми, и принялся усердно за котлеты съ шамлиньйонами и за жареную сѣрую куропатку, предложенныя мнѣ г. Валуевымъ, который превосходно, какъ немногіе даже Французы, владѣетъ французскимъ языкомъ и любитъ преимущественно говорить по-французски. Бесѣда наша на французскомъ діалектѣ шла особо отъ бесѣды Кукольника съ Брюловымъ, такъ какъ мы говорили о предметахъ иныхъ, а именно, помнится, о театрѣ и о театральныхъ новостяхъ французской труппы. Александръ Алексѣевичъ велѣлъ подать шампанскаго и съ любезностью настоящаго джентльмена, какимъ онъ и былъ, просилъ моихъ знакомыхъ не отказать ему въ чести роспить съ нами бокалъ вина. Разумѣется отказа не послѣдовало, и Брюловъ, владѣвшій бойко французскою рѣчью, даже на парижскій ладъ, принимая А. А. Валуева за иностранца, повелъ съ нимъ легко бесѣду о театрѣ, искусствахъ, Италіи, Римѣ, Флоренціи, Парижѣ и пр. Разговоръ кипѣлъ и шампанское пѣнилось въ бокалахъ. Кукольнику очень полюбился нашъ амфитріонъ и онъ страшно мучилъ себя чтобы говорить по-французски съ Валуевымъ, продолжая принимать его за иностранца. Наконецъ я нашелъ нужнымъ познакомить этихъ трехъ господъ, и тогда Кукольникъ, всегда угловатый и грубоватый, вскипѣлъ гнѣвомъ на меня за то что я долго не снималъ маски иностранца съ русскаго человѣка, и потомъ напалъ на русскаго человѣка который такъ похожъ на иностранца; но этотъ мнимый иностранецъ скоро угомонилъ Нестора Васильевича, принявшись хвалить изо всей силы его драму и предложивъ попробовать розовый кремань, ради чего и добрѣйшій Яненко былъ разбуженъ для принятія участія въ важ-

номъ дѣлѣ испытанія этого ароматнаго, тогда моднаго, а нынче вовсе, кажется, неизвѣстнаго вина. Проснувшійся Яненко, протирая глаза, замѣтилъ намъ что на диванѣ въ углубленіи комнаты еще кто-то спитъ и спитъ очень давно, то-есть спалъ и тогда когда Кукольникъ, Брюловъ и онъ, Яненко, вошли сюда въ двѣнадцатомъ часу ночи, послѣ разъѣзда изъ Александринскаго театра. Въ эту же пору было уже около пяти часовъ утра. Такой сонъ показался всѣмъ намъ подозрительнымъ, почему Кукольникъ нашелъ справедливымъ попавшійся ему подъ руку трехколѣчный французскій хлѣбъ устремить въ сторону этого сони. Хлѣбъ, не долетѣвъ до цѣли, упалъ около этого субъекта, нашедшаго нужнымъ тотчасъ встать и уйти въ буфетъ. Вскорѣ мы услышали какъ довольно шумно отворена и затворена была наружная дверь, а въ комнату гдѣ мы находились вошелъ прикащикъ кафе, объяснившій намъ что уже шестой часъ утра, и что разбуженный нами персонажъ объявилъ ему что онъ будетъ жаловаться на бывшее у него позднее общество, ежели хозяинъ не купитъ его молчанія. Прикащикъ, поняв что имѣетъ дѣло съ мелкимъ полицейскимъ агентомъ-сыщикомъ, далъ ему полтинникъ, которымъ индивидуумъ однако остался недоволенъ, разчитывая на большее возмездіе, и съ тѣмъ ушелъ. Мы посмѣялись, разсчитались съ прикащикомъ и оставили гостепріимный кровъ Доминика, разъѣхавшись каждый къ своимъ пенатамъ, причемъ Кукольникъ и Брюловъ взяли карточки г. Валуева, снабдивъ его своими, и, разставаясь, обѣщали непремѣнно продолжать знакомство. Только Кукольникъ все-таки дружески поленялъ Александру Алексѣевичу за то что онъ, русскій драматургъ, часъ цѣлый мучался, чтобы говорить очень скверно на ненавидимомъ имъ французскомъ діалектѣ.

Это все было мною разказано уже за Воейковскимъ скромнымъ ужиномъ, послѣ котораго Иванъ Никитичъ завезъ меня ко мнѣ домой въ своей каретѣ, совершенно примиренный и ворча что Гречъ любитъ видно подчасъ смастерить бабью сплетню. И при этомъ сказалъ мнѣ:

— Эхъ, братъ, Володя, плохо! На старости лѣтъ попался я въ ваши журнальный водоворотъ какъ куръ во щи.

XII.

Въ одну изъ пятницъ, пришелъ я къ Воейкову, въ то время когда собраніе обычныхъ посѣтителей было почти въ комплектѣ, и я засталъ Воейкова въ какомъ-то особенно хорошемъ расположеніи духа, съ видомъ какъ бы торжествующимъ и знаменательнымъ. Одновременно почти со мною вошло еще нѣсколько гостей. Когда всѣ мы поздоровались съ хозяиномъ, онъ вынулъ, изъ постоянно лежавшаго предъ нимъ портфеля, завернутое въ особенный полулистъ бѣлой бумаги, какое-то письмо и сказалъ, обращаясь ко мнѣ и къ двумъ-тремъ новопришедшимъ:

— Сегодня утромъ у меня былъ очень молодой человѣкъ, нѣкто Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій, кончившій курсъ въ Безбородкинскомъ лицеѣ въ Нѣжинѣ, почти одновременно съ Н. В. Кукольникомъ. Онъ живетъ въ Петербургѣ уже нѣсколько годовъ и состоитъ на службѣ въ департаментѣ удѣловъ. Въ *Литературной Газетѣ* была съ подписью его имени статья въ прозѣ: *Женщины*, вещь замѣчательная! * Кромѣ этого онъ писалъ и печаталъ стихи, даже какую-то поэму, да только этотъ родъ литературныхъ занятій не былъ ему удаченъ и благодаренъ. Онъ теперь сталъ испытывать себя, по совѣту друга и благодѣтеля моего В. А. Жуковскаго и боготворимаго мною поэта А. С. Пушкина, въ сочиненіяхъ вальтерскоттовскаго закала, описывая въ очеркахъ, повѣстяхъ и разказахъ знакомый ему малороссійскій бытъ и, такимъ образомъ, создалась вотъ эта книга господина Гоголя: *Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки, сочиненія пасѣчника Панъки Рудаго.* Сегодня авторъ принесъ мнѣ эту книгу свою, съ письмомъ отъ Александра Сергѣевича Пушкина. Пожалуста кто-нибудь потрудитесь прочесть это письмо вслухъ: у меня эти дни глаза что-то не совсѣмъ въ порядкѣ.

При всемъ томъ что Воейковъ старался дипломатничать и разыгрывать предъ всѣми нами роль человѣка совершенно

* Доказательство безвкусія А. Ѳ. Воейкова, потому что статья эта была до крайности ученическая, хотя и нравилась, повидимому, самому юному автору, подписавшему подъ нею свое имя въ первый разъ, тогда какъ подъ неудавшимися ему стихотвореніями онъ имени не выставлялъ.

равнодушнаго ко вниманію оказанному ему такою славною и громадною знаменитостью, каковъ былъ тогда Пушкинъ, — не нужно было быть слишкомъ проницательнымъ чтобы не видѣть ясно какъ письмо это не только радовало, но восхищало мелочнаго Воейкова, сильно придерживавшагося русской нашей страстишки преклоняться во прахъ предъ всякимъ свѣтиломъ, ежели это свѣтило или богато, или чиновно, или знатно, или находится подъ могучею протекціей высшей власти.

Письмо Пушкина прочелъ Якубовичъ, читавшій очень отчетисто и пріятно. Вотъ это письмо:

„Сейчасъ прочелъ *Вечера близъ Диканьки*. Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія! Какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей нынѣшней литературѣ что я доселѣ не образумился. Мнѣ сказывали что когда сочинитель вошелъ въ типографію гдѣ печатались *Вечера*, то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукой. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу. Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно, были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно веселою книгой, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ. Ради Бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на *неприличіе* его выраженій, на *дурной тонъ* и пр. Пора, пора намъ осмѣять Les Précieuses ridicules нашей словесности, людей толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ и, все это слогомъ профессора Тредьяковскаго.“

Прочитавъ это письмо, Якубовичъ объявилъ что не нужно для этой книги иной рецензіи какъ напечатаніе этого письма, потому что, прибавилъ онъ, когда кто такъ счастливо начинаетъ свою литературную карьеру, подъ покровительствомъ такихъ крестныхъ папенекъ, каковы: В. А. Жуковскій, А. С. Пушкинъ и П. А. Плещеевъ—зачѣмъ хлопотать о мнѣніи журналовъ? *

— Ежели бы вскорѣ, какъ это и возможно, вставилъ свое мнѣніе, почти всегда нѣмой, Аладьинъ,—потребовалось второе

* Этотъ самый г. Якубовичъ въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду* напечаталъ за своею полною подписью рецензію о книгѣ Гоголя, введя въ свою статью, крайне короткую и далеко не пламенную,—письмо Пушкина къ Воейкову цѣликомъ отъ слова до слова.

изданіе этой книги, то я принялъ бы его на свой счетъ и еще заплатилъ бы щедро автору, въ случаѣ когда бы авторъ дозволилъ, съ разрѣшенія Александра Сергѣевича и Александра Ѳедоровича, тиснуть въ объявленіяхъ объ этой книгѣ письмо сейчасъ намъ прочтенное.

Это заявленіе Аладьина заставило невольно многихъ улыбнуться; а Александръ Ѳедоровичъ даже не утерпѣлъ и сказалъ, съ своимъ волчьимъ смѣхомъ:

— Извѣстно дѣло, вы Штиглицъ!

Карлгофъ, куря манильскую сигару, склонился на столъ и перелистывалъ книгу Гоголя.

— Однако, сказалъ онъ,—вотъ тутъ знакомая повѣсть, которую я читалъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* П. П. Свиньина: *Бисаврюкъ или Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы*.

— Обратите вниманіе, Вильгельмъ Ивановичъ, замѣтилъ баронъ Розенъ, — на примѣчаніе сдѣланное къ этой повѣсти ея авторомъ. Оказалось что почтеннѣйшій Павелъ Петровичъ Свиньинъ, не понявъ всѣхъ наивныхъ прелестей малороссійскаго неподдѣльнаго юмора, позволилъ себѣ сдѣлать въ этой повѣсти разнаго рода передѣлки какого-то канцелярскаго цвѣта. Авторъ, по поводу этихъ непрошеныхъ имъ передѣлокъ, заставляетъ двухъ лицъ вести между собою разговоръ, въ которомъ одно, цирый хохолъ, выражается очень мило по-хохлацки. Намъ съ вами малороссійскій языкъ не чуждъ, Вильгельмъ Ивановичъ, благодаря нашимъ стоянкамъ на Украйнѣ, такъ потрудитесь прочесть это примѣчаніе и эту фразу, на которую я ссылаюсь и въ которой выражена жалоба автора на самовольство петербургскаго журналиста, не умѣвшаго раскусить прелести малороссійскаго жарта.

Карлгофъ, найдя указанное мѣсто, прочелъ слова дѣйствующаго въ разговорѣ лица, Ѳомы Григорьевича: „Що то вже якъ у кого чортма клёпки въ голови!“ вслѣдствіе чего онъ и Розенъ засмѣялись, а имъ вторилъ Якубовичъ. Не знающіе же малороссійскаго нарѣчія также поняли въ чемъ суть и смѣялись.

Затѣмъ баронъ Розенъ объяснилъ что въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* была Гоголева же повѣсть *Гетьманщина*, подъ которою вмѣсто подписи поставлено было четыре буквы О рядомъ (ОООО), потому что въ имени и фамиліи „Николай Гоголь-Яновскій“ буква эта четыре раза повторяется. Независимо отъ этого въ *Литературной Газетѣ* была статья: *Учитель*, за подписью „Глечикъ“. Обѣ эти статьи, принятыя Полевымъ за

статьи принадлежащія ненавистному ему Оресту Сомову, писавшему свои изъ малороссійскаго быта повѣсти подъ псевдонимомъ „Порфирія Байскаго“, въ *Телеграфѣ* были разбранены жестоко.

— Не худо бы, Вильгельмъ Ивановичъ, завопилъ Воейковъ, обращаясь къ Карлгофу,—еслибы вы черкнули цыдулочку вашему любезному Николаю Алексѣевичу, попросивъ его принять къ свѣдѣнію что между Рудымъ Панькой и Сомовымъ нѣтъ ничего общаго, да и прибавить бы не мѣшало какое участіе въ этой книгѣ и ея авторѣ принимаютъ В. А. Жуковскій и А. С. Пушкинъ.

— Я такъ увѣренъ, сказалъ съ напыщенною торжественностью Карлгофъ,—въ справедливости и безпристрастіи Николая Алексѣевича Полеваго что не могу допустить мысли чтобъ онъ бѣлое, ежели только оно вполнѣ бѣло, назвалъ чернымъ, увлекаясь чувствомъ личнаго нерасположенія къ автору. Что же касается до указанія на почтенные авторитеты, то я знаю что этого рода указаній Николай Алексѣевичъ терпѣть не можетъ и они способны ужасно огорчить его.*

Во время этихъ разговоровъ о Гоголѣ и его книгѣ, явился тихонько самъ Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій.

Какъ только онъ вошелъ въ комнату, Воейковъ приподнялся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу новому гостю, пожалъ ему дружески руку, сказавъ громко:

— А! Николай Васильевичъ, милости просимъ. Сегодня всѣ мои гости другаго занятія не имѣютъ какъ разсматриваніе вашей книги, и другаго разговора, какъ объ этой книгѣ.

— О моемъ-то „поросѣ“, улыбаясь сказалъ Гоголь, усаживаясь и здороваясь съ барономъ Розеномъ и съ В. Н. Щастнымъ, которыхъ только и зналъ изъ всего общества.

---

* Надежды г. Карлгофа не сбылись: Н. А. Полевой просто *обругалъ* книгу *Вечера на Хуторѣ*, единственно потому именно что принималъ ее за сочиненіе Сомова. Объ этомъ въ послѣдствіи, во время пребыванія его въ Петербургѣ, мнѣ случилось слышать разказъ его самого на вечерѣ который давалъ И. П. Песоцкій нашему военному исторіографу генералу Михайловскому-Данилевскому. Этого рода грубая ошибка не дѣлала чести не только правиламъ Полеваго какъ журналиста, но и его критическому вкусу, введшему его въ такой промахъ.

— Какъ „поросѣ“? вопрошалъ удивленно, поднимая очки на лобъ, Воейковъ, котораго это названіе такъ озадачило что онъ не зналъ что̀ и сказать и въ раздумьи сталъ вытирать стекла снятыхъ имъ очковъ.

— Это такъ взбрехнулось мнѣ, объяснялъ Гоголь,—назвать мои *Вечера на Хуторѣ* поросенкомъ, хотя къ этому была кое-какая причина. Дѣло въ томъ что у меня какъ-то оказался довольно большой баулъ изъ лапки. А на крышкѣ этого баула съ наружной стороны была гравированная раскрашенная картинка, изображавшая блуднаго сына, пасущаго свиней, изъ которыхъ одна отдѣлилась отъ стада и видна была на первомъ планѣ, ближе и яснѣе чѣмъ даже видѣнъ былъ самъ-то блудный сынъ, сидѣвшій гдѣ-то вдали подъ деревомъ. Находящійся у меня въ услуженіи, взятый изъ дома, служитель прозвалъ баулъ этотъ „порося“, я же нашелъ удобнымъ складывать въ этотъ баулъ всѣ матеріалы назначенные для *Вечеровъ на Хуторѣ*, и вотъ причина даннаго мною всей книгѣ забавнаго прозвища.

Воейковъ, получивъ отъ автора поутру этого дня, съ знаменитымъ письмомъ Пушкина, экземпляръ книги *Гоголя*, очевидно думалъ что еще нигдѣ кромѣ ближайшихъ къ издателю-сочинителю лицъ и его, какъ будущаго Мецената, никто не читалъ еще *Вечеровъ на Хуторѣ близъ Диканьки*, между тѣмъ какъ по одному экземпляру этой книги было роздано почти всѣмъ книгопродавцамъ, изъ числа которыхъ больше другихъ зналъ тогда я добраго Михаила Ивановича Заикина (въ домѣ Балабина въ Большой Садовой, гдѣ нынѣче, кажется, лавка царскосельскихъ обоевъ), печатавшаго мои труды-первенцы, издававшіеся подъ разными псевдонимами и имѣвшіе назначеніемъ чтеніе для дѣтей, преимущественно. И вотъ, этотъ-то книгопродавецъ бывало обязательно снабжалъ меня, для прочтенія, такими новыми книгами, получаемыми имъ на коммиссію или пріобрѣтаемыми, въ случаѣ ихъ успѣха въ публикѣ. Такимъ образомъ, я, до прихода къ Воейкову, прочелъ *Вечера на Хуторѣ*, и, признаюсь, когда услышалъ мнѣніе объ нихъ нашего безсмертнаго поэта, Пушкина, то искренно порадовался тому что мое о нихъ мнѣніе вполнѣ совпадало съ мнѣніемъ такого знаменитаго человѣка какъ Пушкинъ, встрѣченнаго мною въ послѣдствіи на четверговомъ вечерѣ у Н. И. Греча, который и представилъ меня, вмѣстѣ съ другими своими гостями, этому столь

любимому тогда всею Россіей поэту. * Помню что чтеніе *Вечеровъ на Хуторѣ* доставило мнѣ одно изъ сладостнѣйшихъ удовольствій, какое когда-либо я ощущалъ при чтеніи книги, ежели не считать то упоеніе съ какимъ прочитанъ былъ, какъ теперь помню, нѣсколько лѣтъ спустя, первый томъ *Мертвыхъ Душъ* того же самого автора. Вслѣдствіе этого было совершенно естественно то вниманіе съ какимъ я въ вечеръ встрѣчи Гоголя у Воейкова всматривался въ этого, тогда еще только что начинавшаго, сдѣлавшагося знаменитымъ въ послѣдствіи, писателя, избравшаго для своихъ сочиненій именно тотъ нравоописательный жанръ, который всегда мнѣ такъ нравился. Тогдашнее моё всматриваніе въ личность юнаго Гоголя оставило слѣды въ моей памяти, достаточно глубокіе для того чтобы я могъ теперь, по истеченіи такого большаго промежутка времени, передать здѣсь портретъ его именно такой какой я видѣлъ. При этомъ я не могу не замѣтить что сколько я ни встрѣчалъ портретовъ Гоголя, на которыхъ онъ изображенъ въ дни его юности, всѣ эти портреты, передавая довольно вѣрно черты подлинника, какъ-то не соотвѣтствуютъ тому какимъ въ ту пору я видѣлъ Гоголя. Не излишнимъ считаю замѣтить что я только разъ въ моей жизни видѣлъ Николая Васильевича Гоголя-Яновскаго, именно въ описываемомъ случаѣ.

Тогда я нашелъ что онъ былъ роста меньше средняго и

---

* Встрѣча эта описана мною въ статьѣ моей *Четверги у Н. И. Греча*. При этой встрѣчѣ А. С. Пушкинъ, какъ сказано въ означенной статьѣ, находя меня тогда необыкновенно молодымъ для тѣхъ статей о русскихъ дѣятеляхъ по торговлѣ и промысламъ которыя я писалъ въ *Сѣверной Пчелѣ*, изъявилъ свое удивленіе, сказавъ: „Неужели этотъ мальчикъ самъ написалъ эту бойкую анекдотическую біографію знаменитаго табачнаго фабриканта Жукова которая недавно напечатана была въ вашей газетѣ?“ Во всемъ этомъ, по правдѣ, нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго и удивительнаго; но рецензентъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* нашелъ нужнымъ, по поводу этого обстоятельства, глумиться, выражая сомнѣніе чтобы Пушкинъ могъ это говорить. Это заставляетъ меня предполагать что авторъ означенной статьи, такъ рѣшительно возбуждающій сомнѣніе въ правотѣ какъ человѣка, кажется, совершенно ему незнакомаго, самъ способенъ, разказывая что-нибудь о себѣ, выдумывать и удаляться отъ истины.

довольно худощавъ, подвиженъ, живъ, но слегка сутуловатъ, или скорѣе у него были кругловатыя, нѣсколько поднятыя плечи. Гоголь имѣлъ свѣтлые глаза, узкій продолговатый носъ, дававшій всей его физіономіи что-то, словно, птичье. Добродушная но не безъ задней мысли улыбка, столь присущая физіономіямъ природныхъ Малороссіянъ изъ всѣхъ сословій, не сходила съ его нѣсколько съуженныхъ губъ. Сколько разъ ни случалось мнѣ читать описаніе фигуры Гоголя, я встрѣчалъ что у него волосы были болѣе свѣтлаго, чѣмъ темнорусаго колера, о чемъ я ничего положительно сказать не могу, потому что когда я его видѣлъ, голова его покрыта была парикомъ, повидимому, не изъ его волосъ сдѣланнымъ и далеко не искуснымъ парикмахеромъ. Паричокъ этотъ имѣлъ видъ какой-то скуфейки, и я замѣтилъ что, Богъ вѣдаетъ для чего, былъ подложенъ хлопчатою бумагой, которая очень не эстетически и очень не граціозно мѣстами выглядывала изъ-подъ волосъ. Я не зналъ причины почему такой молодой человѣкъ какъ Гоголь носилъ парикъ и относилъ это къ тому что, вѣроятно, онъ перенесъ горячку, причемъ обыкновенно волосы выпадаютъ, а остальные бываютъ выбриваемы, чтобы лучше росли новые. Такого мнѣнія я былъ до тѣхъ поръ пока въ послѣдствіи, уже послѣ смерти Гоголя, кажется, въ 1853 году, въ *Современникѣ* прочелъ я прелюбопытную и чрезвычайно важную для біографіи Гоголя статью М. Н. Лонгинова, знавшаго знаменитаго нашего писателя преимущественно въ ту самую пору, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда я его встрѣтилъ на пятничномъ вечерѣ А. Ѳ. Воейкова. Въ статьѣ г. Лонгинова сказано что Гоголь соорудилъ себѣ парикъ по тому случаю что онъ велѣлъ до-гола выбрить себѣ волосы съ цѣлью усиленія ихъ густоты, которая, странное дѣло, интересовала его, на какой конецъ не было той растительной помады и того медвѣжьяго жира какіе не были бы имъ испробованы. Туалетъ Гоголя, когда я его видѣлъ, состоялъ изъ какихъ-то гороховаго цвѣта брюкъ, темнокоричневаго съ искрой фрака и лиловаго съ цвѣточками жилета. Все это было съ иголочки; но не отличалось искусствомъ портнаго, который, повидимому, не былъ ученикомъ ни Буту, ни Оливье, тогдашнихъ портняжныхъ знаменитостей. Галстукъ у него былъ черный атласный съ пряжкой, какъ тогда почти всѣ носили; но надѣтый не совсѣмъ ловко, почему бѣленькія тесем-

ки отъ манишки выбивались сзади и падали на бархатный воротникъ фрака.

Гоголь бесѣдовалъ съ хозяиномъ и съ барономъ Розеномъ преимущественно; но, познакомясь съ будущимъ своимъ рецензентомъ Якубовичемъ и съ легко знакомящимся Платономъ Волковымъ, онъ и съ ними разговаривалъ. Но весь этотъ разговоръ и вся эта бесѣда вертѣлись почти исключительно на одномъ переливаніи изъ пустаго въ порожнее о томъ что Гоголь признателенъ Пушкину, Жуковскому и Плетневу, что послѣдній придумалъ названіе книги и совѣтовалъ сохранять наистрожайшую анонимность, что онъ (Гоголь) считаетъ себя счастливымъ имѣя знакомство съ семействомъ статсъ-секретаря Лонгинова, съ сыновьями котораго онъ репетируетъ разныя науки и русскую словесность въ особенности. Онъ разспрашивалъ о сношеніяхъ съ книгопродавцами, причемъ Воейковъ брался въ особенности свести его съ Иваномъ Тимоѳеевичемъ Лисенковымъ; котораго назвалъ „другомъ и благодѣтелемъ“ своимъ. При этомъ Воейковъ разказалъ во всеуслышаніе черту честности г. Лисенкова. Дѣло въ томъ что Воейковъ позаимствовалъ отъ Лисенкова однажды сумму во сто полуимперіаловъ, равнявшуюся въ ту пору съ небольшимъ 500 р., а между тѣмъ по разсѣянности, ему свойственной и происходившей у него большею частью отъ жестокихъ мигренныхъ болей, онъ вмѣсто слова *полу*-имперіаловъ, написалъ въ заемномъ листѣ слово *имперіаловъ*, которое такъ и въ книгу маклерскую было занесено. Но Лисенковъ первый замѣтилъ эту ошибку Воейкова, которая могла заставить послѣдняго заплатить ему вдвое противъ заимствованной отъ него суммы, спѣшитъ къ Воейкову, указываетъ ему на его промахъ или описку и проситъ сколь можно скорѣе все это исправить. Воейковъ очень былъ ему за такое безкорыстіе благодаренъ и хотѣлъ во всѣхъ газетахъ пропечатать свою признательность. На это Лисенковъ отозвался что публичная похвала такому его дѣйствію, столь натуральному, была бы ому непріятна и нѣкоторымъ образомъ была бы упрекомъ цѣлому обществу, словно оно бѣдно людьми исполняющими свои обязанности; да и къ тому же онъ терпѣть не можетъ оглашенія своихъ дѣйствій какъ частнаго человѣка, а не какъ книгопродавца и купца. Теперь, когда послѣ этого Воейковскаго разказа прошло 40 лѣтъ, кажется что нѣтъ никакого неприличія или неудобства повторить въ

ретроспективной статьѣ то что въ моемъ присутствіи было разказано А. Ѳ. Воейковымъ при весьма многихъ свидѣтеляхъ, изъ числа которыхъ не всѣ же перемерли, найдется нѣсколько человѣкъ и въ живыхъ и здравствующихъ.

— Вы, Николай Васильевичъ, спрашивалъ Воейковъ, — то письмо отъ А. С. Пушкина которое мнѣ доставили сегодня лично, вѣроятно изъ Царскаго отъ него получили? Вы потрудитесь сообщить мнѣ его адресъ, чтобъ я могъ ему отвѣчать въ Царское. А то хоть онъ и большая поэтическая въ Россіи знаменитость; но напиши къ нему даже въ Царское, какъ кто-то во времена оны писалъ къ Вольтеру изъ Америки, не зная его адреса: „A Monsieur Voltaire, en Europe“, письмо едва ли дошло бы аккуратно. Нѣтъ, намъ съ Франціей, да еще съ Франціей того времени, то-есть 1775 года, не сравняться пока.

— Вотъ адресъ Александра Сергѣевича, говорилъ Гоголь, вынувъ изъ кармана карточку Пушкина съ его царскосельскимъ адресомъ. — А вотъ кстати и письмо его, при которомъ онъ прислалъ то которое я вамъ сегодня утромъ принесъ.

— Если нѣтъ въ письмѣ этомъ секретовъ, воскликнувъ Воейковъ,—Бога ради прочтите!

— Извольте, сказалъ Гоголь, и прочелъ письмо слѣдующаго содержанія:

„Любезный Николай Васильевичъ! Очень благодарю за письмо и за доставленіе Плетневу моей посылки, особенно за письмо. Проектъ вашей ученой критики удивительно хорошъ. Но вы слишкомъ лѣнивы чтобы привести его въ дѣйствіе. Статья Косичкина еще не явилась. Не знаю что это значитъ: не убоялся ли Надеждинъ гнѣва Ѳаддея Венедиктовича?... Поздравляю васъ съ первымъ вашимъ торжествомъ — съ фырканьемъ наборщиковъ и объясненіемъ фактора. Съ нетерпѣніемъ ожидаю и другаго — толковъ журналистовъ и отзыва остренькаго сидѣльца (то-есть Полеваго, пояснилъ Гоголь). У насъ все благополучно: бунтовъ, наводненія и холеры нѣтъ. Жуковскій расписался. Я чую осень (письмо отъ 25го августа) и собираюсь засѣсть. Моя Наталья Николаевна благодаритъ васъ за воспоминаніе и сердечно кланяется. Обнимите отъ меня Плетнева и будьте здоровы въ Петербургѣ, что довольно, кажется, мудрено.“

Чтеніе этого письма Пушкина имѣло эффектъ въ гостиной Воейкова и эффектъ тѣмъ большій что Гоголь передалъ это интимное и лестное для всякаго, не только для такого новобранца въ литературѣ, какимъ былъ тогда онъ, съ милою простотой и скромностію, безъ всякихъ жеманствъ и безъ стара-

нія сколько-нибудь выказывать свою личность. Со всѣмъ тѣмъ онъ тотчасъ сдѣлался мишенью общаго вниманія и какъ бы центромъ около котораго словно сгруппировалась вся наша компанія этой пятницы. И расположеніе это къ Гоголю невольнымъ образомъ усилилось, когда онъ опять очень просто и очень наивно сказалъ, обратясь къ Воейкову:

— Однако давича вамъ, Александръ Ѳедоровичъ, угодно было, приглашая меня къ себѣ на вашъ пятничный вечеръ, сказать мнѣ чтобъ я принесъ съ собою что-нибудь изъ моихъ писаній, и я исполнилъ ваше требованіе и имѣю съ собою одну вещь, правда, не совсѣмъ еще конченную, которую я намѣренъ помѣстить въ мой, предполагаемый мною къ изданію, сборникъ *Арабески*. Статья которую я теперь имѣю при себѣ называется *Шинель* и есть очеркъ съ натуры чиновничьяго быта. Петръ Александровичъ Плетневъ, которому я ее читалъ, остался ею доволенъ. Но онъ ко мнѣ ужь очень снисходителенъ, да къ тому же онъ мало знакомъ съ настоящею сутью нашего чиновничества, которое представляетъ собою совершенно своеобразный мірокъ, почти исключительно свойственный Петербургу. Я желаю прочесть эту повѣстушку мою въ обществѣ людей каковы, какъ я слышалъ и знаю, ваши гости, изъ которыхъ многіе могутъ сообщить мнѣ свои замѣчанія; а я всегда радъ-радехонекъ принимать къ свѣдѣнію и къ исполненію (вы видите какъ уже я очиновнился) замѣчанія практическія и основанныя на знаніи дѣла.

Предложеніе было принято съ особеннымъ удовольствіемъ какъ хозяиномъ, такъ гостями, образовавшими тотчасъ кружокъ около автора-чтеца; а Воейковъ, призвавъ своего стараго служителя, приказалъ строго-на-строго теперь, пока будетъ идти чтеніе, кто бы изъ гостей ни пожаловалъ, просить входить какъ можно тише, чтобы не помѣшать чтенію.

Гоголь читалъ свою превосходную *Шинель*, произведеніе поистинѣ высоко замѣчательное и въ особенности прекрасное по глубинѣ своихъ мыслей и по вѣрной анатоміи человѣческаго сердца, очевидно, съ симпатіей и особенною любовью, и читалъ мастерски, увлекши вниманіе всѣхъ слушателей, которые притаивали даже дыханіе, стараясь не пропустить ни одного слова, ни одной идеи, ни малѣйшей подробности. Вообще піеса эта произвела на всѣхъ то впечатлѣніе которое въ послѣдствіи она произвела въ печати на всю публику, разумѣется, публику

сколько-нибудь развитую и умѣющую сочувственно относиться ко всему хорошему, ко всему изящному, художественному.

Такимъ образомъ я могу сказать что мнѣ выпало на долю высокое удовольствіе узнать это замѣчательное произведеніе прежде большей части читающей публики и узнать при такой обстановкѣ, изъ устъ самого автора, читавшаго свое твореніе съ отличнымъ умѣньемъ.

Когда Гоголь кончилъ, то всѣ спѣшили, и знакомые и незнакомые, передавать ему свои чувства признательности, вполнѣ чистосердечной, за доставленное чтеніемъ этимъ высокое удовольствіе. Гоголь, повидимому, еще не знакомый съ этими успѣхами, былъ тронутъ и смущенъ; но онъ легко сблизился со многими, и за ужиномъ уже очень дружески бесѣдовалъ.

Воспоминая о встрѣчахъ съ людьми особенно замѣчательными, историческими, не слѣдуетъ пренебрегать никакими подробностями и упускать ихъ изъ вида. Вотъ поэтому я не могу окончить разказа моего о появленіи Гоголя, при началѣ его литературной карьеры, въ гостиной Воейкова, не упомянувъ о томъ что за ужиномъ какъ-то, ни съ того, ни съ сего, заговорили о строгости дисциплины въ войскахъ, причемъ г. Сіяновъ увѣрялъ что никогда дисциплина не была такъ строга какъ при императорѣ Александрѣ Павловичѣ, между тѣмъ какъ В. И. Карлгофъ доказывалъ и, кажется, довольно основательно, что дисциплина настоящаго времени строже прежней, и уже по тому самому это очевидно что нынѣче не имѣли бы смысла тѣ эпиграмматическіе стишки какіе тогда сложены были, такъ какъ нынѣче въ столицѣ офицеръ въ фуражкѣ или писарь на дрожкахъ явленія невозможныя. Это подстрекнуло любопытство Гоголя, и онъ сталъ приставать къ военнымъ чтобъ они сказали эту эпиграмму всю какъ она есть, потому что онъ собираетъ всѣ этого рода эпиграммы, которыя иногда даютъ ему счастливыя идеи для его наблюдательныхъ очерковъ. Господа Сіяновъ и Карлгофъ отказывались отъ прочтенія этой, впрочемъ, столь извѣстной эпиграммы, отзываясь тѣмъ что будто забыли ея стихи, и тогда Якубовичъ, которому нечего было бояться гауптвахты, какъ не-военному, тотчасъ прочелъ Гоголю:

Когда въ столицѣ нѣтъ царя,
То безпорядкамъ нѣтъ и мѣры:
На дрожкахъ ѣздятъ писаря,
Въ фуражкахъ ходятъ офицеры!

— Стишки, восклицалъ Якубовичъ,—не первый сортъ, не отличные, правда, да ужь какіе есть, такіе есть! Чѣмъ богаты тѣмъ и рады!

— Спасибо, спасибо, говорилъ Гоголь,—я сейчасъ ихъ запишу.

И точно записалъ въ вынутую имъ изъ кармана записную книжку въ сафьянномъ переплетѣ, приговаривая:

— Это все мнѣ въ пользу служитъ. Помяните мое слово что эти писаря на дрожкахъ у меня гдѣ-нибудь съ ужаснымъ форсомъ пронесутся.

Я уже сказалъ что статья о *Вечерахъ на Хуторѣ* была напечатана въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ*, со включеніемъ въ нее всего письма Пушкина, текста котораго было больше чѣмъ, правда, хвалительной, но довольно холодно хвалительной рецензіи за подписью: А. Якубовичъ.

Однако это письмо Пушкина имѣло сильный эффектъ на книгопродавцевъ, и книга Гоголя все больше и больше шла въ гору, такъ что первое ея изданіе быстро разошлось, не взирая на то что Полевой, вообразивъ, какъ уже читатель знаетъ, что „Рудый Панько“—новый псевдонимъ Сомова, ругнулъ на чемъ свѣтъ стоитъ эту прелестную книгу, положившую основаніе славѣ Гоголя, котораго мы вскорѣ видимъ приглашеннымъ въ числѣ литераторовъ на знаменитый „Смирдинскій обѣдъ“ по случаю столь же знаменитаго Смирдинскаго *Новоселья*. Въ этомъ *Новосельи*, громаднѣйшемъ альманахѣ, альманахѣ-монстрѣ, напечатана была прекрасная статья Гоголя: *Повѣсть о томъ какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ*.

Въ 1832 году, Воейковъ, подъ псевдонимомъ Кораблинскаго, напечаталъ въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ*, по случаю выхода въ свѣтъ знаменитой въ исторіи нашего театра комедіи Гоголя *Ревизоръ*, слѣдующее:

„Въ № 98 *Сѣверной Пчелы*, почтеннѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ помѣстилъ *преблагонамѣренный* и *самый безпристрастный* критическій разборъ комедіи *Ревизоръ*, сочиненной Н. Гоголемъ-Яновскимъ. Этотъ разборъ напоминаетъ рецензіи г. Булгарина на *Юрія Милославскаго*, на послѣднюю главу *Онѣгина*, на сочиненія Шевырева. Надобно просить того кто будетъ писать современемъ біографію автора романовъ *Выжигина* и *Дмитрія Самозванца* чтобъ онъ не позабылъ уломянуть объ этихъ рецензіяхъ: онѣ покажутъ настоящую точку зрѣнія съ которой надобно смотрѣть на книжныя оцѣнки дѣлаемыя г. Булгаринымъ.“

Со всѣмъ тѣмъ, не знаю почему, но послѣ перваго своего посѣщенія Воейкова въ пятницу вечеромъ, Гоголь никогда уже у Воейкова не бывалъ по пятницамъ, а, сколько извѣстно мнѣ, являлся большею частію утромъ по воскресеньямъ и то очень, очень рѣдко.

Съ тѣхъ поръ какъ въ 1835 году началось изданіе *Энциклопедическаго Лексикона* Плюшара, за главную редакцію котораго въ первыя времена Н. И. Гречъ получалъ десятитысячный (ассигнаціями) гонорарій, въ гостиной Воейкова начали безпрестанно сообщаться, какъ добываемыя имъ самимъ, такъ его обычными нувеллистами, вѣсти о тѣхъ различныхъ фазахъ какимъ подвергалось это замѣчательное изданіе, къ сожалѣнію недоконченное, благодаря вмѣшательству г. Сенковскаго, участіемъ своимъ умѣвшаго убить это дѣло въ колыбели, до чего онъ достигъ отмѣнно успѣшно, разоривъ притомъ и самонадѣяннаго Француза Плюшара. Въ послѣдствіи всѣ неустойки Адольфа Плюшара приняль на свою голову и отвѣтственность необыкновенно смѣлый и страшно неразчетливый нашъ русскій Ладвока, какъ его тогда называли, книгопродавецъ Александръ Филипповичъ Смирдинъ, не выдержавшій однако гнета сокрушительныхъ финансовыхъ обстоятельствъ, до-нѣльзя запутанныхъ, и погибшій капитально и нравственно въ этомъ банкротскомъ водоворотѣ, который, наконецъ, убилъ и самую жизнь этого честнаго, благонамѣреннаго, но мало-разчетливаго русскаго дѣятеля.

Въ тридцатыхъ годахъ все то что происходило по изданію *Энциклопедическаго Лексикона* изумляло и интриговало всѣхъ, однихъ какъ участниковъ редакціи этого обширнаго предпріятія; другихъ какъ подписчиковъ, уплатившихъ деньги впередъ; третьихъ, какъ русскихъ людей, откровенно желавшихъ блестящаго успѣха и полнаго процвѣтанія этому важному дѣлу для развитія отечественнаго просвѣщенія. И всѣ одинаково скорбѣли о томъ что предпріятіе это сѣло на мель, и что когда не только на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, италіянскомъ и шведскомъ языкахъ есть хорошіе „энциклопедическіе объяснительные словари“, но даже ихъ имѣютъ такія второстепенныя національности какъ Испанцы, Португальцы, Венгры, Поляки, Чехи, Богемцы. Финляндцы и пр., Россія одна остается безъ полнаго такого словаря, почему въ послѣдствіи подобныя изданія, доведенныя до конца гг. Старчевскимъ и

Тодемъ, не могли не имѣть хорошаго успѣха въ книжной торговлѣ.

До появленія въ 1870 году въ *Русскомъ Архивѣ* загробной записки Н. И. Греча съ *Полною исторіей изданія Энциклопедическаго Лексикона Плюшара*, разоблачившей все это дѣло, зналось многое о фазахъ этого дѣла, счастливыхъ сначала, злополучныхъ въ послѣдствіи; но все это зналось отрывочно, безъ малѣйшей связи, par boutades, какъ говорятъ Французы. Изъ записки же Греча узнается все. И, правду сказать, хотя покойный Николай Ивановичъ въ запискѣ этой всячески старается представить себя чуть-чуть не святымъ, безпристрастный читатель невольнымъ образомъ усматриваетъ натяжку въ его себяоправданіяхъ, при спивкѣ которыхъ мѣстами не обрѣзаны бѣлыя нитки. По моему убѣжденію, сообщитель записки этой въ печать оказалъ чуть ли не медвѣжью услугу покойному ея автору, который, я почти увѣренъ, будь живъ теперь, не допустилъ бы опубликованія этого не совсѣмъ ловкаго во многихъ отношеніяхъ документа или постарался бы непремѣнно передѣлать въ немъ нѣкоторыя мѣста, такъ чтобы бѣлыя нитки не были видны, и чтобы читатель лишенъ былъ возможности совершать междустрочное, какъ теперь, чтеніе этой записки, конечно занимательной и куріозной, но не безгрѣшной и выставляющей массу грязи, собранной для утопленія въ ней Сенковскаго, имя котораго, однако, барахтаясь тутъ, производитъ брызги, отлетающіе отчасти и на память почтеннѣйшаго Николая Ивановича. Нечего грѣха таить; Николай Ивановичъ съ самого начала велъ дѣло это меркантильно, не откровенно, даже съ извѣстною дозой іезуитизма, проявившагося въ томъ, между прочимъ, что первою его мыслью было предложить возложеніе главной редакціи этого многообъемлющаго дѣла на Сенковскаго, въ шарлатанствѣ и недобросовѣстности котораго онъ тогда же былъ твердо убѣжденъ, что̀ очень ясно видно изъ его же въ той запискѣ замѣчаній и выходокъ. Между тѣмъ въ Петербургѣ въ то время въ литературномъ кругу былъ и дѣйствовалъ человѣкъ давно привлекшій къ себѣ симпатіи всего русскаго общества, человѣкъ высшей честности и прямой благонамѣренности,—князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій, разнообразность знаній, лингвистичность, блестящая образованность, литературныя заслуги, изящное перо и, наконецъ, чистое русское имя, вмѣстѣ съ тѣмъ и знаменитое, въ сочетаніи съ благороднѣйшими

нравственными качествами, дѣлали во сто кратъ болѣе достойнымъ г. Сенковскаго стать во главѣ этого предпріятія. Да, какъ ни вертись Николай Ивановичъ въ своей *Запискѣ*, а дѣло *Энциклопедическаго Лексикона* ежели не вполнѣ погублено чуть ли не имъ самимъ, при самомъ его зарожденіи, то отравлено ни кѣмъ другимъ какъ имъ. И отъ этого дѣло это шло все невѣрными шагами, шаталось и упало отъ сильнаго прикосновенія къ нему Сенковскаго. Такъ въ *Запискѣ* своей Николай Ивановичъ жалуется на чрезмѣрную длину иныхъ статей *Лексикона*, что̀ совершенно справедливо и вѣрно. Но кто же виноватъ въ этомъ какъ не г. главный редакторъ изданія, отъ котораго зависѣло учредить мѣрило объема различнаго рода статей, руководствуясь для этого многочисленными примѣрами иностранной энциклопедической литературы? Сверхъ того отъ главнаго редактора зависѣлъ выборъ участниковъ предпріятія, въ число которыхъ не слѣдовало допускать, напримѣръ, такого италіяно-французскаго пришлеца, каковъ былъ хоть тотъ г. Джульяни который мною достаточно подробно очерченъ въ статьѣ моей *Четверги у Н. И. Греча* (№ 4 *Зари* 1871), да и нѣсколькихъ тому подобныхъ процвѣтавшихъ при Гречѣ же.

Всѣ эти откровенно высказанныя здѣсь мнѣнія и сужденія я постоянно, еще въ крайней юности моей, раздѣлялъ со многими изъ посѣтителей Воейковскихъ лятницъ, куда постоянно приходили различныя извѣстія объ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ*.

Такъ, напримѣръ, въ одну какую-нибудь лятницу приносилось извѣстіе что одинъ изъ протеже Греча взялъ какъ бы на подрядъ всѣ переводы съ французскаго языка, раздаваемые редакторами, какъ общимъ, такъ и частными, гуртомъ или огуломъ, уже не по 100 (асс.) рублей съ листа, а по 70 только, отдаетъ же ихъ другимъ лицамъ за 50 руб., удерживая себѣ за коммиссію 20 р. Эти же другіе передаютъ третьимъ и такъ далѣе, до того что наконецъ листъ текста переводится за 15—20 рублей, хотя листъ втрое огромнѣе обыкновеннаго. Послѣдніе переводчики, переводившіе конечно крайне плохо, были все очень молоденькіе мальчики, добывавшіе себѣ деньги на пахитосы, лакомства и мѣста за креслами въ театрѣ, будучи всѣмъ остальнымъ обезпечиваемы или въ родительскомъ домѣ, или въ томъ учебномъ заведеніи гдѣ воспитывались. М. Н. Лонгиновъ, въ статьѣ своей напечатанной въ *Русскомъ Архивѣ* 1870 года, подтверждаетъ это обстоятельство, разказывая что въ

числѣ переводчиковъ *Энциклопедическаго Лексикона* были даже двѣнадцатилѣтніе мальчики.

— Читали ль вы въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ* статью *Азія?* кричалъ Воейковъ.—Она занимаетъ пять листовъ, и Сенковскому уплачено за нее двѣ тысячи рублей, считая по четыреста рублей листъ, какъ онъ вытребовалъ по условію.

— А всю статью для Сенковскаго переводили съ французскаго, съ нѣмецкаго, съ англійскаго цѣлая компанія юношей и пансіонскихъ дѣвочекъ, ради чести работать для барона Брамбеуса, который потомъ слегка гладилъ переводъ, доставленный ему въ даръ, и вставлялъ свои разнообразные оріентализмы.

Такъ увѣрялъ кто-нибудь изъ нувеллистовъ.

— Вчера изъ любопытства, подъ предлогомъ будто подписаться на *Лексиконъ*, говорилъ въ другой разъ другой нувеллистъ, — зашелъ это я въ Плюшарову контору, и тамъ встрѣтилъ одного пріѣзжаго въ Петербургъ подписчика на *Лексиконъ*. Разказывалъ онъ что у нихъ въ Вологдѣ очень жалуются на плохое полученіе обѣщанныхъ книгъ, которыя являются не вовремя, да и явившись, не удовлетворяютъ ожиданіямъ.

— Легко имъ тамъ толковать, замѣчалъ Карлгофъ, Розенъ или вообще кто-нибудь изъ нейтральныхъ, — легко, ничего не зная, не вѣдая какъ здѣсь трудно возиться съ цензурой. Говорятъ, третій томъ два раза былъ задержанъ цензурой. Богъ знаетъ изъ-за чего только.

— Цензура цензурой, замѣчалъ Воейковъ,—а ужь это не цензура, коли содержаніе книгъ не удовлетворяетъ ожиданій читающей публики.

— Трудно, объясняли великодушные рыцари, истинно великодушные и безкорыстные, потому что они въ дѣлѣ *Лексикона* не принимали ни малѣйшаго участія,—трудно, право трудно угождать нашей публикѣ, нѣкоторые члены которой, да не то что отдѣльными единицами, а цѣлымъ уѣзднымъ обществомъ претендуютъ за то что городъ Александровъ описанъ очень подробно, городъ же Алексинъ, напротивъ, чрезвычайно кратко. Въ описаніи города Александрова поименованы владѣльцы нѣкоторыхъ городскихъ домовъ даже, и это заставляетъ добрыхъ людей гнѣваться.

— А знаете ли почему городъ Александровъ, говорилъ опять одинъ изъ вѣстовщиковъ,—описанъ съ такими излишними подробностями? Это презабавная причина, право презабавная,

и состоитъ въ томъ что изъ города Александрова подлищиковъ оказалось больше чѣмъ изъ нѣкоторыхъ дѣлыхъ губерній. Градской голова тамошній самъ былъ въ Петербургѣ и взялся всепепремѣнно доставить огромное число подлищиковъ, ежели ихъ городъ, правда, очень мануфактурный, будетъ описанъ въ подробностяхъ необыкновенныхъ: „Пусть знаютъ другіе города Имперіи“, говорилъ градской александровскій голова, „пусть знаютъ всѣ въ Россіи каковы Александровцы и ихъ градъ!“ *

— Новость, новость, великая новость! возглашалъ одинъ изъ провозвѣстителей, въ другую какую-нибудь пятницу.—Чудеса въ рѣшетѣ! Чудеса! Гречъ съ Сенковскимъ за *Лексиконъ* рѣшительно переругались. Кончилось даже тѣмъ что Гречъ сказалъ Сенковскому, какъ говорилъ Іоаннъ Грозный князю Курбскому: „Не хочу видѣть твоей эоіолской хари!“

— Эоіолская харя! Эоіолская харя! хохоталъ и рокоталъ восторженно Воейковъ.

— Новый редакторъ *Лексикона*, кричалъ новый вѣстникъ,— вмѣсто Греча, Шенинъ, бывшій его помощникъ. Но Сенковскій остается во главѣ всего дѣла и всему заправлялой. Плюшаръ называетъ его „адмираломъ, ведущимъ корабль его“.

— Какъ бы этотъ адмиралъ, замѣчалъ Воейковъ,—не навелъ этотъ корабль на подводный камень.

Въ слѣдующую пятницу нувеллисты сообщили что *адмиралъ* объявилъ что онъ не приметъ руля иначе какъ съ тѣмъ чтобы немедленно была исключена статья г. Краевскаго *Борисъ Годуновъ*, написанная, по его мнѣнію, слишкомъ въ пользу этого историческаго лица, въ которомъ онъ, Сенковскій, не признаетъ никакихъ достоинствъ, кромѣ ума коварнаго. И дѣйствительно, разказывали тогда, статью исключили изъ всѣхъ еще не ушедшихъ изъ конторы экземпляровъ и замѣнили другою, написанною кѣмъ-то безгласнымъ, чуть ли не Старчевскимъ, подъ диктантъ Сенковскаго.

Еще въ одну пятницу было, помню, разказано что пріѣхалъ изъ Дерпта Булгаринъ, который обѣщаетъ совершить съ Плюшаромъ и съ Сенковскимъ coup d'état въ родѣ того какой совершенъ былъ консуломъ Бонапартомъ. Это заставляетъ надѣяться на диверсію въ дѣлѣ *Энциклопедическаго Лексикона*,

* Это не красное словцо вѣстовщика: это обстоятельство, помню, мнѣ привелось слышать однажды изъ устъ самого Н. И. Греча, когда ему при мнѣ говорили о неравномѣрности статей.

потому что Булгарина боится даже Сенковскій, дѣйствовавшій до сихъ поръ съ отчаянною и безнаказанною дерзостью какого-нибудь Пульчинелло изъ италіянскаго народнаго театра.

— Не бывать торжества маленьки Ивана Ивановича Выжигина,—завылъ Воейковъ, стуча клюкой, не бывать этому торжеству, пока живъ старикашка Александръ Ѳедоровъ, сынъ Воейковъ! Какъ ни ненавистенъ мнѣ Брамбеусъ, готовъ подать ему даже руку противъ Ѳаддея, этого перебѣжчика изъ подъ всѣхъ знаменъ!

Такъ-то личныя антипатіи или личныя симпатіи, какъ всегда кажется, въ нашей бѣдной журналистикѣ брали верхъ надъ сущностью. Какъ ни былъ я тогда молодъ, а все-таки мнѣ казалось что для того чтобы способствовать доведенію до конца такого важнаго предпріятія, какимъ былъ *Энциклопедическій Лексиконъ*, надобно было принести въ жертву собственныя свои чувства, основанныя на отношеніяхъ къ различнымъ личностямъ и на разныхъ мелочныхъ разчетахъ.

XIII.

Я уже замѣтилъ что не буду разказывать всѣ пятницы Воейкова съ тѣми подробностями въ какія я вошелъ относительно первыхъ моихъ посѣщеній его гостиной, потому что это значило-бы впадать въ повтореніе, ежели не однихъ и тѣхъ же бесѣдъ слово въ слово, то однихъ и тѣхъ же объстоятельствъ, происходившихъ почти все въ той же формѣ. Останавливаюсь лишь на экстраординарныхъ эпизодахъ.

Прежде чѣмъ приступить къ разказу о послѣднемъ такомъ эпизодѣ, бывшемъ въ моихъ глазахъ въ концѣ 1836 года, то-есть въ послѣдній годъ жизни Пушкина, умершаго, какъ извѣстно, въ январѣ 1837 года, передамъ то что въ одну изъ пятницъ предъ этимъ эпизодомъ сообщилъ пятничной компаніи собиравшейся у Воейкова одинъ изъ тѣхъ вѣстовщиковъ которые, при первомъ своемъ появленіи въ гостиной своего амфитріона, считали священною обязанностью заявлять о себѣ сообщеніемъ какой-нибудь новинки могущей или не могущей явиться въ журнальчикѣ на слѣдующей недѣлѣ. На этотъ разъ новость состояла въ томъ что заступничество Булгарина за Греча по дѣлу главнаго редакторства *Энциклопедическаго Лексикона*— улетучилось, такъ какъ Плюшаръ, по совѣту Сенковскаго

угомонилъ Булгарина, предложивъ ему значительныя выгоды въ изданіи приготовленной тогда Булгаринымъ книги: *Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ*, предполагавшейся въ шести частяхъ *. Булгаринъ прельстился выгодами сдѣлки съ Плюшаромъ, увлекся любезностями соотчича своего Сенковскаго, котораго сталъ посѣщать довольно часто, и забылъ о своихъ пламенныхъ обѣщаніяхъ, какія, по пріѣздѣ своемъ изъ Дерпта, дѣлалъ Гречу. На томъ дѣло и покончилось. Замѣчательно словцо нечаянно тогда сказанное Смирдинымъ, по случаю продажи Булгаринымъ своей книги Плюшару: „Полякъ Французу Россію продалъ".

— Браво! браво! брависсимо! вопилъ Воейковъ.—Браво, браво! Исполать Александру Филипповичу Смирдину и премного лѣтъ здравствовать. Молодецъ, право, молодецъ! Какъ ловко сказалъ: „Полякъ Французу Россію продалъ!" Завтра же разцѣлую безцѣннѣйшаго Александра Филипповича всенепремѣнно!

— Чему это вы такъ радуетесь, почтеннѣйшій Александръ Ѳедоровичъ? скажите на милость, говорилъ вошедшій въ это время кудрявый желтовато-смуглый брюнетъ съ довольно густыми темными бакенбардами, съ смѣющимися живыми глазами и съ обликомъ лица южнаго, какъ бы негритянскаго происхожденія. То былъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, котораго этотъ разъ я близко видѣлъ во второй разъ, въ первый же разъ я видѣлъ его у Н. И. Греча, который и представлялъ меня ему. На Пушкинѣ былъ темно-кофейнаго цвѣта сюртукъ съ бархатнымъ воротникомъ, въ лѣвой рукѣ онъ держалъ черную баранью кавказскую кабардинку съ краснымъ верхомъ. На шеѣ у него былъ повязанъ шелковый платокъ довольно густо, и изъ-за краевъ этого платка виднѣлся порядочно измятый воротникъ бѣлой рубашки. Когда Пушкинъ улыбался своею очаровательною улыбкой, алыя широкія его губы обнаруживали ряды красивыхъ зубовъ поразительной бѣлизны и яркости. Въ концѣ 1836 года—это было то время въ жизни Пуш-

* Судьба этой книги, составленной молодымъ ученымъ профессоромъ Ивановымъ, трудомъ котораго Булгаринъ воспользовался за деньги,—была та что сначала Булгаринъ пощеголялъ въ павлиныхъ перьяхъ, пока профессоръ Крузе не сорвалъ съ него личины и не указалъ публикѣ на настоящаго автора книги, впрочемъ не доконченной изданіемъ. Это все очень подробно описано въ моей статьѣ: *Четверги у Н. И. Греча*. (*Заря* № 4, 1871.)

кина, когда его встрѣчали на великосвѣтскихъ раутахъ и балахъ вееrда унылаго и задумчиваго, это было то время, когда на какомъ-то костюмированномъ балѣ, кажется у графини Е. К. Воронцовой-Дашковой, гдѣ его Наталья Николаевна въ костюмѣ кометы подошла къ нему, окруженная толпой блестящихъ молодыхъ поклонниковъ, и сказала ему по-русски: „Что̀ задумался, мой поэтъ, совсѣмъ не по-масляничному?“ онъ ей отвѣчалъ:

Для твоего поэта
Насталъ Великій Постъ.
Все мнѣ мила моя комета,
Несносенъ * мнѣ ея лишь хвостъ!

Въ эту пору безотчетныхъ предчувствій, которымъ, къ горю нашему и всей русской литературы, привелось такъ скоро оправдаться,—Пушкинъ затѣялъ, повидимому, для своего развлеченія, изданіе своего *Современника*, котораго только первый нумеръ суждено было ему видѣть. Посѣщая этотъ разъ Воейкова не въ какое-либо другое время, а именно въ его назначенный вечеръ для *литературной сходки*, на какихъ сходкахъ, правду сказать, было такъ мало истинно литературнаго, Пушкинъ, повидимому, хотѣлъ дать почувствовать Воейкову что онъ не прочь вступить съ нимъ въ журнальный союзъ, почему Воейковъ, чуткій къ такого рода проявленіямъ и въ высшей степени мелочно тщеславный, пришелъ въ неудержимый восторгъ и бросился лобызать плеча и грудь Пушкина, который хохоча звонкимъ и немного визгливымъ, какъ бы дѣтскимъ смѣхомъ, освободился изъ его объятій, быстрымъ взглядомъ, яснымъ, внимательнымъ и все-таки нѣсколько задумчивымъ, оглянулъ все общество и ласково, привѣтливо поздоровался съ добрѣйшимъ и честнѣйшимъ барономъ Егоромъ Ѳедоровичемъ Розеномъ, который, когда Пушкинъ усѣлся, отвѣчалъ ему, вмѣсто Воейкова на сдѣланный имъ при входѣ послѣднему вопросъ: „О чемъ всѣ они сейчасъ смѣялись?“

— Мы смѣялись сейчасъ, въ то время какъ вы вошли, Александръ Сергѣевичъ, одному счастливому острому слову, сказанному нашимъ русскимъ Лафонтэномъ, то-есть Смирдинымъ, насчетъ вашего друга Фиглярина, читай Булгарина.

— О! насчетъ друга моего Ѳаддея Венедиктовича! Скажите что̀ это за острота, которою разрѣшился нашъ почтеннѣйшій благодѣтель Александръ Филипповичъ?

* Или: Но тошенъ.

— Вы, запицалъ баронъ, можетъ-быть, Александръ Сергѣевичъ, слышали про то что Булгаринъ продалъ Плюшару право перваго изданія первыхъ томовъ своей, или, какъ говорятъ, чужой книги подъ названіемъ *Россія*, такъ по поводу этой сдѣлки Смирдинъ сказалъ что Полякъ Французу Россію продалъ.

— Mais savez vous, que c'est fort joli, сказалъ Пушкинъ.— Да именно: „Полякъ Французу продалъ Россію.“ Прекрасно! Завтра же скажу спасибо за это Александру Филипповичу и буду повторять повсюду во всеуслышаніе. Этимъ надѣюсь усилить еще къ себѣ любовь благороднѣйшаго Ѳаддея Венедиктовича.

Въ это время Воейковъ хлопоталъ, собственноручно подчуя чаемъ своего знаменитаго гостя и спрашивая: съ чѣмъ онъ хочетъ пить чай, со сливками, лимономъ, коньякомъ, вареньемъ или клюквеннымъ морсомъ?

— Попрошу кисленькаго морса, слегка отвѣтилъ Пушкинъ и, выливъ нѣсколько чая, который оказался слишкомъ горячъ, сказалъ:

— А знаете ли, господа, вѣдь Ѳаддей Венедиктовичъ приноситъ мнѣ пользу въ моемъ домашнемъ быту? Шутки въ сторону, лучше всякаго Песталоцци онъ помогаетъ мнѣ управлять съ моими мальчуганами. Крошки еще такіе, четырехъ-пяти лѣтъ, а пострѣлята всѣ въ папеньку. Но Ѳаддей Венедиктовичъ ихъ мигомъ усмиряетъ, когда они зашалятся!

И при этомъ Пушкинъ принималъ съ усиліемъ, потому что хотѣлъ смѣяться, пресеріозную мину; хотѣлъ же онъ смѣяться, повидимому, потому что Александръ Ѳедоровичъ, вскинувъ очки на лобъ, изображалъ собою комическую фигуру изумленія, словно думалъ въ этотъ моментъ: „Чѣмъ чортъ не шутитъ, ну если чего добраго треклятый Булгаринъ втерся къ Александру Сергѣевичу въ домъ и интимничаетъ у него въ качествѣ гувернера или дядьки!“

— Объясните, Бога ради, эту энигму, Александръ Сергѣевичъ! воскликалъ Воейковъ, обращаясь къ Пушкину, который въ это время очень усердно занимался своимъ стаканомъ чая съ морсомъ и погружалъ въ него валдайскія баранки, о которыхъ нѣкогда сказалъ:

У податливыхъ крестьянокъ
(Чѣмъ и славится Валдай)
Къ чаю накупи баранокъ
И скорѣе поѣзжай.

— Энигма эта состоитъ въ томъ, Александръ Ѳедоровичъ, что Булгаринъ мнѣ помогаетъ въ воспитаніи моихъ дѣтей такъ, худо что-нибудь сдѣлалъ мальчикъ, у меня нѣтъ ему другаго наказанія какъ: „сегодня ты на два часа Булгаринъ, а не Пушкинъ“, и повѣрите ли? вѣдь это наказаніе лучше всѣхъ угловъ, колѣней и прочаго дѣйствуетъ. Пробыть Булгаринымъ даже пять минутъ они привыкли считать великимъ горемъ для себя, и, ежели когда меня нѣтъ дома, нашалятъ какъ-нибудь, такъ ужь нянька Нѣмка увѣряетъ ихъ что какъ только папа вернется домой, она ему пожалуется, и папа *накажетъ Булгаринымъ*. „Накажетъ Булгаринымъ!“ Ха! ха! ха! Не правда ли что стоитъ Россіи проданной Полякомъ Французу!

И онъ заливался звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ, которому вторилъ одобрительный смѣхъ всего общества.

— А какъ милъ Сенковскій, воскликнулъ вдругъ Александръ Сергѣевичъ,—видѣли вы въ *Библіотекѣ для Чтенія* его убѣжденія и уговариванія, чуть не со слезами, чтобъ я отказался отъ моего намѣренія издавать *Современникъ*? Да нѣтъ, вздоръ; шалитъ, почтеннѣйшій Осипъ или Іосифъ Ивановичъ!

— Не только я читалъ эти продѣлки, завылъ Воейковъ;—да уже приготовилъ на нихъ критику, которую въ слѣдующемъ нумерѣ напечатаю.

— Ежели близка у васъ эта рукопись, пожалуста прочтите, Александръ Ѳедоровичъ. Интересно, очень интересно, просилъ Пушкинъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, сказалъ Воейковъ и вынулъ изъ своего, постоянно при немъ находившагося на столикѣ, портфеля, листъ бумаги, съ котораго прочелъ слѣдующее:

„Пугливъ же баронъ Брамбеусъ, ей-Богу, право, пугливъ. Еще первая книжка *Современника* А. С. Пушкина скрывалась въ таинственномъ свѣтѣ будущаго, а нашъ баронъ уже вздумалъ уговаривать издателя чтобъ онъ отступился отъ своего благаго намѣренія, началъ чествть его *поэтическимъ геніемъ перваго разряда*, стращать его грязными болотами лежащими у подножія Геликона и вредными испареніями бездонной ихъ тины. Grimace, monsieur le baron, grimace! „Мы сочли бы себя счастливыми“, съ умиленіемъ, почти со слезами, вздыхаетъ нашъ добрый баронъ: „еслибъ эти замѣчанія могли еще сдер„жать Александра Сергѣевича Пушкина на краю пропасти въ „которую онъ хочетъ броситься.“

— Лучше бы я самъ не возразилъ, смѣялся Пушкинъ. Хорошо, хорошо, очень хорошо! Колко и умѣренно! Спасибо, Александръ Ѳедоровичъ, спасибо большое.

— Рады стараться, ваше высокопревосходительство! воскликнулъ Воейко къ, ухмыляясь.

— Что̀ ужь вы такъ меня черезчуръ величаете, Александръ Ѳедоровичъ? По званію камеръ-юнкера я, говорятъ, высокороді̀е.

— А у насъ въ литературѣ русской вы генералъ-фельдмаршалъ, докладывалъ Воейковъ.

Пушкинъ. Ну лолно намъ лясы-то точить; а вотъ логоворимъка лучше о дѣлѣ, и именно о томъ чтобы держаться крѣпко̀ противъ всѣхъ выходокъ *Библіотеки* и Фиглярина. Я могу только разъ въ мѣсяцъ давать залпъ изъ моихъ тяжелыхъ орудій; а вы имѣете ежедневную газету, да еженедѣльную, такъ у васъ стрѣльба можетъ быть чаще.

Воейковъ. Только не изъ *Инвалида*: со времени гаултвахтной исторіи, когда Греча, меня и Булгарина разсадили въ три гаултвахты, я ничего полемическаго не помѣщаю въ казенной газетѣ. А вотъ изъ *Литературныхъ Прибавленій* будемъ разить еженедѣльно въ томъ родѣ какъ я вамъ сейчасъ прочелъ.

— Прелестно! быстро сказалъ Пушкинъ.—Но вы коснулись гаултвахтнаго событія, случившагося тогда когда меня не было въ Петербургѣ. Мнѣ объ этомъ писали друзья столичные.

— Ничего нѣтъ особенно любопытнаго въ этомъ, говорилъ Воейковъ.—Дѣло довольно простое: государь давно говорилъ графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу что ему не нравится наша полемическая война, въ которой мы задѣваемъ и другихъ, совершенно посторонихъ; что газеты должны служить чтеніемъ, сообщающимъ новости разнаго рода, а не свѣдѣніями о взаимныхъ личныхъ отношеніяхъ лицъ издающихъ ихъ. Но графъ Бенкендорфъ не предупреждалъ насъ достаточно серіозно, чтобы мы могли понять всю степень царской воли, само собою разумѣется, священной для каждаго изъ насъ. Ну кончилось тѣмъ что въ одно прекрасное или непрекрасное зимнее утро, государь разгнѣвался не на шутку, и вотъ къ каждому изъ насъ троихъ, то-есть къ Гречу, къ Булгарину и ко мнѣ, явилось по фельдъегерю, и каждый изъ этихъ фельдъегерей исполнилъ данное ему повелѣніе, отвезти каждаго изъ насъ на гаултвахту, предъявивъ, конечно, каждому изъ насъ какъ документъ нашего арестованія, такъ и мотивъ этого распоряженія. Гречь, какъ статскій совѣтникъ, въ ту пору былъ препровожденъ на Сенатскую гаултвахту; я, тогда еще коллежскій совѣтникъ, былъ препровожденъ на Адмиралтейскую, а

Булгаринъ, коллежскій ассесоръ, на Сѣнную. Мы просидѣли, впрочемъ, только до вечера, когда каждаго изъ насъ жандармскіе офицеры отвезли къ графу Александру Христофоровичу. Графъ очень вѣжливо и любезно убѣждалъ насъ не входить въ слишкомъ рѣзкую полемику, которую терпѣть не можетъ государь. У меня, признаюсь, языкъ чесался сказать что публика-то лакома до нашихъ пѣтушиныхъ дракъ, и что полемика самая ожесточенная между журналистами въ Англіи ведется какъ необходимая приправа журнала или газеты, почему бойцы сами хохочутъ своей распрѣ и играютъ въ нее, оставаясь между собою добрыми пріятелями. Однако языкъ прильнe къ гортани, и я промолчалъ; но бойкій болтунъ Гречъ, словно зналъ мою мысль, высказалъ ее очень ловко, заключивъ: „Ваше сіятельство! отсутствіе полемики и этой постоянной между нами потасовки лишитъ насъ многихъ сотенъ подписчиковъ.“ На это графъ сказалъ: „О потеряхъ не заботьтесь, и все чего бы лишились по подпискѣ, какъ вы говорите, будетъ вамъ и вашимъ товарищамъ возвращено, ежели вы и ваши товарищи докажете что потери эти произошли не отъ чего другаго, какъ отъ того что полемика перестала быть такою ожесточенною, какъ нынѣ.“ Нѣсколько времени мы отъ полемическихъ поединковъ воздержались; но потомъ государь императоръ сталъ къ этому менѣе строгъ, вслѣдствіе, какъ слышно было, ходатайства великаго князя Михаила Павловича, который очень жаловалъ чтеніе нашихъ бумажныхъ битвъ. Нынѣче наша журнальная война дошла, кажется, до своего апогея; Сенковскій ввелъ у насъ по этой части прескверныя нововведенія, относясь къ личностямъ и къ произведеніямъ съ небывалымъ до него нахальствомъ.

— Благодарю за эти свѣдѣнія, которыя впрочемъ для меня не совсѣмъ новость, сказалъ Пушкинъ, — но вотъ обстоятельство очень мнѣ любопытное, именно то о которомъ я слышалъ отъ многихъ, да ничего не слышалъ достаточно толково, именно обстоятельство вашего состязанія съ Булгаринской *тантой*. *. Правда-ли это?

— Фактъ, правда, отвѣчалъ Воейковъ,—только я не знаю какъ онъ былъ вамъ переданъ.

---

* Теща г. Булгарина у него въ домѣ и повсюду извѣстна была подъ наименованіемъ *танты*.

— Мнѣ сказывали, объяснилъ Пушкинъ,—что тапта, воспылавъ гнѣвомъ на своего зятя, котораго, слухъ носится, держитъ въ ежовыхъ, хотѣла его наказать за всѣ эти непріятные и могущіе повредить его фортунѣ, результаты его страсти къ полемической тревогѣ, противъ которой она, тапта, постоянно вооружалась въ своемъ семейномъ быту и нѣсколько разъ брала съ Ѳаддея слово что онъ перестанетъ отвѣчать на чьи бы то ни было выходки противъ него. Вотъ какъ я слышалъ объ этомъ.

— Вы, Александръ Сергѣевичъ, слышали не совсѣмъ то что именно было. Было же то что тапта, напротивъ, соболѣзнуя о своемъ зятѣ и желая успокоить свою дочь, его жену,— бросилась искать Тадеуша по всѣмъ гауптвахтамъ, не зная и не вѣдая на какую именно онъ, сердечный, попалъ. Разъѣзжая по гауптвахтамъ, тапта подъ вечеръ уже въ сумерки пріѣхала на Адмиралтейскую гауптвахту, гдѣ спросила: „Тутъ есть ли журналистъ?“ Думая что она спрашиваетъ обо мнѣ, караульный офицеръ отвѣчалъ ей что въ числѣ арестантовъ есть журналистъ, который, пообѣдавъ, легъ спать на диванѣ въ особой, данной ему, комнатѣ, гдѣ, по желанію его, потушенъ огонь, такъ какъ онъ объяснилъ что любитъ спать въ темнотѣ. — „O Jesus Maria“, вскричала жирная, но очень подвижная эта старуха, смѣсь Польки, Нѣмки и Жидовки, „а мой либеръ, напротивъ, любилъ всегда спать при яркой лампѣ; но, можетъ-быть, эта перемѣна отъ избытка горя.“ — Затѣмъ она просила позволенія войти безъ огня въ комнату гдѣ спитъ ея зять, чтобы дружескимъ поцѣлуемъ разбудить его, а тогда уже просить пана капитана (офицеръ былъ новопроизведенный подпоручикъ) велѣть внести огонь въ комнату. И вотъ вдругъ я чувствую что во время моего сна какая-то фигура подошла ко мнѣ, нагнулась и жирными руками, отъ которыхъ пахло кухней и жаренымъ кофеемъ, ухватила меня за темя, привлекая голову мою къ своему лицу, причемъ обдавала какимъ-то теплымъ, далеко не благовоннымъ дыханіемъ...

Воейковъ не могъ продолжать своего разказа, потому что Пушкинъ былъ внѣ возможности его слушать, кинувшись съ ногами на диванъ, причемъ, въ полномъ смыслѣ слова, ломиралъ со смѣху, хохоча звонко и съ легкимъ визгомъ. Пришедши нѣсколько въ себя и вытирая слезы, Пушкинъ сказалъ, обратясь къ Воейкову:

— Извините, Александръ Ѳедоровичъ, мнѣ мой обычный

истерическій припадокъ смѣха. Такъ я всегда хохочу, когда рѣчь идетъ о чемъ-нибудь забавномъ и менѣе этого. Да какъ же, мой почтенный Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ—Іосифъ, а Булгаринская жирная и, какъ онъ, Воейковъ, убѣдился, въ добавокъ, вовсе не ароматическая тапта, играетъ съ нимъ роль Пентефріевой жены. Это великолѣпно, это неподражаемо! Но кончайте, кончайте Александръ Ѳедоровичъ!

Довольный произведеннымъ эффектомъ, Воейковъ продолжалъ, не щадя прибавленій для краснаго словца.

— Ну кончилось тѣмъ что я проснулся, ощущая крѣпкій поцѣлуй на лицѣ своемъ и слыша слова: „О! мейнъ либеръ Тадеушъ!“ Тогда я вскакиваю, отталкиваю отъ себя вѣдьму, и, схвативъ мою клюку, которая всегда не вдалекѣ отъ меня, объявляю ей кто я и что она ошиблась. Слыша разговоръ нашъ, караульный офицеръ велѣлъ внести свѣчи, при свѣтѣ которыхъ тапта въ первый разъ въ жизни увидѣла предъ собою ненавидимаго ея зятемъ Воейкова, я же въ первый разъ увидѣлъ эту знаменитую тапту, имя которой давно гремѣло въ кружкѣ молодежи покончившей съ будущностію на Петровской, Адмиралтейской и Дворцовой площадяхъ 14го декабря 1825 года. Тапта устремилась на меня, какъ тигрица, съ крикомъ: „Ферфлухтеръ!“ и очень ловко успѣла, желая, повидимому, дать мнѣ пощечину, сбить съ меня парикъ и подшвырнуть его ногой. Это, признаюсь, раздражило меня до чрезвычайности, и я нанесъ моею клюкой два или три порядочныхъ удара этой фуріи, которую поспѣшили сторожа подхватить подъ руки и выпроводить, объяснивъ ей чтобъ она къ зятю ѣхала на Сѣнную; но она въ это время успѣла въ два-три маха закинуть мой парикъ на улицу въ снѣгъ. Мнѣ его, весь мокрый, съ улицы принесли. Когда вечеромъ мы всѣ трое были, какъ я уже и сказалъ вамъ, призваны въ кабинетъ графа Бенкендорфа, я ужаснулся того положенія въ какомъ находился мой бѣдный парикъ, ломятый ножницами этой Мегеры.

Пушкинъ былъ отъ природы очень смѣшливъ, и когда однажды заливался хохотомъ, то хохотъ этотъ былъ очень продолжителенъ. И теперь, вспомнивъ снова фигуру Воейкова въ объятіяхъ старой танты Булгарина, Пушкинъ сталъ покатываться на диванѣ и кусалъ подушку, чтобъ опять слишкомъ громко не расхохотаться.

— А вотъ, Александръ Сергѣевичъ, любезничалъ Воейковъ,— я съ васъ взяточку возьму: за мой вамъ разказъ, доставившій,

повидимому, вамъ немного удовольствія, удостойте вашимъ присутствіемъ мой скромный дружескій ужинъ.

А между тѣмъ, какой уже скромный на этотъ-то разъ? Появленіе Пушкина заставило Воейкова распорядиться секретно, и вотъ явилась такая великолѣпная, золотистая, откормленная индѣйка, въ видѣ лакомаго, дымящагося жаркаго, фланкированнаго всевозможными салатами, что просто на удивленіе. Тутъ же стояла на блюдѣ нога дикой козы, прекрасно изжаренная, также издававшая свой дымный ларъ и лакомый ароматъ. Турецкіе бобы, шпинатъ и спаржа, прикрытые крышками блюдъ, привлекательно дымились. Все это должно было восхитить не только такого гастронома, какимъ былъ Пушкинъ, но и всякаго человѣка мало-мальски способнаго понимать хорошій столъ и отличать его отъ плохаго.

— У васъ такія прекрасныя вещи на столѣ, говорилъ Пушкинъ, идучи съ Воейковымъ подъ руку въ столовую,—да и вы сами такой любезный хозяинъ что я съ удовольствіемъ и не въ видѣ взятки принялъ бы участіе въ вашемъ ужинѣ; да та бѣда что докторъ мнѣ строжайше воспретилъ ночную ѣду. А поэтому, я подвергну себя Танталовымъ мученіямъ, присутствуя за вашимъ прекраснымъ ужиномъ, гдѣ одна эта индѣйка, повидимому, съ трюфелями, можетъ съ ума свести любителя.

— Но хоть крошечку чего-нибудь, Александръ Сергѣевичъ, тарантилъ Воейковъ, — пожалуста. Впрочемъ, боюсь напомнить собою Демьянову уху.

— Вотъ, замѣтилъ Пушкинъ, любовно смотря на блюдо дымящейся, несвоевременной спаржи,—позвольте мнѣ этой прелести, да стаканчикъ зельтерской воды съ полрюмкой сотерна.

Воейковъ мигомъ усадилъ своего почетнаго гостя самымъ удобнымъ для него образомъ и собственноручно угощалъ спаржей, зельтерскою водой и д'икемомъ.

Во все это время пребыванія знаменитаго Пушкина у Воейкова, на этомъ его пятничномъ вечерѣ, я внимательно вслушивался въ слова безсмертнаго поэта, и не будучи представленъ ему хозяиномъ, какъ впрочемъ и бо́льшая часть гостей,— не хотѣлъ выдвигаться впередъ, скромно держась въ сторонѣ и даже стараясь такъ сѣсть, пока всѣ были въ гостиной, чтобы не быть замѣченнымъ. Въ статьѣ моей *Четверги у Н. И. Греча* я уже говорилъ о томъ какое впечатлѣніе тогда на Пушкина произвела моя, въ то время, почти дѣтская личность. Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ до этого вечера у Воей-

кова или второй моей встрѣчи съ знаменитымъ поэтомъ, и я думалъ что Пушкинъ могъ какъ-нибудь вспомнить меня, и ежели бы я сталъ теперь выказываться, то Богъ знаетъ какъ-то ему могла поправиться такая навязчивость. Но за этимъ ужиномъ мнѣ привелось совершенно нечаянно сѣсть за столъ противъ Пушкина, который, быстро взглянувъ на меня, обратился къ барону Розену, сидѣвшему съ нимъ рядомъ, и что-то шепотомъ спросилъ у него, не спуская съ меня глазъ. Розенъ, въ отвѣтъ на вопросъ сдѣланный ему шепотомъ, громко назвалъ мою фамилію съ подтвержденіемъ: „Это тотъ самый юноша котораго нѣсколько лѣтъ тому, кажется лѣтъ пять, Н. И. Гречъ представлялъ вамъ въ тотъ памятный четвергъ, когда вы были у него и своимъ появленіемъ привели Булгарина въ бѣгство.“ Мнѣ, само собою разумѣется, не оставалось ничего больше дѣлать какъ встать и поклониться. Пушкинъ, съ любезною улыбкой, подалъ мнѣ руку, костлявые пальцы которой снабжены были громадными ногтями, содержимыми впрочемъ въ величайшей холѣ.

— Вы все попрежнему сотрудничаете въ *Пчелѣ*? спросилъ онъ. Я объяснилъ что болѣе не участвую въ этой газетѣ. Тогда онъ, смѣясь слегка, спросилъ:—Ну, а біографіей табачника Жукова занимаетесь? Шутки въ сторону, а ежели у васъ есть какія-нибудь любопытныя подробности объ этомъ ли самомъ Жуковѣ, о другихъ ли русскихъ даровитыхъ самородкахъ, дайте мнѣ для моего *Современника*. Я хотѣлъ было объяснить что такаго рода матеріалами не богатъ, какъ вдругъ Воейковъ замычалъ своимъ завывающимъ голосомъ и, водя во всѣ стороны глазами чрезъ очки, воскликнулъ:

— О! да у него, хоть сейчасъ въ печать, есть совершенно свѣженькій съ иголочки разказъ изъ жизни Василія Григорьевича Жукова, въ которомъ играютъ значительныя роли не столько самъ Жуковъ, сколько первая его жена, Матрена Никитична, да камергеръ Б—въ и его супруга.

— Какой Б—въ? спросилъ Пушкинъ.

— Да извѣстный Гаврило Гавриловичъ, отвѣтилъ Воейковъ.

— А, connu comme l'ours blanc, засмѣялся Пушкинъ.—Это тотъ что командированъ былъ въ Воронежъ во время открытія мощей Св. Митрофанія, послѣ чего сверхъ страсти занимать деньги, у него развилась страсть къ ханжеству до мономаніи, говорятъ.

— Эпизодъ который знаетъ юный біографъ Жукова, продолжалъ неумолимый Воейковъ, — и разказомъ котораго не далѣе какъ на дняхъ онъ утѣшилъ все общество у Вильгельма Ивановича Карлгофа, относится къ тѣмъ временамъ, довольно давнишнимъ, когда сюда пріѣзжалъ изъ Тегерана, съ ловинною своего дѣда, шаха Персидскаго, молоденькій принцъ Хозревъ-Мирза.

— Да, замѣтилъ Пушкинъ, — тотъ самый мальчикъ лѣтъ восьмнадцати который, когда представлялся императору, то долго не могъ успокоиться, воображая что русскій падишахъ велитъ снести ему голову сабдей, по ихъ азіятскому обычаю, за насильственную смерть нашего посланника, этого бѣдняжки Грибоѣдова. Но въ чемъ же состоитъ этотъ забавный разказъ которымъ вы меня такъ разлакомили, Александръ Ѳедоровичъ?

— Я не слажу разказать вамъ эту уморительную исторію, объяснилъ Воейковъ,—а вотъ мы попросимъ объ этомъ самого Владиміра Петровича.

— Пожалуста не откажите, Владиміръ Петровичъ, подхватилъ Пушкинъ съ очаровательною и увлекательною улыбкой.

Я, конечно, не заставилъ себя просить дважды и разказалъ весь этотъ анекдотъ, бывшій между Жуковымъ съ Б—вымъ и ихъ женами. Впрочемъ, какъ теперь помню, нѣсколько робѣя предъ такою знаменитостью, каковъ былъ Пушкинъ, я старался повѣствовать не распространяясь въ подробностяхъ и значительно сжалъ мой разказъ. Здѣсь же я сожму его еще больше, на томъ основаніи что слишкомъ пространный эпизодъ неудобенъ въ данномъ случаѣ, да и еще потому что онъ былъ уже напечатанъ въ 1863 году въ *Иллюстрированной Газетѣ* г. Зотова въ весьма пространномъ видѣ, съ разными бальзаковскими подробностями всякихъ даже мелочей, доведенныхъ до тонкости въ угоду историко-топографической вѣрности; но только съ вымышленными именами, кажется, Чичикова вмѣсто Б—ва и Тараканова вмѣсто Жукова. Повѣствованіе это было озаглавлено: *Билетъ на хоры во дворецъ*. Желающіе прочесть его могутъ найти въ этомъ журналѣ за 1863 годъ.

Дѣло состояло въ томъ что Гаврила Гавриловичъ Б—въ, прозванный въ свѣтѣ „Говорилой Говориловичемъ“, очень любившій занимать деньги направо и налѣво, разбогатѣвшему

Жукову, сдѣлавшемуся кулцомъ 1й гильдіи и, въ ту пору, гласнымъ городской столичной думы, сильно строилъ куры, чуя возможность познакомиться покороче съ внутреннимъ содержаніемъ его бумажника. Василій Григорьевичъ не умѣлъ замѣтить и понять причинъ всѣхъ Б—вскихъ любезностей и вѣрилъ имъ на слово, воображая что всѣ эти „звѣздоносцы“, какъ онъ называлъ людей чиновныхъ, на самомъ дѣлѣ восхищаются его геніальностью. Предъ днемъ церемоніи представленія Хозрева-Мирзы государю, Жуковъ объяснялъ Б—ву, сидѣвшему у него вечеркомъ на его дачѣ въ Екатерингофѣ, что онъ, какъ гласный думы, долженъ будетъ находиться во дворцѣ, гдѣ и увидитъ все вблизи и отличнѣйшимъ образомъ. „А вотъ моя Матрена Никитична,—то-есть его жена,—будетъ смотрѣть изъ оконъ квартиры ихъ доктора, на Невскомъ, въ домѣ католической церкви.“—„Помилуй, Василій Григорьевичъ, восклицалъ Б—въ,—помилуй, возможно ли это чтобы Матрена Никитична, жена знаменитаго нашего мануфактуриста Жукова, смотрѣла торжество это не съ дворцовыхъ хоровъ и не видѣла бы всей блестящей обстановки и царской фамиліи! Нѣтъ, этому не бывать, нѣтъ, нѣтъ, не будь я Гаврило Б—въ, у тебя для дорогой Матрены Никитичны завтра же будетъ билетъ на хоры въ Зимнемъ Дворцѣ, бѣлый съ золотымъ бордюромъ и съ золочеными буквами. Конечно, чрезвычайно трудно достать такой билетъ на хоры; но вѣдь я не знаю невозможнаго никогда, для Василія же Григорьевича въ особенности.“ Такъ Б—въ льстилъ тогда тому самому Жукову котораго, подъ именемъ Васьки Жука, зналъ весь Порковскій уѣздъ, откуда онъ родомъ, имя же Василья Григорьевича мигомъ сдѣлалось извѣстно повсемѣстно, особенно послѣ той удачной моей статьи которая нѣсколько лѣтъ сряду гремѣла и славилась, правду, впрочемъ, сказать, при усердномъ содѣйствіи самого Жукова, пріобрѣвшаго нѣсколько тысячъ оттисковъ этой статьи отъ Греча и разсылавшаго ее по всей Россіи съ своими табачными произведеніями. Но какъ бы то ни было, а билетъ на хоры былъ у Жуковыхъ на другой же день. Жуковъ былъ внѣ себя отъ радости и тщеславія; а скромная и тихая его Матрена Никитична съ ужасомъ и трепетомъ ожидала этого роковаго дня, когда ей придется быть во дворцѣ, въ блестящемъ обществѣ, которому она охотно предпочла бы то общество какое она могла ожидать встрѣтить у своего доктора, Карла

Богдановича. Однако дѣлать было нечего: она, въ черной шали и въ блондахъ, съ цвѣтами, въ назначенный день ранымъ-ранехонько отправилась въ Зимній Дворецъ на хоры, куда забралась до того рано что въ эту лору тамъ посѣтителей не было ни души еще, и она внимательно занималась разсматриваніемъ и созерцаніемъ дворцовыхъ роскошей, присутствуя при работѣ полотеровъ навощивавшихъ полы. Одного изъ нихъ она даже съ хоръ назвала по имени и отчеству, узнавъ въ немъ одного изъ полотеровъ которые еженедѣльно натираютъ полы у нихъ въ домѣ. Пріѣхавъ рано, почтенная Матрена Никитична имѣла возможность занять самое лучшее спереди мѣсто и видѣла все начало приготовленій къ церемоніи и съѣздъ посѣтительницъ на хорахъ, которыя всѣ принадлежали къ высшему петербургскому обществу, почему, по тогдашнему обычаю, говорили между собою не иначе какъ по-французски. Однако великолѣпная, настоящая турецкая, бѣлая шаль госпожи Жуковой, брабантскія кружева и парижскія блонды, а въ особенности обиліе, хотя и безвкусное, брилліантовъ самой чистой воды, привлекли къ ней вниманіе многихъ, заведшихъ съ ней разговоръ по-русски. Все шло какъ по маслу, и Матрена Никитична сдѣлалась даже нѣсколько посмѣлѣе и поразговорчивѣе, позволяя себѣ дѣлать этимъ блестящимъ своимъ соѣдкамъ наивные вопросы насчетъ то того, то другаго обстоятельства поражавшаго и удивлявшаго ее въ залѣ, куда были устремлены ея глаза съ величайшимъ вниманіемъ, какъ вдругъ появилась высокая, сухощавая, съ весьма горделивою и повелительною осанкой барыня среднихъ лѣтъ, вся въ шелкахъ и кружевахъ. Блестящая эта особа, нѣсколько запоздавшая и не имѣвшая возможности стать впереди, начала тѣснить Матрену Никитичну, требуя чтобъ она отодвинулась назадъ и предоставила бы ей мѣсто. Матрена Никитична учтиво протестовала, объясняя что здѣсь мѣста всѣмъ равныя, и что кто позже пріѣхалъ, тотъ не можетъ требовать отъ другихъ такой жертвы. Такую смѣлость Матрена Никитична пріобрѣла, благодаря ласковымъ съ нею разговорамъ ея сосѣдокъ, которыя однако тотчасъ, когда явилась горделивая претендентка на мѣсто спереди, приняли насмѣшливый видъ и стали называть ее „голубушкой-кулачихой“. Но Матрена Никитична все еще не сдавалась, и сохраняла свою позицію. Однако гордая дама, выведенная изъ терпѣнія устойчивымъ стоицизмомъ „коровы въ золотомъ сѣдлѣ“, какъ она изволила громко по-

русски называть супругу знаменитаго фабриканта, — вдругъ сказала Матренѣ Никитичнѣ: „Ежели ты, мужичка, не оставишь этого мѣста, я лозову камеръ-лакея и велю тебя вывести отсюда; а потомъ тебя отправятъ въ полицію". Эти послѣднія слова какъ громомъ поразили Матрену Никитичну: она сначала вся вспыхнула, потомъ поблѣднѣла и стала пятиться назадъ, предоставляя свое мѣсто горделивой своей антагонисткѣ. Тогда всѣ насмѣшливыя улыбки и лорнеты, бывшихъ ея по мѣсту спереди сосѣдокъ, обратились къ ней. Она не вытерпѣла и поспѣшила выйти съ хоръ, не дождавшись конца церемоніи. Съ трудомъ нашедши внизу своего служителя изъ фабричныхъ работниковъ, одѣтаго въ какую-то фантастическую ливрею, она усѣлась въ карету и возвратилась домой, гдѣ слезами, самыми горячими слезами разразилась ея горесть. Мужъ ея, какъ гласный думы, находился внизу, въ залѣ и, облеченный въ мундиръ со шпагой, видѣлъ отмѣнно хорошо всю церемонію пріема персидскаго уполномоченнаго. Василій Григорьевичъ, очень любившій свою Матрену Никитичну, возвратясь домой и нашедши жену полубольную въ постелѣ, огорчился и озаботился. Но она ничего о происшедшемъ ему не разказала и все пояснила жестокою головною болью, ей причинившеюся отъ жары на хорахъ. Б — ву, пріѣхавшему на другой день, было то же самое объявлено, и онъ разсыпался въ самыхъ восторженныхъ сожалѣніяхъ, сопровождаемыхъ совѣтами различныхъ лѣчебныхъ средствъ, долженствующихъ непремѣнно оказать помощь самымъ радикальнымъ образомъ. Его превосходительство даже готовъ былъ сейчасъ скакать въ аптеку за какими-то волшебными гомеопатическими порошками. Все это имѣло въ результатѣ то, что когда господинъ камергеръ уѣхалъ, то Василій Григорьевичъ сказалъ: „Вотъ истинный русскій боярин! Святой человѣкъ! Ангельская душа".—Дня черезъ два Гаврило Гавриловичъ заѣхалъ узнать о состояніи здоровья Матрены Никитичны, которую благодареніе Богу, засталъ въ вожделѣнномъ положеніи, распоряжавшуюся по своему домашеству. Въ этотъ день Б—въ особенно усердно хвалилъ все на дачѣ Жукова. Это восхищало самолюбиваго хозяина, который пришелъ просто въ восторгъ, когда „генералъ" объявилъ ему что на дняхъ онъ пріѣдетъ къ нимъ не одинъ, а съ своею женой, Катериной Петровной, которая страстно любитъ ягоды и фрукты, а всего этого Жуковская оранжерея (по истинѣ преплохая) доставляетъ

въ избыткѣ. Рѣшено было назначить день для пріема ихъ превосходительствъ. Приготовленія были самыя блестящія, и разнаго рода Богатоновскимъ* затѣямъ и разнаго рода сюрпризамъ не было конца. Наконецъ наступилъ этотъ желанный день, когда на дворъ Жуковой дачи, усыпанный краснымъ пескомъ, въѣхала голубая карета, запряженная четверней и съ лакеемъ въ пунцовой ливреѣ съ золотыми галунами, пунцовой на томъ основаніи что камергеры пользуются правомъ употреблять этотъ привилегированный для дворцовыхъ ливрей цвѣтъ. Карета остановилась въ упоръ къ крыльцу, на которомъ стояли хозяинъ и хозяйка дачи, прилѣпившіе съ благоговѣніемъ знатную барыню, весьма щеголевато одѣтую. Барыня эта и была госпожа Б—ва; а Гаврила Гавриловичъ, высадивъ ее изъ кареты, разсыпался мелкимъ бѣсомъ и сильнѣйшимъ образомъ тарантилъ, дѣлая видъ что вовсе не замѣчаетъ какъ сконфузилась и растерялась добрѣйшая Матрена Никитична. Гаврило Гавриловичъ отнесъ этотъ конфузъ хозяйки ни къ чему другому какъ къ чувству глубокаго уваженія къ его блестящей и многовнушительной супругѣ. Угощеніе шло сильное, въ родѣ Демьяновой ухи, и пробывъ часа два, Катерина Петровна уѣхала, увезя въ своей каретѣ цѣлыя груды разныхъ фруктовъ и ягодъ, конфектъ, бисквитовъ и пирожковъ, съ нѣсколькими бутылками сливокъ напвысочайшаго качества. Только-что голубая карета унеслась со двора и покатила по шоссе, Жуковъ напустился на неловкости своей Матрены Никитичны, и съ огорченіемъ упрекалъ ее въ неумѣньи принимать такихъ важныхъ барынь, какова Катерина Петровна Б — ва, супруга камергера двора его величества и дѣйствительнаго статскаго совѣтника со звѣздой. Тогда Матрена Никитична, давъ мужу покипятиться, не утерпѣла и навзрыдъ заплакала, причемъ открыла Василью Григорьевичу всю правду; а правда состояла въ обидѣ ей нанесенной на дворцовыхъ хорахъ знатною барыней, намѣревавшеюся отправить ее, жену почетнаго купца и фабриканта, „въ полицію“. Узнавъ это происшествіе, Жуковъ сильно раздражился; но онъ еще больше озлился на Б — ва когда узналъ что сильный конфузъ Матрены Никитичны при встрѣчѣ съ г-жей Б — вой произошелъ ни отъ чего другаго какъ оттого что она въ барынѣ-гостьѣ узнала ту барыню

* Дѣйствующее лицо одной изъ комедій М. Н. Загоскина.

которая хотѣла посадить ее въ полицію, на хорахъ Зимняго Дворца. Однако добрая и весьма неглупая Матрена Никитична уговорила мужа не дѣлать изъ всего этого никакаго шума, чтобы не пустить въ ихъ кругу, наполненномъ завистниками въ ходъ этого несчастнаго происшествія, въ которомъ ей привелось играть такую страдательную и несчастную роль. Не прошло послѣ этого разговора и недѣли, какъ явился Гаврило Гавриловичъ и, отведя Жукова въ сторону, сталъ просить у него подъ заемное письмо полторы тысячи рублей, тогда еще ассигнаціонныхъ. Жуковъ сказалъ Б—ву что онъ за счастье почелъ бы угодить его превосходительству, да эти дни произвелъ огромные платежи банкирскимъ конторамъ за табакъ и теперь голъ какъ соколъ, имѣя только то что̀ необходимо на содержаніе фабрики и дома съ дачей. „Но я не отпущу ваше превосходительство безъ спрашиваемыхъ вами денегъ. Извольте видѣть, у моей Матрёши есть капитальчикъ тысченки въ три, который состоитъ изъ ломбардныхъ билетовъ. Сейчасъ я ее позову, и ежели она согласна будетъ на выдачу вамъ полутора тысячъ рублей, то вы деньги эти тотчасъ получите.“ Нечего разъяснять что согласіе, какъ и ожидать можно было, со стороны Матрены Никитичны послѣдовало, и дѣло было, какъ говорится, въ шляпѣ. Б—въ былъ въ восторгѣ, который въ немъ дошелъ до такого пафоса что онъ чмокнулъ руку добрѣйшей Матрены Никитичны, чѣмъ необыкновенно ее сконфузилъ. Жуковъ однако, при всей своей добротѣ и при всемъ своемъ глубокомъ уваженіи къ генеральству, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи хоть сколько-нибудь отмстить за жену, оскорбленную его женой, и сказалъ: „Вотъ и хорошо, ваше превосходительство, что ея превосходительство, ваша Катерина Петровна, не успѣла посадить мою Матрёшу въ полицію, потому что тогда, само собою разумѣется, вамъ не видать бы ея денегъ, въ которыхъ, кажется, вы таки изрядно нуждаетесь.“ Ну, конечно, Б—въ сдѣлалъ видъ что въ прахъ превратитъ за это Катерину Петровну; но кто зналъ какъ онъ крѣпко находился подъ башмакомъ своей Катерины Петровны, хорошо понималъ что всѣ эти слова не что̀ иное какъ мыльные пузыри не больше.

Во время всего этого моего разказа, А. С. Пушкинъ нѣсколько разъ посмѣивался и при этомъ бросалъ мнѣ ласковые взгляды. По окончаніи же разказа моего *О билетѣ на хоры Зимняго Дворца*, Пушкинъ нѣсколько времени бесѣдовалъ

объ этомъ сюжетѣ съ Воейковымъ, съ барономъ Розеномъ и съ нѣкоторыми другими, причемъ сказалъ, обратясь ко мнѣ:

— Разказомъ этимъ я завладѣю для перваго нумера *Современника* или для будущаго новаго изданія *Повѣстей Бѣлкина*.

Затѣмъ Пушкинъ обратился къ Воейкову и сказалъ:

— А вотъ теперь я съ васъ, Александръ Ѳедоровичъ, попрошу взятку себѣ, или хоть снисходительное одолженіе, сказалъ Пушкинъ улыбаясь.

— Я весь къ вашимъ услугамъ, Александръ Сергѣевичъ, вопилъ Воейковъ, увѣренный что рѣчь будетъ не больше какъ о какой-нибудь предварительной рекламѣ въ *Инвалидѣ*.

Пушкинъ. Бога ради, Александръ Ѳедоровичъ, ломѣстите меня въ вашъ *Домъ Сумашедшихъ*, чрезвычайно обяжете, чрезвычайно. Тамъ у васъ есть и прелорядочные люди, какъ Батюшковъ, Жуковскій, Шишковъ, Карамзинъ....

Воейковъ (перебивая его). Я бы далъ остатокъ моей жизни, ежели бы мнѣ слѣдовало прожить еще столько сколько прожилъ понынѣ, чтобы только всѣ забыли эти нѣсколько моихъ гнусныхъ стиховъ на добродѣтельнѣйшаго моего благодѣтеля Николая Михайловича. Но что написано перомъ, того, къ несчастію, не вырубишь топоромъ. Эти стихи мой вѣчный позоръ, и я самъ не знаю какъ я могъ ихъ написать, я, безсовѣстная скотина, наполнивъ ихъ самою безсовѣстною ложью, относительно будто бы эластическихъ правилъ добродѣтельнѣйшаго Николая Михайловича. Стихи эти были написаны въ моментъ какого-то сумашедшаго и нелѣпаго раздраженія. Стихи эти уже достаточно наказали меня, заперевъ мнѣ навсегда какъ двери сердца, такъ и двери квартиры Василія Андреевича Жуковскаго.

Пушкинъ. Мало ли чего не бываетъ на свѣтѣ. И мнѣ случалось, въ минуту горячки, писать не то что чувствовалъ. И я себѣ не прощу никогда моихъ шуточныхъ эпиграммъ на добрѣйшаго изъ добрѣйшихъ генерала Инзова, когда я жилъ и служилъ въ Одессѣ. Но не въ этомъ дѣло. А зачѣмъ вы не хотите ломѣстить меня въ вашемъ *Домѣ Сумашедшихъ*?

Воейковъ. Затѣмъ что въ васъ, какъ въ поэтѣ, нѣтъ ни одной изъ тѣхъ странностей и эксцентричностей какія есть у другихъ и которыми въ особенности богатъ Жуковскій; какъ о человѣкѣ, въ сатирѣ мнѣ объ васъ говорить нечего, ежели я не сдѣлаю, относительно васъ, того же что сдѣлалъ такъ подло

такъ гнусно, относительно Карамзина. Словомъ, вы для сатиры не годитесь. А впрочемъ, подождите, можетъ-быть, какъ журналиста, можно будетъ васъ немножко попортретировать.

Пушкинъ. Будемъ ждать мѣстечка въ *Домѣ Сумасшедшихъ* Воейкова, хоть, напримѣръ, для Пушкина-журналиста. Благо не долго ждать: черезъ два мѣсяца начнется моя журнальная дѣятельность. А вотъ у меня въ коллекціи есть почти всѣ ваши прежніе члены *Дома Сумасшедшихъ*; но, къ сожалѣнію, я не имѣю ни Магницкаго, ни Ширинскаго. Пожалуйста продиктуйте мнѣ ихъ, Александръ Ѳедоровичъ.

Воейковъ. Зачѣмъ мнѣ вамъ ихъ диктовать? Послѣзавтра утромъ я самъ привезу къ вамъ копію всего моего *Дома Сумасшедшихъ*, за исключеніемъ Карамзина. Извините только что списано будетъ моимъ стариковскимъ почеркомъ.

Пушкинъ (жметъ ему руку).—Тысяча благодарностей. Я знаю что вѣдь вы почти ни для кого не проявляете такого рода любезности, почему въ особенности вамъ благодаренъ за ваше ко мнѣ вниманіе и постараюсь за ваше золото отдать хоть моею бронзой. Ну, а теперь пока все-таки прочтите-тка для меня о Ширинскомъ. Его цензурный уставъ верхъ несовременности!

Воейковъ. Алжирскій уставъ!

Пушкинъ. Какъ алжирскій?

Воейковъ. Да, такъ я его назвалъ въ моихъ стихахъ. Вотъ они:

Это что?... Уставъ Алжирскій
О печатаніи книгъ....
Вкругъ него кнуты, батоги
И Красовскій.... ноздри рвать!
Я скорѣй—давай Богъ ноги,
Здѣсь не мѣсто разсуждать.

— А вотъ ужъ коли на то пошло, имѣю честь представить вамъ любопытнаго субъекта. Слушайте:

„Берегитесь, здѣсь Магницкій!“
Насъ вожатый упредилъ:
„Онъ укуситъ васъ,—не близко!“
Я съ боязнью отступилъ.

Предъ безумцемъ на амвонѣ
Кавалерскихъ связка лентъ,
Просьбица о пенсіонѣ,
Святцы, списокъ всѣхъ арендъ,

Дачъ, земель лѣсовъ казенныхъ,
И записка о долгахъ.
Въ размышленьяхъ столь духовныхъ
Изливалъ онъ ядъ въ словахъ:
„Горе! Добрый царь на тронѣ,
Вѣръ терпимость, пытокъ нѣтъ.
Ахъ, зачѣмъ не при Неронѣ
Я рожденъ на бѣлый свѣтъ!
Благотворный бы представилъ
Инквизиціи проектъ.
Въ маслѣ бы варить заставилъ
Философовъ разныхъ сектъ.
Заподозривъ, такъ и съѣлъ бы
И роднаго я отца.
Что дадите? Я поддѣлъ бы
И Небеснаго Творца.
Я за орденъ—христіанинъ,
Я за землю—мартинистъ,
Я за деньги—мусульманинъ,
За аренду—атеистъ!
Я какъ дьяволъ ненавижу
Бога, ближнихъ и царя,
Зло имъ дѣлать сплю и вижу
Въ честь Христова алтаря!“

Пушкинъ. Браво! Превосходно! Іезуитизмъ весь наружу. Какъ это?

Я за орденъ—христіанинъ,
Я за землю—мартинистъ,
Я за деньги—мусульманинъ,
За аренду—атеистъ!

— Чудо какъ вѣрно, характерно и типично. Вотъ ежели бы въ этомъ родѣ, да изобразить нашихъ журнальныхъ бойцовъ, съ тою же злою, сатирическою язвительностью, какая вами употреблена особенно при посаженіи въ *Домъ Сумасшедшихъ* страшнаго іезуита-обскуранта Магницкаго.

Воейковъ. Къ услугамъ вашимъ, Александръ Сергѣевичъ:

Вотъ Сенковскій—сей и оный,
. . . . . .

Пока Воейковъ читалъ свое ругательное стихотвореніе на Сенковскаго, я всматривался въ Пушкина и не могъ не замѣтить что выразительное лицо поэта утратило печать веселости и становилось мрачно, грустно и проявляло даже досаду: оче-

видно, онъ ожидалъ остроумія, хотя и желчнаго, но встрѣтилъ лишь циничную бранчивость. Воейковъ, не замѣтивъ этой рѣзкой перемѣны въ Пушкинѣ, вскрикнулъ:

— Еще вотъ-съ почтеннѣйшій Н. И. Гречъ:

Вотъ и Гречъ, нахалъ въ натурѣ,
Изъ чужихъ лоскутьевъ сшитъ,
Онъ Цыганъ въ литературѣ,
А въ торговлѣ книжной—Жидъ.
. . . . . .

Къ Гречу Пушкинъ даже симпатизировалъ, любя въ немъ его остроуміе, и сказалъ Воейкову, нахмуривъ брови:

— Ну, ужь не черезъ край ли вы хватили, Александръ Ѳедоровичъ?

Воейковъ и тутъ, казалось, не понималъ, и пустившись вскачь, повидимому, не могъ быть удержанъ, почему спросилъ:

— Не угодно ли познакомиться поближе съ общимъ другомъ и благопріятелемъ нашимъ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ? И не дожидаясь отвѣта читалъ:

Тутъ кто?... Гречева собака
Забѣжала вмѣстѣ съ нимъ,
То Булгаринъ забіяка
. . . . . .

Послѣдніе стихи заставили Пушкина невольно улыбнуться.

— Куда ни шло, читать, такъ читать все, восклицалъ Воейковъ, и прочелъ:

Вотъ въ порожней бочкѣ винной
Цѣловальникъ Полевой,
Безпардонный и безчинный....
. . . . . .

Стихи на Полеваго, котораго Пушкинъ хотя и не любилъ, но не могъ не считать весьма даровитымъ и во многомъ полезнымъ писателемъ того времени, произвели на него особенно непріятное впечатлѣніе, и онъ, чтобы не показать Воейкову свое явное неудовольствіе, закрылъ лицо рукой и тихонько посвистывалъ.

— Еще есть у меня въ *Сумашедшемъ Домѣ* извѣстная вамъ Сафо въ карикатурѣ.

— Какъ не знать, сказалъ Пушкинъ,—знаю, урожденная княжна Х—зева, сестра жены статсъ-секретаря Мордвинова. Темира! Оригинальная, но очень добрая личность.

Воейковъ сталъ читать:

Вотъ Темира.... вкругъ разбросанъ
Перьевъ пукъ, тряпицъ, газетъ;
Ангелъ—дьяволомъ причесанъ
И чертовкою одѣтъ.
Карлица и великанша,
Смѣсь съ юродствомъ красоты,
По талантамъ генеральша,
По причудамъ прачка ты!

Достойно вниманія что сколько съ удовольствіемъ Пушкинъ слушалъ выходки противъ такихъ лицъ, какъ Магницкій, далеко съ видимою несимпатіей слушалъ онъ ругательства изрыгаемыя Воейковымъ противъ литераторовъ-журналистовъ. Когда же Пушкинъ прощался съ Воейковымъ и собирался уѣхать, Воейковъ, вышедши за нимъ въ переднюю, спрашивалъ:

— Такъ завтра или самое позднее послѣзавтра я доставлю вамъ, Александръ Сергѣевичъ, непремѣнно всѣ дополненія моего *Дома Сумашедшихъ*.

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ Пушкинъ, надѣвая шубу изъ рукъ слуги и закутываясь шарфомъ,—сдѣлайте одолженіе, Александръ Ѳедоровичъ, особенно стихи о Магницкомъ.

— А нашихъ друзей журналистовъ? спрашивалъ Воейковъ посмѣиваясь.

— Ну, и ихъ, и ихъ! произнесъ Пушкинъ уже въ дверяхъ въ сѣни, откуда слышны были слова его:—прощайте, Александръ Ѳедоровичъ, прощайте, не простудитесь.

То были послѣднія слова какія я слышалъ изъ устъ Пушкина при жизни его.

Спустя два мѣсяца послѣ этой моей встрѣчи съ Пушкинымъ у Воейкова, не стало безсмертнаго поэта.

Въ третій разъ въ теченіи моей жизни я видѣлъ Александра Сергѣевича Пушкина два мѣсяца послѣ этого вечера, въ концѣ января 1837 года, уже въ гробу. Квартира великаго поэта, на Мойкѣ, близъ Пѣвческаго моста, въ домѣ княгини Волконской, была сильно атакуема публикой, безпрестанно стремившеюся проститься съ покойнымъ поэтомъ, который, какъ самъ выразился въ своихъ безпримѣрныхъ стихахъ, воздвигъ себѣ памятникъ нерукотворный въ каждомъ русскомъ сердцѣ. Гробъ Александра Сергѣевича былъ окруженъ съ утра до поздней ночи, да и ночью даже, ревностными его поклонниками, изъ ко-

торыхъ было не мало смѣявшихъ почтенныхъ чтецовъ Псалтыря и читавшихъ за нихъ сами.

Я, пока тѣло неподражаемаго поэта въ теченіи трехъ сутокъ находилось въ домѣ, приходилъ поклониться ему по два раза въ день, и потому, ежели бы владѣлъ кистью или пастельнымъ карандашомъ, то-есть вообще ежели бы я былъ художникъ, могъ бы изобразить весьма вѣрно Пушкина въ гробу, по крайней мѣрѣ вѣрнѣе и граціознѣе чѣмъ тотъ портретъ который былъ тогда же литографированъ и пущенъ въ продажу. Скажу теперь только то что Пушкинъ былъ положенъ въ гробъ въ любимомъ своемъ темнокофейномъ сюртукѣ, въ которомъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ у Воейкова.

А. Ѳ. Воейковъ въ 1838 году продалъ свои *Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду* Плюшару, который поручилъ редакцію этой газеты А. А. Краевскому, а въ 1841 году эта газета явилась уже съ иллюстраціями, очень искусными и изящными, подъ названіемъ *Литературной Газеты*. Въ 1837—1838 годахъ А. Ѳ. Воейковъ, вліяя сильно на тогдашняго богача В. Г. Жукова, успѣлъ уговорить его учредить типографію и издавать книги, что̀ и началось огромнымъ обѣдомъ, даннымъ въ залахъ типографіи, на который собрались *всѣ* наличные тогда въ Петербургѣ литераторы. Замѣчательно что эта типографія, *Жукова и Воейкова*, устроена была въ Сѣнномъ, грязномъ и смрадномъ переулкѣ, въ томъ самомъ домѣ изъ оконъ котораго въ 1831 году, когда свирѣпствовала первая холера въ Петербургѣ, чернь бросала докторовъ, такъ какъ тутъ устроена была центральная холерная больница. Когда-нибудь я подробно поговорю объ этомъ оригинальномъ обѣдѣ, слегка описанномъ въ *Воспоминаніяхъ* И. И. Панаева. А теперь скажу только что А. Ѳ. Воейковъ умеръ въ 1839 году здѣсь въ Петербургѣ.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СТАРОЖИЛЪ В. Б

Петербургъ.
15го августа 1871.